

Дмитрий ЛАГУТИН

Дмитрий Лагутин родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского госуниверситета. Победитель международного конкурса «Гайто», лауреат национальной премии «Русские рифмы» и др. Публиковался в журналах «Новый берег», «Нева», «Урал», «Знамя», «Новый мир» и др. В «Волге» публикуется с 2018 года.

ПЛАТОН МНЕ ДРУГ

Роман

Платон нашел свое место, сел, ткнул рюкзак под ноги, и стал смотреть, как на взлетную полосу сыпется крупный, хлопьями, снег.

Стоял поздний вечер, и на фоне темного неба снег казался ослепительно белым. Вот развернулся и поехал восвояси автобус, доставивший пассажиров на борт. Вот пробежали наискосок двое в ярко-зеленых куртках – придерживая фуражки.

На соседнее кресло опустился бородач в джемпере. Платон отвернулся от иллюминатора, поздоровался, бородач ответил, пригладил пепельную бороду и забегал пальцами по экрану телефона.

Снежинки прилипали к стеклу. Небо было затянуто облаками – звезд не видно.

– Погодка-то, – пробасил бородач. – Провожает старушка.

Старушка бросала на облака пятна оранжевого света – там сейчас горят фонари, на площадях играет музыка, а черные шпильки изо всех сил тянутся вверх, желая оторваться от крыш.

– Жаль улетать, – в пепельной бороде заиграла улыбка. – Зимой Прага – сказка.

Когда снег перестал падать, кружась, и замелькал, сливаясь в белую пелену, уносящуюся куда-то за спину, а самолет, гудя и вздрагивая, разогнался и оторвался от взлетной полосы, Платон увидел внизу целое море из огней и крыш. Запетляли, уменьшаясь, улицы, белыми прямоугольниками поплыли вбок площади. Платон стал искать глазами Карлов мост, но иллюминатор на несколько мгновений ослеп, а потом мир перевернулся: теперь серая перина облаков была снизу, а огни – сверху, но это уже были не огни Праги, а маленькие бледные звезды, рассыпанные по черному бархату неба.

– Я скорее всего усну, – сообщил бородач. – Если буду храпеть, толкайте в бок. Но не слишком сильно, я уже не молод.

Он рассмеялся и откинул спинку кресла далеко назад.

Прошла стюардесса, спросила, не надо ли чего. Бородач попросил плед. Платон не знал, нужен ли ему плед, а пока решал, стюардесса оказалась уже далеко впереди.

«Не нужен», – пожал плечами Платон и повернулся к иллюминатору.

В некоторых местах серая перина рвалась, расходилась в стороны, и в провал было видно горстки светящихся точек – города. Там, где перина не рвалась, на нее ложился бледный серебряный свет. Сплюснутая и точно набок склонившаяся – так склоняют, задумавшись, голову – висела вдалеке луна, точно на гвоздь прибитая.

Платон зевнул в кулак и покосился на бородача – глаза закрыты, руки сложены на груди – наклонился и полез в рюкзак за Чеховым. Это отделение он не открывал с самого утра, книга лежала на дне, и искать ее предстояло на ощупь.

Но у рюкзака были свои планы. Пальцы сразу же наткнулись на острый бумажный уголок, и Платон выудил из отделения аккуратный коричневый конверт без подписей.

Конверт был заклеен, внутри – Платон осторожно пощупал находку – покоилось письмо.

Платон потер переносицу. Покосился на бородача, вскрыл конверт, развернул письмо и стал читать.

«Любезный Платон.

Конечно же я вела себя как дура. Мне бы не хотелось, чтобы Вы вспоминали меня худым словом, и поэтому я пишу это письмо. Только не думайте, что я берусь оправдываться перед Вами или что-нибудь в этом роде! Уверяю Вас, Платон, что письмо это более нужно мне, нежели Вам, такой уж я человек.

Вы сейчас, скорее всего, едете в поезде – желаю Вам счастливого пути. Ах, поезда! Какой пейзаж проплывает мимо Вашего окна? Приятны ли соседи? Советую Вам поспать, в поезде снятся чудесные, возвышенные сны – если Вы, конечно, не умудрились выпить чего-нибудь по пути к вокзалу, чего от Вас, увы, можно ждать.

Не скрою, знакомство с Вами произвело некоторый переворот в однообразном течении нашего быта – впрочем, Вы сами, будучи человеком чутким, не могли этого не заметить. Мамап от Вас без ума, Коле Вы тоже, несмотря ни на что, понравились, он уже начинает скучать – верьте мне – а ведь Вы еще даже не уехали! Я слышу Вас за стеной, Вы шагаете по комнате и, могу предположить, собираете вещи. Вот сейчас Вы остановились, а сейчас снова зашагали. Снова остановились. Снова зашагали. Платон, у Вас очень тяжелые шаги, всякий раз, когда Вы рано утром выходили из комнаты и спускались по лестнице, я просыпалась – и уже более не могла уснуть.

Я все же очень глупая – пишу Вам какую-то ерунду, Вам, наверное, ужасно скучно все это читать. Если скучно, прошу Вас – не читайте! Я и сама не знаю толком, что хочу сказать – и надо ли вообще что-то говорить в нашем с Вами случае, я тоже не знаю. Возможно, стоит дать слово тишине – она бывает красноречивее любых строк.

Жаль, что Вы не застанете снегопад – настоящий снегопад. Прага выгоднее всего смотрится в снегопад, Вы это сами прекрасно знаете, не мне Вас учить. Впрочем, не будем о Праге, я устала от нее и ничего не хочу о ней знать. Хочется дышать, петь, а здесь...

Простите, я увлеклась.

Я увлеклась и снова забыла, зачем же пишу Вам. Ах, я и впрямь очень глупая, не правда ли? Хотя временами мне кажется, что я ужасно умная, умнее кого бы то ни было, включая Вас, Платон.

А знаете? Я придумала кое-что толковое. Пожалуй, я не буду больше ничего Вам писать – хватит с Вас, я и так намолочила чепухи на год вперед, еще немного, и мне будет неловко запечатывать конверт. А еще надо будет как-то подсунуть его Вам! В этом мне поможет Коля, с него станется, он в таких делах мастак, разве что специально не свалит дурака и не выдаст себя, выдавая тем самым и меня – мне тогда придется краснеть перед Вами, а я этого почему-то сегодня не хочу. Впрочем, краснеть мне придется в любом случае – я уверена: как только поезд тронется, мои щеки запыхают, и будут пылать до самого вечера. Ведь как бы то ни было, любезный Платон, это я Вам пишу, а не Вы мне – что было бы, конечно, более уместным. Но Вы, Платон, при всей Вашей чуткости порой обнаруживаете себя форменным... Какое бы слово подобрать?.. Предоставляю сие занятие Вам – подберите, пожалуйста, слово, которое не было бы Вам обидно, но хотя бы в малой мере описывало Вашу неделикатность. Я всерьез ждала от Вас письма! Или Вы еще вручите мне его? Или я найду его в одной из книг? Только бы Вы не передавали его мамап или Коле – они обязательно его вскроют и прочтут, и мне придется краснеть перед ними, а этого я не хочу ни сегодня, ни завтра, ни вообще когда бы то ни было!

Простите, я снова увлеклась.

Я не хочу больше писать Вам, Платон, так и знайте. И никогда Вам больше не напишу. Но чтобы Вы не думали, что я какая-нибудь нахалка, не знающая манер, я вложу в конверт небольшой подарок в память о моей скромной персоне.

И помните – Вы дали мне слово прочесть все те книги, которые я Вам отрекомендовала. При всех Ваших недостатках, Вы – честный человек, я Вам верю; не обманите же мое доверие!

Прощайте!»

Ниже красовалась размашистая, с завитушками, буква А. Точка, сопровождающая ее и обозначающая сокращение имени, была похожа на родинку.

Платон заглянул в конверт, наклонил, аккуратно потряс – и на ладонь выскользнула крошечная – меньше спичечного коробка – фотография. С нее на Платона смотрела девушка с

тонкими, правильными чертами лица, с темными волосами, стянутыми на затылке в пучок. Девушка улыбалась уголками губ, на щеках играли едва заметные ямочки. Серые глаза, однако же, оставались серьезными, если не сказать холодными, а подбородок был чуть задран – и поэтому казалось, что девушка смотрит несколько свысока.

Платон какое-то время изучал фотографию, потом положил ее в конверт и потер переносицу. Еще раз пробежался глазами по письму, и его тоже вернул на место. Конверт он после короткого замешательства сунул в рюкзак – но не в общее отделение, а в соседнее, к документам. Потом повернулся к окну, ткнулся виском в пластиковую дугу иллюминатора и вздохнул не то раздраженно, не то устало.

За стеклом мерцали звезды, луна карабкалась к зениту. Облака поредели, перина рассыпалась на лоскуты, таяла. Прага осталась где-то далеко внизу – начнешь представлять расстояние, и волосы на затылке зашевелиятся.

«Лететь-то всего ничего, моргнуть не успею», – подумал Платон, и ему стало грустно оттого, что лететь всего ничего, что он моргнуть не успеет, честнее было бы добираться домой подольше. Хотя и три месяца эти сейчас, над облаками, оставшись позади, как если бы остались внизу вместе с Прагой, вдруг показались ему промелькнувшими мимо со страшной скоростью – просвистело что-то, а ты стой и оглядывайся.

«Да и что такое три месяца, если разобраться? – подумал он. – Разве это много?»
И покачал головой. Три месяца! Целая жизнь!

***

Платона отправили в Прагу в числе десяти студентов – по программе обмена. И это, конечно, была новость что надо. Мама, узнав, воздела руки к небу и закричала так, что Платон вздрогнул:

– Наконец-то этот университет хоть что-то тебе даст!

«Хороший университет, – подумал тогда Платон. – Не хуже других».

Но, конечно, перспектива провести осень в Праге воодушевляла его и даже заставляла волноваться – хотя внешне он старался этого не показывать.

– Посмотрите на него, – говорила мама, – такая поездка на носу, а у него ни один мускул не дрогнет.

Для всех десятерых выделялись места в общежитии – и общежитии довольно сносно, если верить прошлогодним счастливицам, – но мама и слышать ничего не хотела: в пригороде Праги жила ее школьная подруга с семьей.

– Как я ей в глаза смотреть буду? Сын в двух шагах, а прозябает в общежитии! Только к Лизе! Только к Лизе! Я ей сейчас же позвоню.

Лиза – тетя Лиза, как предписывалось ее величать Платону, – училась с мамой в одном классе, и даже жила в одном подъезде – до четырнадцати лет они были не разлей вода, и мама, по ее словам, «все глаза выплакала», когда родители увезли подружку в Прагу.

– Ну, не в саму Прагу, а в пригород, – поправлялась она, как будто это имело существенное значение.

С тех пор они созванивались несколько раз в год, поздравляли друг друга с днями рождения, с днями рождения детей – и на этом общение заканчивалось. Дважды тетя Лиза приезжала в гости – Платон был еще совсем маленьким, и его полагалось, едва показавшись на пороге, ущипнуть за щеку с протяжным «Плато-оша».

У тети Лизы было двое детей – мальчик и девочка – и муж, большую часть времени проводящий в разъездах и командировках, она любила музыку и музеи, а когда говорила, закрывала глаза. Кроме этого Платон о ней ничего толком не знал. Он попробовал было отстоять общежитие – напирал на то, что не придется вставать ни свет ни заря, чтобы попасть на занятия – но делал это без особенного усердия и почти сразу капитулировал.

Накануне вылета мать вручила Платону тук с гостинцами.

– Вези осторожно, там торт.

– Какой еще торт?

– «Пражский», какой же еще! Лиза его очень любит!

По пути в аэропорт Платон завез торт на кафедру – «Спасибо за предоставленную возможность, уверен, эти месяцы пойдут впредь», – и из-за этого чуть не опоздал на регистрацию. В самолете он спал, а если не спал, то смотрел в иллюминатор и размышлял над тем, много это или мало – три месяца. Выходило, что много.

В Праге, несмотря на вечер, стоял туман, Платона встретил хмурый чех, представившийся «дурогом Илезаветы Дмитривни», посадил Платона в тесный автомобиль с запотевшими стеклами и долго кружил по узким улочкам, бормоча что-то под нос. Платон тер рукавом окно и всматривался в плывущие сквозь туман дома – все казалось сонным, а вдобавок ко всему заморосил мелкий дождь, и по стеклу побежали тоненькие ручейки.

Очень скоро в тумане растаяли последние дома – автомобиль выехал за пределы Праги и понесся по прямому, точно линейка, шоссе. Платон снова тер окно – и смотрел, как тянутся во все стороны серо-зеленые поля, время от времени взрывающиеся рощицами, в которых туман становился гуще – точно путается и застрекает между стволами. Предзакатное солнце то показывалось из-за облаков, то пряталось обратно. Дождь усилился, забарабанил по крыше – дворники замелькали как ошпаренные – потом точно устал и капал еле-еле, для вида.

Платон посматривал на часы. Поездом – электричкой! – путь от городка, в котором ему предстояло жить, занимал, если верить тете Лизе, сорок минут, на авто выходило чуть побольше. Платона подмывало спросить: «Скоро ли приедем?» – но он не решался. Чех за всю дорогу не проронил ни слова, если не считать бормотание, из которого Платон не смог бы и при желании вычленивать ни слова.

Наконец впереди показались дома, и дорожный указатель сообщил, что, дескать, вот, добро пожаловать. Платон в сотый раз протер окно и увидел лошадей, пасущихся в поле. Это зрелище приободрило его, и в городок он въехал в спокойном, благостном настроении. К тому же солнце нашло-таки порядочную прореху в облаках и село на ее краю, у самого горизонта, заливая все вокруг красным светом. Дождь покапал еще немного и совсем затих.

Окна меньше потеть не стали, но теперь вокруг Платона все светилось. Городок оказался очень милым – аккуратные ряды невысоких домиков расходились во все стороны от центральной улицы, на тротуарах складывались один за другим зонты – и люди смотрели на небо, радуясь солнцу.

«Мило», – подумал Платон и тоже посмотрел на небо.

Облака сияли так, точно были готовы вот-вот загореться – и лежали совсем низко, над самыми крышами. Высоких домов Платон не заметил – максимум четыре, пять этажей. Промелькнула широкая круглая площадь, вся сверкающая мокрой брусчаткой. В центре – памятник. Чех посигналил кому-то, помахал рукой.

Дом тети Лизы расположился на другом конце городка, у самой окраины – а может быть, и за ней. Здесь были только частные дома, и стояли они в некотором отдалении друг от друга. Чех поехал медленнее и вскоре остановился напротив небольшого двухэтажного домика с треугольной крышей. Помог Платону выгрузить из багажника чемодан, показал на крыльцо, кивнул коротко, развернулся и уехал.

Домик казался сошедшим со страниц какой-нибудь сказки – ровненький, приветливый, прячущийся в зелени яблони. Вся улица была залита мягким оранжевым светом, негромко пели птицы. Перед домом поблескивал низенький заборчик с калиткой.

Платон подошел к калитке, осторожно толкнул ее и зашагал мимо густых цветочных клумб. Поднялся на крыльцо, поставил чемодан, с трудом нашел звонок и прижал к нему палец.

***

Слева от двери темнело узкое окошко, завешенное с той стороны. На подоконнике – за стеклом – стоял крошечный горшочек, из него рос, выгибаясь и растопыривая листья, цветок. Окошко засветилось, Платон услышал торопливые шаги, и дверь распахнулась.

На пороге стояли тетя Лиза и мальчик лет двенадцати.

– Платоша! – и тетя Лиза заключила Платона в объятия.

«Платоша, – подумал Платон, не зная, как ему себя вести. – Сейчас за щеку ущипнут».

– Ну и возмужал же ты! Прямо богатырь!

Платон развел руками. Тетя Лиза дернула за локоть мальчика.

– Это Коленька, вы, кажется, не виделись.

Розовощекий, взъерошенный мальчик хитро улыбнулся, прищурился и кивнул:

– Здравствуйте.

– Платоша, заходи, заходи, чего же ты на крыльце стоишь?

И тетя Лиза потянулась было к чемодану, но тут же – Платон еще не успел возразить на ее первое движение – обернулась к сыну:

– Коленька, дружочек, помоги гостю с чемоданом.

Тут уж Платон запротестовал и вцепился в ручку мертвой хваткой. Коля изобразил на лице печаль, но в глазах его мелькнула благодарность.

Когда все трое оказались в тесной прихожей и Коля с грохотом захлопнул дверь за спиной Платона, тетя Лиза вытянула шею и крикнула вглубь дома:

– Анюта! Спустись и поздоровайся, будь добра!

Повисла тишина, потом Платон услышал негромкие шаги над головой. Шаги проплыли над Колей, над тетей Лизой, мимо вешалок, двух закрытых дверей – одна слева, другая справа – мимо зеркала и картин – больших и маленьких, которые во множестве висели по обе стороны. Потом раздался скрип, и по деревянной лестнице, в которую упиралась прихожая, спустилась высокая худая девушка в сером платье. Темные волосы рассыпались волнами по плечам, подбородок был вздернут, девушка смотрела сверху вниз – и не на стоящих в прихожей, а куда-то в сторону, как будто спускалась сама, просто так, не из-за того, что ее только что позвали. Одной рукой она держалась за перильце, другой прижимала к груди книгу.

Коля фыркнул и захихикал, тетя Лиза посмотрела на него, многозначительно поджала губы.

Девушка не обратила на хихиканье никакого внимания. От лестницы она шагала медленно, опустив глаза в пол – и подняла их только оказавшись перед Платоном. Глаза были серые, равнодушные.

– Здравствуйте, – сказал Платон. – Платон.

Девушка прищурилась – совсем как брат, но без улыбки – и склонила голову.

– Анна.

Коля снова захихикал. Девушка развернулась и проделала обратный путь, не сказав больше ни слова. Когда лестница опустела, тетя Лиза будто очнулась – и засуетилась.

– Коля, покажи гостю комнату и ванную. Платоша, располагайся, умывайся, приходи в себя – и ждем тебя за стол.

Коля шелкнул каблуками, отдал матери честь и засеменил к лестнице. Платон – не переставая благодарить тетю Лизу – двинулся следом.

В роли гостевой выступала комната Коли – и Платону сразу стало неловко перед мальчиком. Коля однако же вел себя крайне приветливо, показал, где лежат полотенца, распахнул подготовленный загодя шкаф, выдвинул пустые ящики.

– Свет включается здесь, от окна немного дует, вот эта полка уже дважды падала.

Комната была небольшая, уютная, у окна – стол, под потолком на леске – модели самолетов. Над кроватью на трех настенных полках пестрели корешки детских книг.

На полу лежал квадратный ковер с вышитыми на нем планетами.

Коля показал на крайнюю, дальнюю от окна, дверцу шкафа.

– Здесь мои... – он запнулся и покраснел. – Вещи.

Он приоткрыл дверцу, и Платон увидел распиханные по полкам игрушки.

– Понял.

– И еще... – Коля покраснел еще больше. – Сундук...

Он показал на сундук, стоящий между изголовьем кровати и стеной. Старый потертый сундук, обитый зеленой тканью.

– Замок не работает, а я... – запинаясь, продолжал Коля. – В общем... Попрошу вас его не открывать.

Платон кивнул. Коля потоптался еще немного, пытаясь затоптать возникшую неловкость, и ушел. Платон огляделся по сторонам, открыл чемодан, сел на кровать. Потом встал, прошел к окну, отдернул занавеску. Окно смотрело за дом, на крошечном огороженном участке ютились несколько пышных клумб, тонкое вишневое деревце и прямоугольная беседка. За оградой расстилался луг, заканчивающийся рощей на холме. Все уже таяло в сумерках, и только самая верхушка рощи еще сияла золотом, точно песком присыпанная.

Платону стало грустно, захотелось домой, он принялся разбирать чемодан, но скоро бросил, наспех переоделся, взял полотенце и пошел в ванную, а уже через полчаса сидел внизу, в гостиной, и смотрел, как тетя Лиза суетится с тарелками и бокалами.

***

Ужин был превосходный. То ли дорога положительно сказалась на аппетите, то ли тетя Лиза и впрямь готовила *настолько* вкусно, но только от грусти Платона не осталось и следа уже после салата. Тетя Лиза то и дело подкладывала добавки, называла Платона богатырем, спрашивала, точно ли ему можно вино – а если можно, то белое или красное?

– А я вот тоже хочу вина, – заявил Коля.

Тетя Лиза посмотрела на него укоризненно.

– Пойди лучше позови Анюту.

Одно место пустовало.

Коля, хитро улыбаясь, вытащил из-за воротника салфетку, слез со стула и вышел.

– Коленька у нас шутник, – сказала тетя Лиза, усаживаясь напротив Платона и подпирая подбородок ладонью. – Как же ты повзрослел!

Платон хмыкнул смущенно.

– Еще салата?

Платон протестующе замотал головой, хотя ничего против не имел. Тетя Лиза пожала плечами, выпрямилась и посмотрела на часы. Тут только Платон увидел, как она постарела – в сумерках прихожей он на это не обратил внимания, но сейчас над столом горела ослепительно лампа, и нельзя было не заметить, как осунулось и без того худое лицо, как тонка стала шея, обвитая несколькими рядами белых бус.

«И руки, – думал Платон. – Я же читал где-то, что первыми стареют руки».

Кисти у тети Лизы были длинные и тонкие, как у художницы, на пальцах блестели массивные перстни.

Вернулся Коля, сел на свое место, повязал салфетку. Платон свою измял, вытирая руки, и теперь безуспешно пытался спрятать под тарелку.

– Что Анюта? – спросила тетя Лиза.

Коля пожал плечами.

– Заперлась в комнате и сидит.

Тетя Лиза вздохнула. В этот момент наверху послышались шаги, лестница заскрипела, и в кухню вошла Анна.

«Анна – подумал Платон, мысленно растягивая, нараспев, ее имя. – Анна».

На ней было синее платье с белым воротником и длинными узкими рукавами, волосы собраны в пучок.

– Простите за опоздание, – тихо сказала она, ни на кого не глядя, отодвинула стул и села.

Лампа горела ярко, и оттого казалось, что за пределами пятна света совсем темно. Углы гостиной, потолок – тонули в полумраке.

– Мама, налей мне вина, пожалуйста.

Коля фыркнул, тетя Лиза ахнула:

– Анюта!

Анна вздернула подбородок, и глаза ее сверкнули. Тетя Лиза встала, шагнула к шкафчику, вернулась с бокалом, наполнила его вином.

– Благодарю, – Анна кивнула и придвинула бокал к себе. Потом кончиками пальцев взялась за ножку, медленно поднесла к губам и сделала крошечный глоток.

Платон смотрел на лицо Анны, сияющее в свете лампы. «Какая красивая», – думал он и чувствовал, как разливается по телу тепло от вина. «Сейчас напьюсь, – подумал он, – с дороги-то. Вот будет посмешище».

Анна повернулась к нему.

– Что-то не так?

Он вздрогнул от неожиданности и перестал чувствовать, как разливается тепло.

– Простите? – спросил он.

– Вы так на меня смотрели, – сказала Анна, глядя ему в глаза. – Я и подумала: вдруг что-то не так?

Коля фыркнул, Платон замялся.

– Нет-нет, простите, все в порядке.

Он глупо улыбнулся и посмотрел на тетю Лизу. Та сделала строгое лицо.

– Анята!

Анна вздохнула, отвернулась от Платона и принялась за еду. Платон и Коля последовали ее примеру, и только тетя Лиза сидела, подперев подбородок ладонью, и переводила взгляд с одного на другого.

– Как быстро растут дети! – выдохнула она наконец.

И принялась расспрашивать Платона – про маму, про университет, про программу, по которой ему представилась такая сказочная возможность. Платон ел и отвечал, отвечал и ел – и между делом цедил уже третий бокал, мысленно укоряя себя за бестактность. Ему однако же снова стало тепло, ответы делались все более развернутыми, и теперь он даже позволял себе шутить, если выдавалась возможность. Коля после каждой шутки заливался звонким хохотом, и Платона это подзадоривало. Тетя Лиза улыбалась, кивая головой, а вот Анна ни разу даже не улыбнулась.

– Видели бы вы лицо мамы, когда я сказал ей про общежитие!

Платон понял, что сказал глупость, и осекся.

– Ну, то есть о том, что нас... – забормотал он, сосредоточившись на жарком. – Сначала как бы... В обязательном порядке...

Платон поднял глаза на тетю Лизу, потом посмотрел на Колю, словно искал у него поддержки. Повисла тишина.

И вдруг Анна сказала:

– Расскажите о Москве.

Платон возликовал и ухватился за просьбу как за спасательный круг.

– Москва! – воскликнул он и встряхнул волосами. – Москва!

И осекся, не зная, с чего начать. «В каком смысле – о Москве? – думал он. – Сейчас опять ляпну что-нибудь». Он осторожно посмотрел на Анну, изучавшую с отстраненным видом свой бокал.

– А вы не были в Москве?

«Что я несу? – тут же испугался он. – Конечно, она была в Москве! Сейчас решит, что я грублю».

Анна сделала еще один крошечный глоток и невозмутимо посмотрела на него.

– Представьте себе, не была.

– А я был, – вставил Коля.

– И ты была, Анята! – воскликнула укоризненно тетя Лиза.

Анна не сводила глаз с Платона. «Что это за взгляд? – думал он, чувствуя себя все более неуютно. – Даже не моргнет!»

– Представьте себе, – заговорила она, – я была в Москве в возрасте двух лет.

– Почти трех, – вставила тетя Лиза.

– Почти трех. Я прекрасно провела время. Кстати сказать, мы с вами тогда познакомились, и даже имели какое-то общение.

– Я, – Платон не мог увернуться от пристального взгляда, – не помню.

Из рассказов матери он знал о том, что в первый раз тетя Лиза приезжала с дочерью, ему было три.

– Я, представьте себе, тоже, – Анна моргнула, и Платону стало легче. – Вот и скажите, можно ли считать мой приезд приездом, а наше знакомство – знакомством?

Платон выдавил из себя смешок и растерялся – взгляд снова стал пристальным.

– Это сложный вопрос, – сказал, наконец, он и выдавил еще один смешок.

– Платоша, подлить тебе вина? – улыбнулась тетя Лиза.

Он кивнул – пить ему не хотелось, но он был рад тому, что неловкий диалог можно закончить.

– Вино замечательное, – добавил он, принимая бокал и поднося его к губам.

– Нет, постойте, – с нажимом проговорила Анна, до сих пор не сводившая с Платона глаз.

«Какие холодные глаза», – промелькнуло у него в мыслях.

– Постойте, Платон, пожалуйста, вино никуда не убежит. Это совсем не сложный вопрос, – она нахмурилась, – ответьте на него, если вам не сложно.

Платон и вопрос-то успел забыть.

– Анюта, перестань приставать к гостю, – вздохнула тетя Лиза. – Лучше сыграй нам, будь лаской.

Анна перестала хмуриться, презрительно скривила губы и поставила бокал, который все это время держала в руке. Отодвинула от себя тарелку и встала, одарив Платона насмешливым взглядом.

«Чокнутая она, что ли?» – подумал Платон, и ему стало стыдно за себя – приехал, понимаешь, и...

Анна тем временем обошла стол и зажгла небольшую настенную лампу в углу. Угол выплыл из тьмы, точно возник только что – мягкий оранжевый свет упал на стык стен, кресло, картину в раме, плотную ткань шторы, закрывающей окно, и пианино, которое Платон увидел только что. На пианино стоял в вазе букетик цветов – он тоже затеплился оранжевым.

Анна аккуратно подняла крышку – заблестели черно-оранжевые клавиши – и села на миниатюрный круглый табурет с тремя ножками.

– Анюта превосходно играет, – шепнула тетя Лиза, обернувшись к Платону.

Но прежде чем раздалась музыка, Платон услышал, что на улице идет дождь. Окна были завешены, и кроме двух светлых пятен – угла с пианино и их стола – гостиная тонула в полумраке, но Платон явно слышал, как барабанят по подоконнику капли.

– Слышите? – встрепенулась Анна, уже положившая кончики пальцев на клавиши, – Дождь!

И она повернулась к окну, прислушиваясь.

«А все-таки какая красивая», – подумал Платон и почувствовал, что мысли становятся медленными и неуклюжими, а тепло, которое разливалось по его телу, наконец заполнило его целиком. «Так заполняется доверху стеклянный графин», – подумалось ему, и он усмехнулся удачному, поэтичному даже, сравнению.

Дождь стучал равномерно – не усиливаясь и не ослабевая. В гостиной пахло едой и вином, Платону стало совсем хорошо, но пьяным он себя не чувствовал – и сделал еще один большой глоток. Коля, подперев щеку ладонью, возил вилкой по тарелке, тетя Лиза смотрела на дочь, Анна замерла, прислушиваясь.

Наконец, она повернулась к клавишам и мягко коснулась их.

В следующее мгновение Платону показалось, что он пьян вдрызг – дыхание у него перехватило, кровь отхлынула от щек. Он испугался, но тут же понял, что дело не в вине, а в музыке. Длинные тонкие пальцы – когда-нибудь они станут такими же, как у тети Лизы – скользили по оранжевым клавишам, и сквозь полумрак гостиной плыли прекрасные неземные звуки. Платону стало грустно почти до слез, в груди защемило, он отодвинул тарелку и положил на стол локти.

Дивная музыка обволакивала комнату, заполняя собой все свободное пространство. Тетя Лиза еле заметно кивала в такт, и даже Коля отложил вилку и сидел, спрятав руки под стол и глядя перед собой с отсутствующим видом. Два светлых пятна тянулись друг к другу и не могли дотянуться, одна мелодия таяла, ей на смену приходила другая, и Платон подумал, что, если бы здесь сейчас была мама, она бы точно разрыдалась. Он тихонько взял бокал и допил его. Его тепло слилось с теплом комнаты, он куда-то уплывал, тело стало легким, как пух, а тонкие пальцы все порхали над клавишами, и сквозь кружево музыки до него доносился тихий стук дождя.

Когда музыка прекратилась, и Анна опустила крышку пианино, Платону – разомлевшему и размякшему – показалось, что у него внутри что-то треснуло.

***

Перед сном Платон долго возился – пьяненький – с вещами, искал на дне чемодана зубную нить, чувствовал, что не прочь умыться холодной водой, но неловко выходить из комнаты и топтать в ванную. Потом разделся и улегся в кровать.

«Что я за человек такой несуразный? – думал он, чувствуя, как гудит мягко голова. – Приехал и раскис».

И ему было – как часто бывало после выпитого – стыдно за себя и жаль себя. Казалось, что впечатление он произвел не самое приятное.

По комнате плыл теплый оранжевый свет прикроватной – надкроватной, если быть точнее, лампа стояла на одной из полочек рядом с книгами – лампы. Покачивались на леске модели самолетов – это было заметно по теням на потолке, а не по самим моделям. Слышно было, как стучит за окном дождь, как внизу ходит по гостиной тетя Лиза, звенит тарелками. За стеной, в комнате Анны, было совсем тихо.

Платон по-пьяному почувствовал себя чужим – лежит в чужой кровати, на чужой подушке, на втором этаже чужого дома, в котором его, может быть, никто особенно и не ждал, кроме тети Лизы. Впрочем, она ведь тут главная, да? Но комната – Колина, а Колю кто-нибудь спрашивал, хочет ли он пускать в свою комнату какого-то Платона? Попроси о таком самого Платона в двенадцать лет, он бы не отказал, конечно, но и радости не испытал.

Кто-то прошел по коридору за дверью – в ванной зашумела вода. Платон подумал, что свет лампы, наверное, пробивается сквозь щели, смутился отчего-то, как ребенок, и лампу погасил. А потом долго не мог уснуть и думал то об одном, то о другом, вспоминал, как играла Анна... Он улыбнулся: «Анна» – и даже губы скривил, рисуясь. Аня, конечно же, Аня, тоже вот еще – Анна... Он стал вспоминать ее лицо, взгляд, то, как она говорила – и отметил, что во время игры она будто преобразилась, слетела с нее вся вот эта... странность, неприветливость... спесь?

Думая о том, не является ли ее неприветливость напускной и не вызвана ли она неудовольствием от пребывания в доме такого вот гостя, – и о том, допустимо ли вообще такое общение с гостем, которому и без того неуютно, – чувствуя, что трезвеет так же быстро, как и запьянел, Платон сам не заметил, как соскользнул – именно соскользнул, как соскальзывает с края стола бумажный лист, в забытьё.

И проснулся посреди ночи – потный, с пересохшим ртом. Заворочался, устраиваясь поудобнее, раскрылся, снял футболку и остался в трусах, долго жевал высохший и невкусный язык.

Сон не возвращался. Стояла непроницаемая тишина, слышно было, как внизу шелкают в прихожей часы. Между шторами пробивался голубоватый свет, рассеивался по комнате, выдавливая из мрака то один предмет, то другой, пластиковые крылья, фотографии в рамках, глобус на письменном столе.

Платон вспомнил, что в рюкзаке покоится бутылка с водой, и приподнялся на локте, поискал глазами рюкзак – вот он, пристроен рядом с чемоданом у двери, молнии поблескивают тускло. Платон осторожно, стараясь не скрипеть кроватью, сел, потом встал, шагнул к рюкзаку.

Беззвучно – сам себе порадовался, ниндзя, а не Платон – приподнял, беззвучно провел собачку по молнии, беззвучно достал бутылку и беззвучно скрутил пробку.

«Алкаш ты, Платон», – пожурил он себя не вполне серьезно, с наслаждением опустошая бутылку.

Он постоял немного посреди комнаты, прислушиваясь, потом вернул рюкзак на место – но лечь сразу не хотелось. Он беззвучно же – спасибо ковру с планетами – шагнул к окну, поставил пустую бутылку на стол и, перевесившись через него, раздвинул шторы. Дождь закончился, облака разнесло ветром, и в чистом небе светила фонарем луна, заливала сиянием и клумбы, и беседку, и луг с рощей вдалеке. Вокруг луны поблескивали звезды, между ними полз, мерцая, не то спутник, не то самолет.

Насколько красив и романтичен был вид, настолько же тоскливо стало Платону – он вспомнил Москву, вспомнил, сколько километров от Москвы до него сейчас, снова почувствовал себя чужим, потом – одиноким, потом – никому не нужным, и чем дальше он стоял у окна, тем печальнее становились его мысли.

Печаль эта, впрочем, доставляла ему удовольствие – так что он нарочно расчесывал ее и не отходил от стола еще несколько минут, хотя и насмотрелся уже и надумался вдоволь.

Из-за раздвинутых штор в комнате стало светлее, спать не хотелось. Платон сделал шаг в одну сторону, в другую, мысленно попросил у Коли разрешения, поднял руку и тронул кончиком пальца ближайшую модель. Самолетик вроде того, который рисуют рядом с Маленьким принцем, закачался на серебряной леске, поблескивая крыльями и лопастями. Платон покосился на темное зеркало, во всю дверь шкафа, подмигнул отражению. Шагнул к стене, отделяющей его комнату от комнаты Ани, принялся рассматривать фотографии – особенно таинственные в свете луны. Коля в школьной форме, Коля с игуаной на руках, Коля с тетей Лизой на морском берегу, рамка из ракушек, пейзажик из таких же ракушек на темной ткани, а вот все вместе, и Аня, и отец, дядя Андрей – Андрей Александрович, как его принято было звать – за праздничным столом...

Платон забыл про фотографии и оцепенел, потому что услышал из-за стены плач.

Плач был явный, со всхлипами и неровными попытками отдышаться, плакала несомненно Анна. Аня... Платон замер, не зная, что ему делать и что думать.

«Во сне, может быть... – предположил он. – Приснилось что-то...»

Боясь шевельнуться, боясь даже вздохнуть глубоко, Платон стоял в одних трусах у стены, а плач все не прекращался.

«Мало ли, – подумал он наконец растерянно. – Свои какие-то у человека проблемы... С кем не бывает...»

Он, не оборачиваясь, сделал шаг назад и зацепил рукой бутылку – та беззвучно упала на ковер, но прежде этого вполне себе звучно опрокинулась и стукнулась пластиковым боком о край стола.

Плач в один миг затих, Платон зажмурился и застыл как изваяние, перебирая мысленно ругательства и примеряя их все на себя.

«Надо же так вляпаться, – думал он. – В первый, блин... в первую ночь».

Он представил, как утром за завтраком – при мысли о завтраке под ложечкой у него слегка засосало – будет смотреть в глаза... Ане. Но это, впрочем, полбеда, а вот как *она* будет на него смотреть... Платон перестал жмуриться и укоризненно взглянул на свое отражение в зеркале, покачал головой.

«Ладно, – тут же успокоил он себя. – Неловко вышло, согласен. Но ведь моей вины никакой нет?»

Он посмотрел на отражение в поисках поддержки, отражение с тем же смотрело на него.

«Нет, – заверил он отражение, и то стало смотреть спокойнее. – Встал попить, выглянул в окно, уголовным кодексом не запрещено».

Он беззвучно поднял злосчастную бутылку и вернул на стол. Потом подумал и вернул на ковер, устроил аккуратно у тумбочки. Потом задумался – задерживать ли шторы? – и решил не

испытывать тишину на прочность. Тенью скользнул в кровать, закутался в одеяло – и перед тем как закрыть глаза, смотрел на окно, в котором маячила, выглядывая из-за рамы, луна.

«А все-таки отчего же она плакала...» – подумалось ему.

Он прислушался – не плачет ли снова? – но кроме щелканья часов, ничего не услышал. Потом к щелканью прибавился далекий собачий лай – откуда-то из-за окна.

«Совсем как у нас», – подумал он и вспомнил, как гостил у друга в Подмосковье, и местные собаки по нескольку раз за ночь устраивали переключку по всему частному сектору. Он тогда сперва просыпался, а потом не только перестал, но и наоборот, если слышал сквозь сон далекий лай то с одной стороны, то с другой, чувствовал какое-то спокойствие – все на своем месте, все своим чередом, собаки лают, значит, караван идет.

Почувствовал он его и сейчас.

***

Разбудил его стук в дверь. Платон еще ответить не успел, а дверь приоткрылась, и в комнату заглянул с хитрым выражением лица Коля.

– Мама спрашивает, ждать ли вас к завтраку? – поинтересовался он и покосился неодобрительно на пустую бутылку под столом. – Я думал, вы уже проснулись, извините, у вас шторы раздвинуты.

– Коля! – послышался снизу возмущенный голос тети Лизы. – Если человек спит, не смей его тревожить!

– Нет-нет, – ответил Платон, подтягивая одеяло к подбородку. – Я уже не сплю, спасибо.

Коля продолжал смотреть на бутылку – задумчиво, словно видел что-то ужасно интересное. Повисла тишина.

– Я сейчас оденусь... – сказал Платон. – И спущусь.

Колино лицо снова приобрело хитрое выражение. Он расплылся в улыбке, кивнул Платону и исчез.

– Коля, сколько раз тебя просить не скатываться по перилам! – услышал Платон голос тети Лизы. – Это небезопасно и для тебя, и для перил! Помогите мне лучше накрыть на стол!

Под звяканье посуды Платон вылез из кровати и прошелся по комнате от стены к стене. В окно смотрело светлое, но пасмурное утро, над изумрудными лугами и рощей туманилось закрытое облаками небо, по нему тянулась закорючками птичья стая.

«Перелетные, – подумал Платон. – Не к нам ли летят?»

Он вспомнил ночное происшествие, и к нему вернулась неловкость.

«Отличное начало», – выдавил он кривую улыбку и поднял с ковра бутылку, сунул в рюкзак. Затем заправил как мог аккуратно кровать, оделся понаряднее и вышел из комнаты в коридор, прошагал, скрипя половицами, в ванную. Наспех почистил зубы, несколько раз умылся ледяной водой – чтобы выглядеть посвежее – и только потом спустился в гостиную, посреди которой уже стоял накрытый стол.

– Доброе утро, Платоша, – ласково улыбнулась тетя Лиза. – Садись, пожалуйста.

Коля, высунув язык, двигал салфетки в салфетнице так, чтобы уголки их топорщились на равном удалении друг от друга, Ани видно не было.

– Анюта еще не спускалась, – пояснила тетя Лиза. – Она у нас соня.

Платон выдохнул – неловкий момент отодвигался.

«А там, мало ли, – подумал он. – Вдруг и совсем как-то забудется, хороша ложка к обеду».

– Платоша, кофе или чай?

– Кофе, пожалуйста.

– Мама, я тоже хочу кофе.

– Тебе, дружок, еще рано, я тебе сварила твое любимое какао.

Коля выразительно посмотрел на Платона и развел руками.

Завтрак был великолепный. Платон привык по утрам есть мало – проснулся, сжевал, завязывая шнурки, бутерброд и убежал на пары – но тут уж не смог удержаться и натурально объелся.

«Если не сказать обожрался, – подумал он. – Но еще один круасан влезет».

И съел еще три – с джемом, с арахисовым маслом и с шоколадом.

Пока ели, тетя Лиза снова расспрашивала Платона о маме, о каких-то дальних родственниках, об учебе. Коля топил в какао квадратики зефира, объедал оладьи так, чтобы они принимали форму ромба.

– Замечательно, – улыбка не сходила с лица тети Лизы, она слушала Платона с восхищением, даже если он рассказывал о скучных, в общем-то, вещах. – Платоша, как чудесно.

– Спасибо, – кивал Платон. И, чтобы не показаться невежливым и при этом уделить побольше времени еде, задавал вопросы сам – и узнал, что Коля учится в школе неподалеку, а Аня – в университете в самой Праге, но не учится, а училась... то есть как бы учится, конечно, но на этот год решено было в обучении взять паузу, здесь такое можно, Аня настояла, и тут многие так делают, почему бы и нет, раз и возраст, и средства позволяют, отец, опять же, решение поддержал, считая, что учеба через силу никакого результата не принесет...

Про мужа тети Лизы Платон знал от мамы, что тот работает в крупной международной компании – инвестиционной или около того – что в компании этой является одним из начальников, что большую часть года проводит вдалеке от дома, но зарабатывает так много, что тетя Лиза имеет возможность ничем, кроме дома и детей, не заниматься, и в свое время объездила всю Европу, если не весь мир.

Мама Платона говорила об Андрее Александровиче – даже тетя Лиза так называла мужа при посторонних – почти благоговейно, как о каком-то полумифическом существе, но потом прибавляла, склоняя голову набок, что, конечно, не бывает совсем уж идеальных отношений, всегда есть некие загадочные «моментики», которые портят жизнь и с которыми надо либо бороться, либо мириться, причем чем выше ставки, тем «моментики» существеннее, взять хотя бы постоянное отсутствие Андрея Александровича или таинственную историю с его первым, импульсивным, по молодости, браком...

Когда заговорили – спустившись из Праги в пригород – об окрестностях, тетя Лиза взяла Колю за руку.

– Коленька, дружок, проведи Платону небольшую экскурсию после завтрака, хорошо?

Коля без обычного в таких случаях для детей неудовольствия кивнул. Платон, напротив, рассчитывавший после завтрака поваляться в кровати, приуныл – но возражать не стал.

– У нас тут особенно-то смотреть нечего, – улыбнулась тетя Лиза, – в смысле достопримечательностей. Но места сами по себе симпатичные, тихие... Живописные даже, можно сказать.

От мамы Платон знал, что прежде тетя Лиза всерьез увлекалась живописью.

Наверху раздалися шаги, потом скрипнула раз, другой лестница – и в гостиную вошла Аня с книгой в руках.

– Всем желаю доброго утра.

Она была одета в бледно-голубое платье, волосы прихватывал на затылке «краб» с позолоченными вензелями.

Платон заерзал и сел ровнее.

– Аня, – обрадовалась тетя Лиза. – А мы тебя уже и не ждали.

– Я так и почувствовала, – безмятежно ответила Аня. – Я очень остро чувствую, когда меня не ждут.

Она села и раскрыла книгу, выставив ее перед собой, погрузилась в чтение. Платон присмотрелся – «Подросток» Достоевского.

Тетя Лиза, смеясь, налила Ане кофе из кофейника, придвинула оладьи и крошечное блюдечко с медом.

Такое же блюдечко стояло рядом с тарелкой Платона, и в нем алел смородиновый джем.

– Мама бы у вас была в полном восторге, – сказал Платон тете Лизе, чтобы нарушить молчание. – Она такое очень любит – блюдечки вот такие и...

– Это не блюдечки, дорогой Платон, – равнодушно сказала Аня, не отрывая глаз от книги, – а розетки.

Платон сконфузился.

– Да, розетки, конечно...

Аня сверкнула на него глазами поверх книги.

– Анюта, ну что ты вредничаешь с самого утра, – покачала головой тетя Лиза. – Ты, наверное, плохо спала?

На этих словах Аня, по-прежнему смотревшая на Платона, прищурилась. Платон почувствовал, что против воли в один миг покраснел.

– Нет, мама, – медленно ответила Аня, не сводя серых глаз с Платона. – Я чудесно спала. Я спала как младенец и видела сказочные, неземные сны, в которых даже немножко летала. За всю ночь я ни разу не проснулась и даже, кажется, не перевернулась с боку на бок.

– А кто тогда храпел? – прыснул молчавший доселе Коля.

Аня вскинула бровь и смерила Колю презрительным взглядом.

– Ты, Коленька, сам прекрасно знаешь, кто храпел – и только комедию ломаешь. Такой у тебя, Коленька, характер, и с ним уже ничего не попишешь.

Платон, чувствуя, что завтрак кувыркается в животе, как одежда в барабане во время стирки, заговорил, запинаясь:

– Я... да, я мог храпеть, в общем-то... Но как-то прежде... То есть, – он посмотрел на тетю Лизу в поисках поддержки. – Вы уж меня, если что, извините, я же не...

Друг, у которого Платон гостил в Подмоскowie, тоже подшучивал над ним из-за храпа.

Тетя Лиза, в продолжение беседы сама покрасневшая, закрыла глаза и замахала примирительно руками:

– Платоша, что ты! Бога ради, не слушай ты эти глупости! Вовсе ты не храпел, я ведь чутко сплю и все всегда слышу! – она открыла глаза и посмотрела на детей. – Если я не слышала, чтобы кто-то – кто угодно из присутствовавших! – храпел, то никто и не храпел! – Она прижала руки к груди. – А если бы кто-то и храпел, ну так что же теперь? Это же... Вы как что придумаете... Ведь человек не выбирает, храпеть ему или не храпеть... Может быть, я сама храплю, ну и что же с того!

И она залилась ненатуральным смехом.

Аня, слушая мать, отложила книгу и отпила из чашки кофе. А потом скривилась, точно обожглась:

– О чем мы вообще говорим? Неужели в этом доме не о чем поговорить за завтраком, кроме как о... – и она вздохнула и поморщилась. – Физиологии...

Больше всего на свете Платон хотел отправиться на экскурсию, которую ему пообещал Коля, но Коля как назло снова наполнил свою тарелку и теперь ел так медленно, как только мог, подолгу держал вилку у рта и смотрел на какао вместо того, чтобы его пить.

– Ну, скажешь тоже, – кашлянула тетя Лиза. – Физиологии... А, впрочем, ты, Анюта, и поговори про что-нибудь другое, мы будем рады!

И она снова лучезарно заулыбалась – и приготовилась слушать, сплела перед собой пальцы, так что перстни прижались друг другу.

Аня долго жевала, прикрыв рот кончиками пальцев и глядя в потолок, а затем отпила еще кофе, тронула губы салфеткой и показала Платону на книгу.

– Платон, вы читали Достоевского?

– Конечно, – не задумываясь, ответил Платон.

Не задумываясь он и над тем, насколько честен его ответ – потому как Достоевского он читал в школе и, кажется, в формате краткого пересказа, отрывками.

– Всего? – прищурилась Аня.

– Нет, – замялся Платон. – Не всего, конечно... У него же... Ну, я основное...

Коля смотрел весело, тетя Лиза – настороженно, готовая в любой момент вклиниться и сказать, что вот, она не читала всего Достоевского, и что же с того...

– Основное? – приподняла заинтересованно брови Аня. – А вот, например, «Подросток», – она приподняла книгу и повернула ее обложкой к Платону. – Это, по-вашему, основное или нет?

– Н-нет, – выдавил Платон.

На лице Ани отразилось разочарование.

– Стыдно, Платон, – сказала она и положила в рот крошечный кусочек ветчины и долго его жевала. – Стыдно, Платон, не знать, что «Подросток», – она посмотрела на веселого Колю, – входит в так называемое пятикнижие Достоевского, а потому автоматически приобретает статус... как вы выразились... – она вздохнула и отпила кофе, – основного...

Платон не знал, что ответить.

– А вообще-то, Платон, – Анин взгляд стал ледяным, и Платон решил, что она сейчас скажет что-нибудь про его ночное подслушивание, – ничего нет зазорного в том, чтобы прямо и без околичностей признаться в том, что вы что-то или кого-то не читали.

– Да я ведь читал...

– Платон, – в голосе Ани зазвучали стальные нотки. – Нет никакой доблести в том, чтобы обманывать дружелюбно настроенных к вам людей, интересующихся тем, читали вы Достоевского или нет...

– Ньюта, – робко подала голос тетя Лиза.

– Хотя жить в России и не читать Достоевского, скажу я вам... Мама, все в порядке... – Аня вздохнула, посмотрела на Платона с жалостью – Стыдно ведь, Платон. Стыдно!

Платон раскрыл рот, чтобы возразить, но она его перебила.

– Впрочем, это ничего, – заговорила она, глядя в тарелку и нарезаая на тонкие ломтики ветчину. – Я дам вам книгу, и вы сможете... сколько вы у нас пробудете?.. сможете восполнить этот досадный пробел. Может быть, мы, – она сделала паузу и сверкнула глазами, – оторванные от родины, от корней, от всего, к чему... может быть, мы...

Она вдруг замолчала и отвернулась, прикусив нижнюю губу, локон у ее виска запрыгал пружинкой.

«Точно чокнутая», – подумал Платон, и ему стало тоскливо и захотелось если не в Москву, то в пражское общежитие.

***

– Вы не обращайтесь на нее внимания, – говорил Коля, вышагивая рядом с Платоном по тротуару, выложенному резной плиткой, – на Аню. Она хорошая, правда, – он заглядывал Платону в глаза. – Только малость... ну... тью-тью.

Платон жевал губу.

Улочка тонула в зелени, в центре аккуратных газонов пестрели клумбы. Ряды ровных, как с открытки, домиков уходили вперед, меряясь флюгерами и живыми изгородями, между ними вытягивалась расчерченная лежачими полицейскими дорога, не пользующаяся, по-видимому, популярностью.

Людей было совсем мало – извинившись, обогнала их по тротуару и долго маячила впереди дама со шпичем, какие-то старики помахали Коле с той стороны улицы, от крыльца, Коля помахал в ответ. Проехался, притормаживая перед лежачими полицейскими, велосипедист в салатном шлеме.

Небо было по-прежнему затянуто облаками, ветерок сбивал запахи травы и листьев, и тогда пахло то хлебом, то машинным маслом, то краской – в зависимости от того, мимо какого дома шли.

«Красиво, – думал Платон. – И тихо».

И вспоминал свой дом в Москве – окруженный небоскребами, зажатый в тиски, приоткроешь окно и точно в сталелитейном цеху оказываешься, такой кругом шум, днем и ночью.

– Кроме того, ей бывает совсем скучно, – говорил Коля. – Может быть, в этом дело.

Платон кивал понимающе – чтобы не обижать юного проводника.

– Нам сюда, – и Коля свернул на перекрестке.

Такая же улочка, точно копия предыдущей. Такие же домики, такая же черепица, такие же палисадники и клумбы. Платон подумал, что достаточно было просто пройти перед крыльцом туда-сюда – вот все и посмотрел – а потом с чистой совестью валяться в кровати, но Коля свернул еще раз, обогнул магазинчик с призывно отъезжающей в сторону дверью, и они оказались на краю небольшой площади.

Площадь была вымощена брусчаткой, в центре возвышалась бронзовая фигура – камзол, бакенбарды, треуголка, нос крючком и трость с набалдашником в крепкой руке.

По треуголке деловито расхаживал голубь, еще несколько топтались перед скамейкой, на которой сидела старушка – ждали крошек.

– Местная достопримечательность, – манерно сообщил Коля, имея в виду памятник, а не старушку. – Бронзовый...

Он не договорил, и Платон увидел, что к ним спешит коротко стриженный упитанный мальчуган Колиного примерно возраста – в шортах до колен и рубашонке с короткими рукавами.

– Миколаш, – поздоровался мальчуган с Колей и пожал ему руку.

– Матиас, – кивнул Коля.

И они заговорили по-чешски – фразу Коля, фразу мальчик. Вид у них при этом был серьезный, а звучание чешских слов добавляло серьезности вида – и тому, что говорили между собой двенадцатилетние мальчишки – комичности.

«Мужички, – подумал Платон, глядя на них с интересом. – Маленькие бургеры».

Мальчик подбоченился и скрутил руки на груди, Коля, пока говорил, подбрасывал на ладони связку ключей.

Над самой площадью, еще чуть-чуть и коснется треуголки, лежала пелена облаков. Старушка на скамье дремала, игнорируя голубей, вокруг площади теснились крыльцо к крыльцу магазинчики и, как мог понять Платон, конторы.

Мальчик спросил о чем-то Колю и кивнул на Платона. Коля обернулся, посмотрел на Платона так, словно видел его впервые, и затараторил. Мальчик, слушая, с интересом рассматривал Платона, а затем, когда Коля замолчал, рассмеялся. Рассмеялся и Коля. Так они стояли и смеялись, а Платон ждал и переминался с ноги на ногу, смотрел от нечего делать в телефон.

«Не обязательно, Платон, – думал он. – Не обязательно над тобой. А если и над тобой, то и ты был таким же».

И он вспоминал, как сам в возрасте Коли только и ждал, чтобы посмеяться с мальчишками над кем-нибудь из взрослых – и взрослые тогда, наверное, успокаивали себя теми же мыслями, что и он сейчас.

– Это Матиас, – сказал, наконец, Коля, насмеявшись. – Он пройдетя вместе с нами, хорошо?

Матиас от смеха раскраснелся и стал похож на поросенка.

Платон пожал плечами, и дальше они двинулись втроем – через площадь, мимо магазинчиков, по лабиринту улиц. Коля шел и рассказывал:

– Это вот ратуша.

Ратуша с круглым циферблатом на башне.

– Это церковь.

Церковь с витражами над высоким крыльцом.

– В этом доме останавливался...

Он обратился к Матиасу по-чешски, Матиас ответил.

– Какой-то писатель, – закончил Коля. – Нам в школе рассказывали. Это вот парк.

Небольшой обнесенный оградой парк, дорожки в тени, скамейки.

– Там мост.

Выгнутый дугой мостик через ручей.

– Там вот станция, мимо нее ходит ваша электричка.

Платон оживился, нашел станцию на картах, отметил галочкой.

– До нее от дома пятнадцать минут пути, – пояснил Коля. – Это же мы с вами круги вон какие делаем, а можно и напрямик. У вас когда занятия начинаются?

– Послезавтра.

– Мама вас, наверное, проводит в первый раз, но дорогу тут запомнить легко, не потеряетесь.

– Да у меня и карты есть.

Коля кивнул.

Время от времени Матиас принимался неприкрыто раглядывать Платона, потом заговаривал с Колей.

– А вот в том доме... – Коля показал на ближайший к станции домик с аптекой на первом этаже. – Живет Холостой Бедрич.

Матиас услышал знакомое имя и окнул.

– Окей, – сказал Платон.

– Бедрич – аптекарь, – продолжил Коля. – Холостым его зовут из-за того, что он отравил трех своих жен и скоро, как пить дать, отравит четвертую.

Платон посмотрел на Колю с прищуром.

– Отравил?

– Да, – Коля покачал головой. – За неверность.

И он отвлекся на Матиаса, заговорил с ним.

– Почему же он не в тюрьме? – спросил Платон, когда Коля и Матиас замолчали.

К этому времени они как раз поравнялись с аптекой – и зашагали мимо нее по противоположной стороне улицы. Платон вытянул шею и всмотрелся в выдавшую виды вывеску, в темную витрину с пузырьками, мерцающими за стеклом.

– Его старший брат – судья, – объяснил Коля. – Очень влиятельный человек в Праге.

Матиас сказал что-то.

– Матиас говорит, что если бы ему изменила жена, он бы ее тоже отравил.

Платон покосился на Матиаса, тот вскинул подбородок, засвистел веселую мелодию. Платон обернулся – аптека осталась позади.

Пока они ходили, облака понемногу расступались – и то через одну прореху, то через другую заглядывало солнце, заливало улицы светом, заставляло брусчатку мостовой масляно блестеть под ногами. Впустив немного света, прореха стягивалась, и улица гасла – но тут же впереди образовывалась следующая, и крыши дальних домов, кроны деревьев озарялись сиянием.

Когда снова оказались на площади – Бронзовый сверкал и отбрасывал себе за спину широкую тень – Коля извинился и попросил Платона продолжить прогулку без него.

– Мы с Матиасом пойдем посмотреть, как расписывают рыбную лавку.

Оказалось, что где-то неподалеку хозяин рыбной лавки нанял художника, чтобы тот расписал ему фасад.

– Скажите маме, что на обед я не приду, хорошо?

Платон развел руками – хотя и сам был не прочь посмотреть на работу художника.

– Спасибо! – воскликнул Коля, шаркнул подошвой, и они с Матиасом побежали через площадь – а через минуту исчезли из виду.

«Мальчишки, – усмехнулся Платон. – Сам таким был».

И он вспомнил, как бегал с одноклассниками по московским дворам, как катался с ними в метро – часами, без цели.

Он прошелся по площади, постоял перед Бронзовым, вчитываясь в выбитые на табличке слова, посмотрел, задрав голову, на камзол и бакенбарды, на решительный взгляд, устремленный куда-то за крыши. Сел на скамейку и позвонил маме, рассказал ей о прогулке, о происшествии за завтраком.

– Аня? – удивилась мама. – Странно, она всегда казалась мне... по рассказам Лизы... очень спокойной и воспитанной девочкой. Может быть, у нее что-то случилось?

Платон задумался – рассказать про ночной плач? – и решил не рассказывать.

– Странная, – сказал Платон. – Чудачка какая-то.

– Ну ладно, сынок, ты уж будь там... ну... ты же все-таки в гостях...

– Мама, – скривился Платон. – Я-то знаю, как себя вести.

– Понимаю, Платон, понимаю, я ведь так...

Наговорившись, Платон двинулся в сторону дома, заглянул в магазин и прошелся вдоль полок под подозрительным взглядом продавца, купил в итоге банку газировки – и выпил ее, блуждая по одинаково аккуратным и уютным улочкам, мимо всех этих крылечек и газонов, оград и окошек, кованых птиц и виноградных гроздьев – то сверкающих, то гаснущих в зависимости от состояния облачного покрова. Он, конечно, мог вернуться сразу – но решил побродить по округе и нагулять аппетит.

Явился он аккуратно к обеду, тетя Лиза сказала, что уже собиралась ему звонить.

– Коля просил передать, что не придет, – сообщил Платон, разуваясь у вешалки и поглядывая на лестницу. – Мы встретили... Матиаса... да, Матиаса, и они пошли гулять.

– Вот ведь несносный мальчишка! – всплеснула руками тетя Лиза. – Я же просила его провести, так сказать...

– Нет-нет, – поторопился защитит Колю Платон, – экскурсия была, Коля мне все показал. – Он усмехнулся. – Даже про аптекаря этого рассказал, который у станции... Бер... Бар... который своих жен отравил.

Тетя Лиза выглянула из кухни:

– Отравил жен? Какой ужас.

– Вы не знали? – Платон шагнул в кухню, прислонился плечом к дверному косяку. – Отравил трех жен и сейчас женат на четвертой. А правосудия избежал из-за того, что судья – его брат.

– Первый раз слышу, – покачала головой тетя Лиза и вытянула из духовки что-то завернутое в фольгу. – Анюта сказала, что будет обедать у себя, давай мы с тобой тогда поедем здесь, в кухне?

Она показала на застеленный клетчатой скатертью стол, с букетиком сухоцветов в стеклянной вазочке.

– Конечно, – закивал Платон. – Давайте я помогу накрыть...

Тетя Лиза отмахнулась, развернула осторожно фольгу, кухню заполнил восхитительный аромат, а рот Платона наполнила слюна. Платон сбегал наверх и переоделся в домашнее, заглянул в ванную и вымыл руки. Посмотрел неопределенно на закрытую дверь Аниной комнаты и спустился.

***

После обеда Платон дремал – сытый и спокойный, две рюмки настойки, снилась какая-то милая ерунда – потом возился с вещами, перебирал методички, шерстил электронную почту на предмет инструкций, созванивался с друзьями, которые еще только собирались вылетать, а пока оставались в Москве.

Сергеев, который успевал и отлично учиться, и кутить напропалую, посмеивался над Платоном:

– Мы там будем по клубам, по вечеринкам, а ты сиди в своей глуши.

И переспрашивал – может, лучше общежитие?

Платон делал вид, что и сам не слишком рад, но знал, что ни по каким вечеринкам ходить не будет, даже живи он в общежитии. Да и Сергеев скорее рисовался, нежели говорил серьезно – чай не Москва.

Колин стол теперь был завален вещами Платона – ноутбук, тетради, справочники. Глобус немного мешал, но переставить его Платон не решался – только сдвинул ближе к краю.

За окном то светило солнце, то набегали облака, видно было, как по лугу катается, приминая траву, ветер, роща колыхалась, точно собиралась оторваться от земли и улететь. Платон держал окно приоткрытым, и в комнате сухо пахло близкой осенью.

Насидевшись, Платон спустился и – с разрешения тети Лизы – вышел во двор, походил между клумбами, посидел в беседке, обернувшись на поле и выложив на деревянный бортик локоть, постоял у кованой ограды, сразу за которой начиналась трава, подышал ветром, почувствовал, что чем ниже опускается за рощу солнце, чем краснее края облаков, тем сильнее сжимает его сердце ночная тоска – с сладко-печальными мыслями о далеком доме, о неприкаянности и обособленности, о том, что он здесь чужой и своим никогда – и уж тем более за три месяца – не станет, и что обойди он всю округу, не с кем будет даже русским словом перекинуться.

Он, конечно, знал, что фантазирует, тетя Лиза говорила о том, что русских в городке живет немало, но какова вероятность, что он, уйдя гулять, встретит непременно кого-нибудь из них?

А можно и того паче – перемахнуть через ограду и пойти лугом, а потом – в поле, и идти, идти, пока дом тети Лизы не скроется из виду, и пока он, Платон, не останется один, совсем один, один на всем белом свете, среди травы и ветра, и неба в облаках – алых, персиковых и сиреневых.

Когда он вернулся в комнату, солнце уже закатилось, но небо над рощей продолжало через силу светиться – густо-малиновое, вязкое, точно варенье, вытягивающееся слоями вдоль горизонта. Платон был уже здорово голоден и одновременно и ждал ужина, и не ждал – потому что опасался продолжения утреннего концерта.

За день он ни разу не встретился с Аней – всякий раз, когда он оказывался вне комнаты, она оставалась в своей.

«Избегает меня, – думал Платон, спускаясь в гостиную и предлагая свою помощь тете Лизе. – Брезгует».

– Спасибо, Платоша, – отозвалась тетя Лиза. – Расставь тарелки, пожалуйста. Коля все бегаёт где-то.

Платон с готовностью расставил и разложил все, что ему доверили, откупорил бутылку вина, но пить зарекся, водрузил в центр стола салатницу, блюдо с бутербродами и закусками.

Прибежал Коля, взлетел, насвистывая что-то веселое, по лестнице – «Коленька, не свисти дома!» – через минуту съехал по перилам, вытер мокрые руки о штаны и плюхнулся на свой стул.

– Анюта! – позвала тетя Лиза, выглянув на лестницу. – Спускайся ужинать!

«Не спускайся», – попросил Платон мысленно.

– Иду, мама! – раздался сверху Анин голос, а через минуту в гостиной возникла и она сама – в том же светло-голубом платье, с тем же крабом на затылке, но теперь платье ее украшала крупная брошь с ярко-красными камнями, запрятанными в вязь из серебра.

«Раунд ту, – мысленно проговорил Платон. – Файт».

Но Аня одарила его белоснежной улыбкой – и его, и тетю Лизу, и Колю.

– Всем добрый вечер! – воскликнула она. – Вы видели, какой был чудесный закат?

Коля соорудил гримасу, Аня легонько стукнула его по макушке указательным пальцем.

– Если бы я умела рисовать, – сказала она, усаживаясь и придвигая стул, – я бы его непременно нарисовала! Вот вы, Платон? Вы умеете рисовать?

«Сейчас мне еще за рисование прилетит, не только за Достоевского», – подумал Платон и ответил настороженно:

– Н-нет.

Аня всплеснула руками, брошь сверкнула.

– Ах, очень жаль, очень жаль! Вообще вы немного похожи на художника, должна вам сказать... Есть в вашем облике что-то от человека искусства... Правда, мама?

Коля захихикал в салфетку, тетя Лиза, вернувшаяся в гостиную с подносом в руках, переспросила:

– Что, дорогая?

– Я, мама, говорю, что наш гость, – она весело посмотрела на Платона, – мсье Платон, похож на художника.

Тетя Лиза устроила на столе горячее и присмотрелась к Платону.

– Да, Аня, действительно, – рассмеялась она. – Но ведь Платон как раз хорошо рисует!

– В самом деле? – удивилась Аня. – А он только что сказал, что ничего в этом не смыслит!

«Поехали», – приготовился Платон.

– Он, наверное, скромничает, – улыбнулась тетя Лиза и передала Платону салатницу. – От мамы я знаю, что он рисует очень даже хорошо.

– Ой, – засмеялся Платон, – ну вы нашли, кого слушать.

– Платон, я вас прекрасно понимаю, – успокоила его Аня. – Мама, – она кивнула на тетю Лизу, – тоже всем постоянно рассказывает, что я мастерица играть на пианино! Но это далеко не так!

Платон не понял, шутит она над ним или нет – ведь он слышал, как она играет – и не нашелся, что ответить. Он рассеянно улыбнулся и отпил сока.

– Вот, мама, – кивнула Аня, и брошь ее снова сверкнула. – Платон слышал мою игру и понимает, что твоя похвала чрезмерна.

Платон чуть не поперхнулся и поспешил вставить:

– Нет-нет, вы чудесно играете, просто замечательно...

Аня склонила голову и прикрыла застенчиво глаза.

– Спасибо, Платон. Правду вы сказали или нет, но мне приятно.

– Правду, конечно! – кашлянул Платон. – Зачем мне врать...

«Сейчас вспомнит Достоевского, – мелькнуло у него в мыслях. – Сам на рожон лезу».

Но Аня только поклонилась благодарно – и принялась за еду.

– Я сегодня, пожалуй, снова выпью вина, мама, – сказала она. – Ты ведь не против?

Тетя Лиза замаялась, потом улыбнулась растерянно и развела руками:

– Пей, если хочешь, Аня. Для того вино и на столе.

– Я бы тоже, пожалуй, не отказался, – не сдержался Коля. – Вино в небольших количествах полезно для сердца.

Тетя Лиза пропустила его слова мимо ушей, Аня наполнила свой бокал и приподнялась.

– Я хочу сказать тост!

– Прекрасно, мы тебя слушаем, – тетя Лиза переглянулась с Платоном и Колей. Она хоть и выглядела растерянной, но, по-видимому, была рада хорошему настроению дочери.

– Я бы хотела поднять этот бокал, – начала торжественно Аня, и действительно подняла бокал, на стенках которого заплясали отражения ламп, – за людей, похожих на художников! За людей, похожих на музыкантов! За людей, похожих на... – она посмотрела на Колю, – математиков! – Коля скривился. – За людей, похожих на людей!

Последние слова она почти выкрикнула.

– Прекрасно! – отозвалась тетя Лиза, и потянулась своим бокалом к Аниному. Ее примеру последовал Коля, его – Платон.

– Платон, – сказала Аня, когда все выпили. – А что это у вас в бокале?

– Сок.

– Какой же такой сок?

– Апельсиновый.

Аня прищурилась.

– А почему же вы не пьете вино?

Платон скривил задумчиво губы.

– Да как-то не собирался сегодня...

«Файт».

Аня рассмеялась.

– А вы деловой человек, Платон! – воскликнула она. – Не собирались пить и не пьете! Не соберетесь есть, и есть не будете! Вы ведь, я надеюсь, собирались есть?

– Так я уже ем.

И Платон для наглядности отправил в рот нагруженную салатом вилку.

– Об этом я и говорю! – весело продолжила Аня. – Надеюсь, вам не пришлось нарушать данное самому себе слово не есть!

– Нет, – улыбнулся Платон. – Не пришлось.

Аня выдохнула так, словно действительно волновалась за него.

– Как я рада! – она тыльной стороной ладони отбросила волосы со лба. – Будьте честны с самим собой, Платон! И ты будь честен с собой, Коля! И ты, мама!

– И ты, Аня, – буркнул Коля с набитым ртом.

Аня сверкнула на него глазами, и в глазах ее, заметил Платон, на миг промелькнул утренний лед. Впрочем, тут же ее взгляд потеплел.

– Буду, Коленька, обязательно, – ответила она и погладила Колю по макушке, Коля заворочался, увиливая. – Именно потому, что ты попросил – буду!

Она залпом допила вино, налила себе еще. Платон видел, что щеки ее понемногу краснеют.

«Красивая, – снова подумал он. – Странная, но какая красивая».

И он подумал, что не будь Аня такой красавицей – а теперь она казалась ему настоящей красавицей – ее причуды выглядели бы совсем иначе, и мириться с ними не было бы никакого желания.

Весь ужин Аня веселилась и смеялась, а когда все доели, прошла, чуть качнувшись, к пианино и подняла крышку.

– Я сегодня ужасно веселая! – сообщила она, точно оправдываясь, и поправила брошь на платье. – И играть буду, конечно же, тоже только веселое!

Она задержала дыхание и задумалась, спина ее вмиг стала ровной и прямой – а затем тонкие пальцы заплясали по клавишам, и по гостиной точно искры побежали. Платон пожалел, что не пил. Мелодия кувыркалась, резвилась, прыгала то вверх, то вниз, вместе с ней прыгали по клавишам Анины пальцы, и Платон впервые в жизни почувствовал, что ему не только весело от музыки, но и смешно, точно это не музыка, а щекотка. Коля с безмятежной улыбкой все повидавшего покачивался на стуле, тетя Лиза сидела вполоборота, прижав руки к груди, а Аня играла, и казалось, что она вот-вот выпрыгнет из-за пианино и пустится в пляс, и Платону даже хотелось этого, и он чувствовал, что и сам тогда пустился бы в пляс, если бы выпил загодя вина, а так – будет сидеть и притопывать под скатертью ногой, думая, что зря в детстве отказался ходить на русские народные и протестовал со всей своей мальчишеской решимостью. Аня раскраснелась пуще прежнего, волосы то и дело сбивались на лицо, и она сдувала их или ныряла лицом к плечу, по-кошачьи, а затем откидывала голову так, что подбородок смотрел в потолок. Аня играла без нот, и два или три раза сбилась – но даже запинки у нее выходили как будто задуманные, добавляющие веселья и интереса.

«Пусть она хоть сто раз будет чокнутой, – думал Платон, – раз она так играет».

И он волновался – ей же заниматься надо, она же музыкант, каких высот она может добиться, если возьмется за дело всерьез? Надо поговорить с тетей Лизой, пусть она убедит... И осекался – а вдруг и без него уже убедил? Вдруг Аня каждый день играет по несколько часов, тренируется, и только сегодня решила сделать передышку? Вдруг она – местная знаменитость и его, Платона, советы и волнение ей даром не нужны?

Когда перед сном Платон, почистив зубы и умывшись, вышел из ванной, то увидел, что в коридоре, у зеркала, его ждет Аня.

– Платон, – сказала она миролюбиво, и лицо ее озарилось светом настенной лампы, нависающей над зеркалом. – Вы ведь, я надеюсь, не обиделись на меня за... наш с вами утренний разговор?

Платон – растрепанный, с полотенцем через плечо – опешил, затем замотал головой.

– Нет, конечно, что вы.

Аня просияла.

– Спасибо вам, Платон! Я... я была не в духе, и... понимаете... Впрочем, не буду оправдываться... Я надеюсь, что не показалась вам невежливой, извините.

Она стояла совсем рядом, и Платон чувствовал, что от нее пахнет духами – цветочными, не слишком сладкими, даже как будто самую малость горьковатыми – и вином. В зеркале отражалась еще одна Аня – Платон видел скулу и кисточку ресниц, и шею под раскачивающимися на затылке и рвущимися из лап краба волосами.

– Все в порядке, – улыбнулся он.

Аня сделала шуточный реверанс.

– А что до Достоевского... – улыбнулась она. – Это ничего, Платон, не переживайте, наверстать никогда не поздно.

Она задумалась и снова просияла.

– А знаете что? Зайдите завтра ко мне, мы вам выберем книгу! Вы брали что-нибудь с собой, читать?

Платон хотел соврать, что привез томик Сэлинджера, например, или Хэмингуэя – почему-то именно эти фамилии пришли ему на ум первыми – но признался, что захватил хорошо продающуюся в Москве книжку про личную эффективность.

Аня сморщилась.

– Как пошло, Платон, выбросьте ее, – и улыбнулась. – Мы вам подыщем что-нибудь стоящее, не переживайте. Завтракать я, пожалуй, не буду, а вы, как закончите, поднимитесь, я постараюсь не забыть. Хорошо?

Платон кивнул.

– Ну и прекрасно! Просто чудесно! – воскликнула Аня. – Желаю вам приятных снов!

И она проскользнула мимо него в ванную комнату.

Посреди ночи Платон снова проснулся – как и в прошлый раз. Решил не вставать, но прислушался – вдруг Аня снова плачет? – и ничего не услышал. За окном подвывал тихонько в водосточной трубе ветер, вдалеке раздался и тут же затих собачий лай. Платон полежал немного в темноте и сам не заметил, как уснул.

***

После завтрака Платон, не обращая внимания на протесты тети Лизы, помог убрать со стола, а потом еще и вымыл большую часть посуды, и только потом, чувствуя себя человеком, исполнившим гражданский долг, поднялся на второй этаж, посмотрел в зеркало, бросил взгляд на пейзажи слева и справа – всего в коридоре висело четыре картины, по четырем временам года, два до зеркала, два после – и постучался в Анину дверь.

– Кто там?

Платон стучевался.

– Э... – протянул он. – Я.

– А, Платон, это вы... Входите.

Платон приоткрыл дверь и, прежде чем шагнул за порог, почувствовал, что сердце у него против воли забилось сильнее – из-за хлынувшего на него запаха духов, особенно как будто знакомого по вчерашнему разговору в коридоре, но теперь лишено винной терпкости.

Аня сидела, забравшись с ногами в глубокое кресло, и читала. Одета она была в платье, но из-под него выглядывали спортивные штаны с розовой полосой. В комнате было сумрачно, одна штора по-прежнему закрывала окно, и света, проходившего через тюль на месте второй, не вполне хватало – из-за чего Аня читала, приблизив книгу к самому лицу.

Читала она что-то другое, не «Подрустка» – но что именно, Платон рассмотреть не мог.

– Я... – начал Платон, но Аня, не отрываясь от книги, подняла вверх указательный палец, и Платон замолчал.

– Я могу зайти попозже... – понизил он голос спустя какое-то время.

Снова указательный палец.

– Сейчас, Платон... – процедила Аня и судорожно перелистнула страницу. – Подождите минуту...

Она погрузилась в чтение, а Платон остался стоять у двери, и за отведенную на ожидание минуту – которая растянулась на три, не меньше, Аня все листала и листала, время от времени поднимая вверх указательный палец – смог рассмотреть комнату.

По размеру комната превосходила Колину, но тоже казалась маленькой – большей частью из-за того, что была заставлена мебелью, а там, где мебели не было, стены были так густо завешаны картинами и фотографиями, что, собственно, стены разглядеть можно было только под самым потолком. Тут были и высоченный книжный шкаф, и, понятно, гардероб с зеркалом, и кресло, и письменный стол в рамках и шкатулках, и туалетный столик с пуфиком и еще одним зеркалом, комод, тумба и полки, полки, полки, а где-то под ними – аккуратно застеленная покрывалом в цветах кровать. Вообще цветов в комнате было невообразимо много – изящные букетики стояли на комодике и на столе, на туалетном столике и тумбочке, на полке слева от двери, один крупный букет томился в вазе на подоконнике – его было видно сквозь тюль, за второй шторой мог прятаться еще один – цветы составляли, насколько можно было судить, узор обоев, а также узор упомянутого покрывала и маленьких квадратных подушечек у изголовья кровати и в ногах. Наклейками в виде цветов был покрыт тонкий бежевый ноутбук на столе, цветы пестрели на двух или трех картинах, и даже за стеклом книжного шкафа, на одной из полок в крошечной стекляшке светлел одинокий голубой цветок – по-видимому, тоже стеклянный.

Из всего многообразия картин и фотографий Платон с ходу отметил две: крупный пейзаж, изображающий террасу, занесенную осенней листвой – на террасе стол, а на столе, в вазе, снова цветы – и портрет самой Ани, стилизованный под что-то дореволюционное.

«Заморочился же кто-то», – подумал Платон.

Комната показалась ему очень уютной, но слишком уж пестрой, в такой через два-три дня глаз дергаться начнет.

На одном из портретов Платон узнал Чехова. Из книжного шкафа смотрел насмешливо бюст Пушкина. С люстры свешивались на нитках – точно рифмуясь с Колиными самолетами – деревянные фигурки птиц.

Аня наконец закрыла книгу и отвела взгляд – и теперь смотрела на окно. У нее глаз не дергался, и в комнате ей, по-видимому, было комфортно – более того, Платону показалось, что она очень органично, если не сказать художественно, в эту комнату вписывается. Он невольно залюбовался ее бледным от проходящего сквозь тюль света лицом, а затем кашлянул, чтобы напомнить о себе.

– Я помню о вас, Платон, – сказала Аня, не меня выражения лица и не отворачиваясь от окна. – Не беспокойтесь.

Она медленно отложила книгу, медленно спустила ноги на пол, а затем встряхнула головой и повернулась к нему.

– Я вам, кажется, обещала книгу вчера?

– Так точно, – улыбнулся Платон.

Аня посмотрела на него пристально.

– Что ж, откройте шкаф и выберите себе что-нибудь.

«А так можно было?» – спросил мысленно Платон.

Он подошел к шкафу и осторожно открыл одну дверцу, в нос ударил запах пыли и бумаги. Перед глазами – выглядывающие из-за фигурок, карандашниц с карандашами, подсвечника, стеклянного цветка и бог знает чего еще – потянулись ряды фамилий: Пушкин, Достоевский, Чехов, Лермонтов, Шмелев, Бунин, Гоголь, Куприн, Толстой... Книги стояли в два, а кое-где в три ряда, в сумрачной глубине угадывались уложенные горизонтально записные книжки и блокноты, миниатюрные, оттиснутые позолотой, томики стихов.

«Все равно ничего я не прочту», – сказал себе Платон и наугад вытянул с полки что-то ближайшее.

– Нет, Платон! – окликнула его Аня. – Эту книгу трогать нельзя! – и она пояснила чуть мягче, когда Платон вернул книгу на место. – Ее мне подарил отец, она для меня особенно ценна.

– Вы скажите сразу, что еще трогать нельзя, – попросил Платон.

– Все остальное можно, только эту нельзя, – заверила Аня и поднялась из кресла, стала рядом. – Возьмите, например, «Вечера на хуторе».

– Я читал.

– Вот видите, не все так плохо.

Платон промолчал, а потом хохотнул, прочитав на одном из корешков – «Жизнь Арсеньева».

– Что вас развеселило, позвольте поинтересоваться?

– Жизнь Арсеньева, – пояснил Платон. – У меня в Москве приятель есть... Арсеньев. Давайте я ее и возьму, – и он потянулся к корешку.

– Очень остроумно, – сказала Аня. – Но вам такое пока рано, – Платон остановил руку на полпути. – Кроме того, сомневаюсь, что у вашего Арсеньева *такая* жизнь.

– Не прочту, не узнаю, – пожал плечами Платон.

– Бунин вам пока не по зубам, – вздохнула Аня. – Много описаний, подозреваю, что вы заскучаете.

– Я люблю, когда много описаний, – криво улыбнулся Платон.

– Не острите у меня в комнате, пожалуйста, – устало вздохнула Аня. – Мама это любит, Коля тоже, меня от этого избавьте. Вот, – она потянулась к книгам, перебив собравшегося ответить Платона, – возьмите Чехова. В любой непонятной ситуации, Платон, читайте Чехова. Тут вам и ум, и сердце, и наблюдательность, и глубина. Вы читали Чехова?

Платон открыл рот, но Аня снова его перебила.

– Не отвечайте, Платон, это был риторический вопрос. Возьмите, Платон, только очень вас прошу – будьте аккуратны и не вздумайте загибать уголки страниц.

Она передала Платону книгу в приятной на ощупь, точно тканью обтянутой, обложке.

– С чего бы мне загибать уголки страниц? – спросил Платон. – Спасибо.

Аня пожалала плечами.

– Откуда мне знать, что вам взбредет в голову? Впрочем, – она вздохнула и посмотрела Платону в глаза, – я бы, конечно, не доверила вам Чехова, если бы допускала, что вы можете быть неаккуратны с книгой.

«Похвалила, получается?» – подумал Платон и на всякий случай кивнул.

– Я заметила, что вы рассматривали эту картину, – она показала на свой портрет. – Что вы о ней скажете?

Платон замялся и снова посмотрел на портрет – теперь уже пристальнее. Белые Анины плечи на портрете выныривали из пышного платья, белую шею стягивали несколько рядов бус. В волосах переливался богатый гребешок. На ближней к зрителю румяной щеке темнело едва заметное пятнышко – точно картину кто-то нечаянно колупнул ногтем, не Коля ли? – похожее на родинку.

– Замечательный портрет, – сказал, наконец, Платон. – Видно, что работал настоящий мастер. И пятнышко похоже на родинку, а потому даже не особенно бросается в глаза.

– Платон, – скрестила руки на груди Аня. – Это и есть родинка.

Платон шагнул ближе и прищурился, затем обернулся и посмотрел на Аню – ни на одной из ее щек родинок не было.

– Отчего вы так на меня смотрите, Платон? Это не очень-то вежливо.

– Убедился, что у вас родинки нет.

– А причем здесь я, позвольте спросить?

Платон глупо улыбнулся.

– Ох, Платон, Платон, – вздохнула Аня. – Это портрет моей прабабки по отцовской линии. К моменту его написания, сами понимаете, не то что меня, но и... ей здесь... – она задумалась. – Лет девятнадцать от силы.

Платон посмотрел недоверчиво, обернулся на портрет, потом на Аню, потом снова на портрет.

– Вы меня разыгрываете, – наконец, протянул он и расплылся в улыбке.

– Если я захочу вас разыграть, Платон, я скажу, что у вас что-то на воротнике, и щелкну по носу. Все говорят, что я похожа на нее... Не только внешне даже будто бы, но и характером... Характер по портрету, конечно, доподлинно не угадаешь, но... Ведь и внешне – посмотрите, какая она красавица! А какая я?

Платон замаялся и почувствовал, что снова глупо улыбается. Аня нахмурилась.

– Я сказала что-то смешное?

– Нет, – тряхнул головой Платон. – Просто я до сих пор думаю, что вы меня разыгрываете.

Аня закатила глаза и отвернулась к окну.

– Идите, Платон, – она повела плечом. – Надеюсь, Чехов придется вам по душе. Сложно общаться с человеком, который все подвергает сомнению и во всем видит подвох.

«Ага-ага, – смеялся внутренне Платон. – Не такой я лопух, чтобы...»

В дверях он обернулся, чтобы поблагодарить за книгу – Аня снова повела плечом – бросил еще один взгляд на картину, и теперь, на таком расстоянии и под таким углом, ему показалось, что на портрете и впрямь не Аня, а похожая на нее – пусть до фантастичности, почти копия, но все же лишь похожая – девушка.

***

За обедом, когда тетя Лиза еще суетилась у плиты, а Платон и Коля, закончив сервировку, уже сидели за столом, Платон спросил, чувствуя себя глупо:

– Коля. Скажи, пожалуйста, а вот картина в Аниной комнате... я сегодня заходил, она мне дала почитать одну книгу... Портрет... На нем действительно ваша прабабушка?

Коля приподнял брови, а затем кивнул совершенно серьезно.

– Она самая.

«Врет?» – подумал Платон.

В гостиной было светло, аппетитно пахло салатами. Солнечные лучи ломались о зеркала и лакированную крышку пианино – и по стенам плыли лоскуты отблесков.

– С прабабкой вообще история презанятная, – доверительно сообщил Коля, подавшись к Платону. – Говорят, что ее собирались против воли выдать замуж за какого-то чиновника, и прадед – в которого она была влюблена – чудом успел выкрасть ее и увезти с собой.

Платон прищурился.

– Родители вскоре... ну, поняли-приняли, а вот чиновник этот прямо голову потерял. Нанимал каких-то сыщиков, еще когда прабабка с прадедом скрывались... в Сербии, кажется. Сыщики эти рыскали за ними, строили прадеду козни, тот их вылавливал и... ну, прадед был мужик здоровенный, сильнющий... отбивал им рога, в общем.

«А может, и не врет, – подумал Платон. – Мало ли чего там могло быть, у богатых свои причуды».

– Это еще не все, – остановил ход его мыслей Коля. – Самое жуткое было потом, – он сделал страшное лицо. – Когда чиновник понял, что все, прабабку ему не заполучить... а у нее-то поклонников было – страсть... так вот он, как осознал это, пошел да и повесился.

– Ничего себе.

– И это еще не все. Он вдобавок к тому, что повесился, потом стал к прабабке во снах приходиться – ну и как бы обвинять ее, дескать, это вот ее вина, что он в петлю залез. И всю жизнь ей снился, до старости. Не каждую ночь, конечно, а так... ну, раз в полгода, может быть.

Платон не знал, что сказать – и снова смотрел на Колю с прищуром.

– Но она и сама переживала, – закончил Коля. – Винула себя так или иначе. Шутка ли!

Тетя Лиза внесла в гостиную суп, стала осторожно разливать его по тарелкам.

– Про что общаетесь? – спросила она приветливо.

Платон обрадовался возможности вывезти Колю на чистую воду.

– А про Колину прабабушку, – выпалил он. – И Анину. По отцовской линии.

Тетя Лиза изобразила удивление.

– Про эту вот историю... – продолжил Платон. – С похищением и преследованием, с чиновником, который от досады повесился...

Тетя Лиза наполнила Платонову тарелку и кивнула.

– Да, Андрей Александрович рассказывал что-то такое... – подтвердила она. – И про повесившегося, и про побег... – она поежилась. – Такой хороший день, а вы снова о каких-то ужасах. Коля, ты вымыл руки?

– Еще утром, мама.

– Как остроумно, – тетя Лиза вздохнула и, наконец, села. – Аня не придет?

И точно в ответ на ее слова ступени лестницы закрипели.

Аня обедала, читая, ни на кого не смотрела и на вопросы отвечала односложно.

– Как тебе суп, Анюта?

– Очень вкусный, мама.

– Что ты читаешь?

– «Грозу», мама.

– Ты же ее, кажется, читала.

– Читала.

«Обиделась? – подумал Платон. – На то, что я ей не поверил?»

– Я начал вашу книгу, – сказал он, вытерев рот салфеткой. – Чехова.

Он действительно перед обедом, валяясь в комнате, прочел первый рассказ из сборника – совсем крошечный.

– Вы большой молодец, – ответила Аня, не глядя на него.

И на этом все.

После обеда Платон сходил на вокзал и сверил расписание электричек, затем прогулялся до площади и посидел напротив Бронзового, глядя как ветер катает вокруг памятника сухие листья. Несколько часов, и осень формально вступит в должность, и тогда все вокруг начнет стремительно желтеть и краснеть – хотя и сейчас уже понемногу желтеет и краснеет – вечера станут прохладнее, а потом еще и дожди зарядят.

«Как в Чехии называют бабье лето?» – задумался Платон, полез искать и прочел вслух:

– Баби лето.

И улыбнулся.

Полистал результаты поиска и улыбнулся снова – в Болгарии «бабье лето» именовали «цыганским», а в Сербии – «летом бедняков».

Ему представилось вдруг оранжево-шелестящее «лето бедняков», душистое и прохладное, и в центре этого лета – сбежавшая от нелюбимого жениха красавица в пышном платье, с лицом, сокрытым, быть может, под вуалью, а рядом с ней – могучего человека, обязательно с пышными усами или бакенбардами, широкоплечего и горбоносого, бережно усаживающего красавицу на спину коня, пушинкой взлетающего следом, и – «но! пошла!», и осенний ветер свистит в ушах, а позади стучат копыта преследователей, ружейные залпы перекатываются эхом по оранжевым сербским холмам...

Платон не был в Сербии и не слишком хорошо представлял себе ее ландшафт – но наличие холмов допускал почти везде, а потому не чувствовал себя грешащим против географии.

На пути к вокзалу и от него Платон присматривался к жуткой аптеке: неужели рассказанное Колей – правда? За буквами на стекле мерцали по-прежнему пузырьки, между полок угадывался полутемный торговый зал. Проходя мимо приоткрытой входной двери – старой, деревянной, рассохшейся под слоем лака, – Платон почувствовал запах лекарств, и ему стало неудобно.

Зато по ту сторону площади, в одном из проулков Платон обнаружил премилую кофейню – тесную и теплую, завешанную гравюрами и стилизованными под старину постерами, – и посидел в ней с чашкой кофе, листая выложенные на столик альбомы с видами Праги и картинами местных художников.

– Радек Шипка, – хозяйка кофейни, дородная краснощекая дама, показала на один из альбомов и, светясь от гордости, рассказала – на не слишком хорошем английском, – что Радек рос через улицу от нее, там, за мостиком, а теперь его знают по всей Чехии и приглашают в крупнейшие галереи. Он же при такой известности не зазнается и даже берется за неблагодарную – хозяйка поморщилась – работу вроде росписи рыбной лавки.

Платон понял, что это та самая лавка, украшение которой бегали смотреть Коля и Матиас – и уточнил у хозяйки ее адрес. А затем, допивая кофе, рассматривал картины Радека Шипки в альбоме – пейзажи, в основном, виды города, Бронзовый в центре площади – и на одной из них с удивлением обнаружил дом тети Лизы. Ограда, крылечко, черепица на скате крыши, яблоня. Окно гостиной, в которой он полтора часа назад обедал. На миг его коснулось ощущение нереальности происходящего – коснулось и тут же рассеялось: местный художник, рисует родные улицы, почему бы не нарисовать дом тети Лизы? Платон сфотографировал страницу в альбоме и повернул ее к хозяйке:

– Я живу в этом доме, – сказал он по-английски. – В качестве гостя.

– О! – просияла хозяйка и всплеснула руками. – Вы – родственник Андрея Александровича?

По-видимому, муж тети Лизы был знаменит не только в Москве.

– Нет, моя мама дружит с его женой, Елизаветой Дмитриевной.

Хозяйка выразила свою радость по этому поводу.

– Андрей Александрович – чудесный человек, – сказала она, прижав руки к груди. – Он очень много сделал для нашего города! – она пощелкала крупными пальцами в поисках нужного слова и сказала по-русски, широко улыбнувшись: – Меценат!

«Вот это да», – подумал Платон и покачал с уважением головой.

За ужином он показал фотографию тете Лизе.

– Дядька Радек, – кивнул, заглянув в экран, Коля.

– Коля, – укорила его тетя Лиза. – Да, это наше крыльцо. Андрей Александрович сильно помог Радеку когда-то, отвез кому-то его работы, устроил выставку... Вот они и сдружились.

Она посмотрела на Платона.

– Те картины, на втором этаже, времена года – это ведь его подарок.

Платон вспомнил картины по обе стороны от зеркала и присвистнул.

Аня за ужином снова читала и отмалчивалась – или ограничивалась самыми необходимыми репликами. Она вернулась к «Подростку», и Платон видел, как стремительно несется сквозь книгу тряпочная закладка с вышитыми на ней цветами. Аня закончила есть первой, отказалась от чая и десерта и ушла к себе, взъерошив Коле макушку.

«А так вот посмотришь, – подумал Платон, провожая Аню взглядом, – совершенно обычная».

После ужина он поднялся наверх, но не заперся сразу в комнате – нужно было лечь пораньше, перед электричкой – а решил рассмотреть картины.

Все четыре изображали сцены из жизни каких-то усредненных европейских крестьян – разведенные по временам года. Вот весна, и перед амбаром в вишневых зарослях запрягают в телегу лошадь, небо бледно-голубое, трава бледно-зеленая, облака похожи на пух. Вот лето, и в телегу запряжены уже две лошади, а саму телегу не видно под копной сена. У края картины просто одетая женщина положит не то в пруду, не то в ручье белье. Грузные белоснежные облака спускаются к каменному домику вдалеке.

Вот осень, и пастух ведет стадо овец вдоль реки – а деревья на том берегу все уже почти облетели. В зеленоватом небе – косяк уток.

Вот зима, и крестьяне группками идут мимо голых деревьев по широкой дороге – причем двое, пожилого возраста, каким-то образом оказались в центре огромной покрытой

льдом лужи и теперь мутно отражаются в ней, перевернутые вверх ногами. Позади встает колоколенка заснеженной церкви, небо таинственно переливается оранжевым.

Платон переходил от картины к картине и всматривался в мягкие пастельные тона, в аккуратно выведенные фигурки в старинных одеждах, в размытые линии горизонта, и ему казалось – а точнее не казалось, а представлялось, не без приложенных усилий воображения – что он слышит и тихий перестук копыт, и скрип голых ветвей, и плеск воды, до того он расчувствовался.

– Платон, это вы там топчетесь? – чтобы услышать доносящийся через дверь Аниной комнаты голос, воображение не требовалось. – Перестаньте, пожалуйста, вы мешаете читать.

Клубящиеся перед Платоном образы и видения растаяли и снова превратились в четыре картины в рамках – две слева от зеркала, две справа. Платон кашлянул и, ничего не ответив, ушел к себе.

***

...Первая половина дня прошла в ознакомительных встречах – встречи были ознакомительными в прямом смысле, всем, включая Платона, пришлось рассказывать о себе, – в экскурсиях по институтским корпусам, в поисках аудиторий и лекторов. Затем вместе с куратором обедали в студенческой столовой – Платон чуть не оглох от гвалта – пили кофе и обменивались впечатлениями. Потом слушали выступление прилетевшего по случаю из Москвы чиновника – который с помощью переводчика выражал свое воодушевление относительно программы обмена и надежды, которые он лично на эту программу возлагал. Затем звучали ответные слова от декана принимающего факультета – декан довольно сносно говорил по-русски и между официальными заявлениями вбрасывал имевшие успех шуточки, – потом всех проводили в небольшой конференц-зал, в котором состоялось выступление студенческого музыкального ансамбля во главе с растрепанным дирижером, а после выступления состоялся круглый стол на тему русско-чешского взаимодействия в условиях стремительной глобализации.

Платон, оказавшись в привычной студенческой обстановке – в веселой суете, на одну треть состоящую из вкраплений чего-то невыносимо скучного и оттого еще более веселого, чем не-скучное – среди знакомых и незнакомых лиц, среди обсуждений, смеха, отпускаемых шепотом острот в адрес выступающих, приободрился и встряхнулся. И люди, и настрой, и вообще царящая в коридорах института атмосфера произвели на него хорошее впечатление, он даже загорелся – учиться, работать, узнавать, дискутировать, показывать себя и набираться опыта от других, о как много ему может дать эта поездка! – воодушевился, и ему стало казаться, что он вместе с товарищами приехал только вчера вечером и вместе с ними же живет в общежитии, а городок с бронзовой статуей в центре площади, домик с беседкой и видом на луг, Аня, Коля, тетя Лиза, портреты сбегавших от женихов прабабок и игра на пианино – все это сон, видение, проплывшее перед ним, когда он дремал в самолете.

О том, что все это не сон, напоминали бутерброды в рюкзаке – с которыми Платон смог разобраться только в конце дня, между музыкальным номером и круглым столом. И разобрался не в одиночку, а поделившись с остальными.

– Недурно, недурно, – промычал с набитым ртом Сергеев. – Го после круглого стола в бар?

Они стояли в коридоре у окна, рядом с вендинговым аппаратом. Мимо цокали звонко каблук и шаркали подошвы, шуршали пакеты и шелестели бумаги, у аппарата переминалась с ноги на ногу очередь из трех-четырех студенток. В окно видно было оживленный перекресток, одна половина которого – строго наискосок – была залита желто-оранжевыми лучами спускающегося понемногу к западу солнца, а другая таилась в тени.

Платон пожал плечами – можно.

Вендинговый аппарат, по-видимому, капризничал, студентки причитали по-чешски. Сергеев вытер губы тыльной стороной ладони, оставил недоеденный бутерброд на подоконнике и пошел разбираться.

– Ladies, – начал он, добавив в голос меду, – let me help you with this... – он смерил аппарат презрительным взглядом, – inglorious bastard.

Студентки захихикали, Сергеев атаковал панель с кнопками, и Платон отвернулся, потеряв к зрелищу интерес – Сергеев был Сергеевым и никем, кроме Сергеева, быть не мог – и заговорил с остальными о походе в бар.

– Место уже выбрали?

Шахматист Валя снял очки и посмотрел сквозь них на свет.

– Ага. Тут недалеко. Рейтинг четыре и восемь.

Он вернул очки на место, открыл страничку бара и сунул под нос Платону.

– Да чего мне его рассматривать? Решили так решили.

– Сергеев, – скривился Валя, – хочет кураторшу позвать. Но я против.

Как будто услышав его, из-за поворота показалась куратор – светловолосая и остроногая Ирина, студентка последнего курса и будущая преподавательница.

– Мальчишки, круглый стол, – напомнила она и поманила всех за собой в аудиторию.

Сергеев, так и не добившийся от вендингового аппарата повиновения, попросил студенток его дождаться – каких-нибудь сорок минут, не больше – и показал панели с кнопками кулак.

Студентки, понятно, не дождались – когда круглый стол закончился, и Платон вышел с остальными в коридор, у аппарата никого не было, а на самом аппарате, на стекле, за которым теснились шоколадки и сэндвичи в прозрачных упаковках, белел приклеенный скотчем лист с надписью «Mimo provoz».

– Вот тебе и женская верность, – картинно вздохнул Сергеев. – Сложно было дождаться?

И он тихонько запел:

– Постой, мимо провоз, не стучите колеса...

Перекресток за окном погас весь, солнца не было видно за домами – но небо оставалось светлым. Последней из аудитории вышла Ирина.

– Мальчишки, послушайте меня, пожалуйста.

Платон и остальные образовали круг с ней в центре, один Сергеев продолжал вальяжно расхаживать по коридору.

– Я вас всех сейчас добавлю в чат, – сообщила Ирина. – И сброшу ссылку на приложение, это наши ребята сделали, там будет и расписание, и карты на всякий случай, и контакты.

– Контакты третьей степени, – послышался голос Сергеева.

– Вам нужно будет зарегистрироваться, – проигнорировала его Ирина. – На ту почту, которую вы указывали в анкете.

Все закивали.

– Ну все, – Ирина улыбнулась зубами белыми как снег, такими можно солнечных зайчиков пускать. – Хорошего вам вечера, до завтра.

– Ир-рина, – медово пробасил Сергеев и влез в круг. – Мы с товарищами сегодня отправляемся в, так сказать, заведение барного типа и, так сказать, хотели бы вас пригласить...

– Извините, сегодня я занята, – ответила Ирина, не задумываясь. – Но как-нибудь я обязательно составлю вам компанию.

Говорила она с едва уловимым акцентом – угадывающимся скорее по интонации, чем по произношению.

– А вообще, – Ирина посмотрела на Сергеева с напускной строгостью. – Увлекаться барами не советую. Не в середине недели как минимум.

– Как скажете, Ирина! – картинно воскликнул Сергеев. – Кто вообще предложил идти в бар? Ты? Ты, может?

Он ткнул пальцем в Валу.

– Ты, – коротко ответил Валя.

– Каюсь, – уронил голову на грудь Сергеев. – Я смутьян и балагур среди этих бедолаг.

На Сергеева шутливо зашикали, Ирина улыбнулась.

– Главное, не опаздывайте на занятия, – сказала она. – А бары... я вас понимаю, это же Прага, в конце концов.

– Вот именно, Ирина! – воскликнул Сергеев. – Именно что Прага! – он взял Ирину за руку и качнул ее в своей. – Спасибо, вы вдохнули в меня новую жизнь!

– Хватит тебе паясничать, – проворчал Валя, когда Ирина скрылась за поворотом, из-за которого появилась прежде. – Как шут.

– Валя-Валя! – приобнял его Сергеев за плечо. – Тебя взяли специально, чтобы ты мне портил настроение!

Валя, ворча, выбрался из объятий и пошел впереди.

– Нет, ну вот ты мне скажи, чего он так себя ведет? – спросил Сергеев, поравнявшись с Платоном. – Чего он бухтит?

– А ты чего ждал? – усмехнулся Платон. – Валя он Валя и есть.

– Я слышу, – отозвался Валя и, не оборачиваясь, показал идущим за ним средний палец.

– Здравствуйте, господин декан, – учтиво пробасил Сергеев и расхохотался, когда Валя не только спрятал палец, но и обернулся испуганно.

Бар оказался очень уютным – и действительно располагался совсем недалеко от института. Спустившись по грубой каменной лестнице, Платон очутился в теплом и шумном полуподвальном помещении с крошечными окошками, заглянуть в которые можно было только привстав на цыпочки, и тяжелыми деревянными столами, хаотично распределенными по залу.

Над каждым столом гнулась желтая лампа, такие же вырастали из стен. Залов было несколько, и все они – разве что кроме первого, с барной стойкой и огромным экраном в углу – были похожи друг на друга как две капли вишневого эля, с которого и решили начать.

– За Прагу! – восклицал Сергеев и тянул тяжелый бокал в центр стола. – Вива ла тады е муй пас!

Посетителей в баре было достаточно, многие с улыбками оглядывались.

– А что такое тады... муй пас... – смеялся Платон.

– А загугли!

– Вот мой паспорт, – отвечал Валя, глядя в экран телефона, на котором пестрела желто-зелеными клетками шахматная доска.

– Вот что за человек? – возмущался Сергеев. – Сели пиво пить, а он и тут со своими шахматами! А ну дай сюда!

Он тянулся через стол за телефоном, Валя хлопал его по рукам.

– Отвали! Отвали, я сказал! – он кончиком пальца двигал через все поле слона и переворачивал телефон экраном вниз. – Все, с вами я, с вами.

И они пили вишневый эль, и заедали солеными крендельками и гренками из черного хлеба, а потом пробовали не вишневый эль, а кофейный, а за ним банановый, и хохотали, и выходили на лестницу подышать, и Платон рассказывал, как жил эти дни, а остальные хвалили общежитие и делились планами на ближайшие пару недель, обсуждали институт и программу, напутствия московских преподавателей и волнение родителей, вспоминали байки из студенческой жизни и смешные случаи, произошедшие по дороге из Москвы. Платон чувствовал, что пьянеет и притормаживал, не налегал, чтобы не вернуться совсем уж на бровях, вот смеху будет, и прикидывал, как будет добираться до вокзала, блуждать по метро не хотелось...

– Так что? – спрашивал, щурясь, Сергеев. – Что там у тебя с этой А-а-аней?

– Да ничего, – отмахивался Платон. – Я ж тебе говорю, она странная пипец.

– Кто тут не странный, – поднимал голову от шахматной доски Валя и тут же прятал телефон от Сергеева. – Отвали, сказал!

– Уснешь, – пригрозил ему Сергеев, – а я возьму твою мобилу и шахматы оттуда... удалю.

– Удаляй на здоровье, – пожал плечами Валя. – Аккаунт сохранится.

– А я и аккаунт удалю!

– Ты как будто, – Валя хмыкнул и поправил очки, – разберешься, как это сделать.

– Представляешь? – посмотрел Сергеев на Платона с горечью. – И с этим мудаком мне три месяца жить в одной комнате.

– Живи в коридоре, – отозвался Валя. – Я не против.

– На его месте должен был быть ты, – ткнул Сергеев Платона пальцем в грудь.

Платон представил жизнь бок о бок с не замолкающим, шумным и не способным усидеть на одном месте пяти минут Сергеевым и ужаснулся.

– Нет уж, спасибо, – рассмеялся он и стукнул своим бокалом по бокалу Сергеева. – У тебя шило в жопе.

– Правда? – ахнул Сергеев. – А я-то думал, в чем дело?

И он заерзал, ощупывая ладонью джинсы.

– Ничего, – заверил он Платона. – За три месяца этот гриб меня форматнет, – он кивнул на Валю. – Очки куплю, причесываться перестану, скукожусь даже, быть может...

Валя, не отвлекаясь от шахмат, ткнул его кулаком в плечо.

– Лишь бы ты меня не форматнул. Был один шут, станет два.

На вокзал Платона провожали всем кагалом – шумели в метро, пели вполголоса песни. Сергеев нависал над Платоном, уцепившись за поручень:

– Нафига тебе эта деревня? Поехали в общагу, у нас переночуешь!

Но Платон отказался даже смотреть общагу, не то что оставаться в ней в этот вечер.

– Потом, потом, – отмахивался он. – В другой раз.

– Знаю я твой другой раз... – обижался Сергеев. – Что ты, что Ирэн... все в другой раз...

Немногочисленные пассажиры поглядывали на Сергеева с неудовольствием, в приоткрытое окошко хлестал пахнувший резиной ветер. Когда между двумя станциями никого из посторонних в вагоне не было, Сергеев громогласно декламировал Бродского и тряс прикорнувшего у поручня Валю за плечи.

На перроне с Платоном прощались так, словно он уезжал на край света.

– Не забывай нас, Платан! – кричал Сергеев, стискивая его в объятиях. – Пиши в вайбер и ватсап!

Платон смеялся вместе со всеми.

– Пусти, опоздаю!

И когда он уже сидел в вагоне, Сергеев с остальными стояли под окном и потешались, махали руками, обещали выпить за его здоровье в вокзальном буфете – а потом Сергеев, самый пьяный из всех, бежал вслед за электричкой и скандировал что-то неразборчиво, пока не отстал и не исчез из виду.

***

...В пятницу снова были в том баре – на этот раз после занятий, ошалевшие, с гудящими от навалившейся за первые три дня нагрузки головами – и снова пили эль, потому что Сергеев сказал, что именно по элю можно судить о баре, и снова Платон не налегал, чтобы вернуться к ужину не на бровях, хотя и не вздрагивал от ужаса при мысли о раннем подъеме – субботнее расписание включало в себя два с половиной часа занятости, и приезжать полагалось чуть ли не к полудню. Кроме того, можно было вообще не приезжать – субботние занятия для программы обмена считались факультативными.

– Хрена с два я поеду! – горячился Сергеев, вгрызаясь в брызжущую соком рульку. – Запрись в общаге, Валю выгоню и буду спать! Или приглашу-таки Ирэн на прогулку!

В бар он Ирину не позвал – чтобы она не составила о москвичах дурного мнения.

– Пойдемте в бар, пойдемте в бар, – морщился он. – Как это пошло.

Платон тоже – на фоне первых трех дней – задумывался: а ехать ли назавтра вообще? Не закрыться ли в комнате да не выспаться ли как следует, впрок?

Но в субботу он, конечно, в положенное время поднимался на высокое крыльцо – а на крыльце уже размахивал руками и хохотал Сергеев, а рядом с ним отражал шахматную доску очками Валя, и за ним топтались, растирая лица, остальные.

После занятий состоялась спонтанная прогулка по центру Праги – в проводники Сергеев все-таки заполучил Ирину, и она вышагивала впереди процессии с видом бывалого экскурсовода.

– Карлов мост, – говорила она, сверкая своими неземными зубами. – Первое, что приходит на ум, когда говорят о Праге.

И они шагали по брусчатке Карлова моста, и дышали влажным воздухом, и шурились от того, как ослепительно горит на солнце вода. Сергеев даже уселся позировать одному из бесчисленных художников, и спустя четверть часа догнал товарищей, возмущенно размахивая портретом, с которого скалился усатый и скуластый, точно монгол, детина.

– Это я, что ли? – приставал он ко всем. – Честно мне скажите, это – я?

Больше всех досталось хохочущей Ирине.

– Ирина, ответьте мне прямо, я такой страшный? У меня такие усы?

– Перестаньте, я сейчас умру, – задыхалась от смеха Ирина, и зубы ее то загорались, то гасли. – Это же шарж, так и должно быть!

– Я понимаю, что шарж, но... но... – Сергеев оборачивался на художника, перед которым уже сидел качок в татуировках. – Я сейчас вернусь и морду ему набью!

И он шутливо порывался вернуться, а остальные, подыгрывая, тянули его за локти назад.

После прогулки и прощания с Ириной – ее ждали на теннисном корте подруги – опять взяли курс на бар, теперь какой-нибудь новый, но Платон отказался и уехал, так как хотел позаниматься, посидеть без спешки и дерганья над тетрадями.

– Завтра посидишь, – умолял его Сергеев, хватая за рукав. – Целый день хоть седи!

– Не могу я завтра, занят!

– Чем ты можешь быть занят? Ну чем, скажи ты мне!

– Отстань ты от человека, – вздыхал Валя. – Занят и занят.

Но сидя в электричке, глядя на то, как проносятся мимо желтеющие рощи и поля, истыканные электроопорами, Платон нет-нет а переносился мысленно в прохладный, пахнущий сушлом бар, за стол к Сергееву, Вале, остальным – и вздыхал. «Напьются, – думал он, – и пойдут шататься по Праге. Еще куда-нибудь завернут, познакомятся с кем-нибудь, приклеятся, может быть, к экскурсии, из неофициальных – мистическая Прага там или по следам кого-нибудь из писателей...» Но потом он думал, что дудки, все устали так же, как и он, всем надо заниматься – и сколько бы ни храбрился Сергеев, а сядет как миленький за тетрадки и будет сидеть, или спать ляжет пораньше, чтобы посидеть завтра – а чтобы спать лечь пораньше, и в общежитие вернется вполне себе скоро и не слишком уж навеселе...

Платон прошел через ставший уже привычным вокзал, кивнул даже охраннику, а когда шагал мимо аптеки – солнце еще не опустилось, и улицы заливал янтарный свет, – то увидел за стеклом молоденькую совсем девушку, худенькую и светловолосую, протирающую тряпочкой полки на витрине. Платон вмиг похолодел – сирота, жена аптекаря? Он даже запнулся и замер, глядя на нее, и она подняла голову и тоже посмотрела на него – сперва удивленно, а затем приветливо, тонкие губы растянулись в улыбке. Платон через силу улыбнулся и зашагал своей дорогой – и пока шагал, пока смотрел на то, как медленно плывут в оранжевом свете паутинки и листва, точно в смоле вязнут, он все думал: «Да глупости, да не может такого быть, да нашел кого слушать – мальчишку!»

И вспоминал, что и сам в детстве был не дурак приврать и ошеломлял небылицами то бабушек, то маминых подруг – да и в классе нет-нет а расписывал в красках то, чего с ним в действительности не происходило.

Но за ужином, когда он спустился в гостиную, оторвавшись от тетрадей и книг, и застал вокруг стола всех, включая Аню, он все же обратился к Коле как бы с полуулыбкой:

– Коля, а я сегодня... представляешь, видел в аптеке... ну...

– Аптекаря? – расширил глаза Коля.

– Нет, – покачал головой Платон, – его жену.

Аня читала, тетя Лиза прислушалась к разговору и поджала недовольно губы.

– Опять вы за свое...

Коля опустил голову, покачал ей горестно.

– Жаль, – сказал он. – Я думал, она послушает Матиаса и сбежит...

– С Матиасом? – фыркнула тетя Лиза.

Платон закашлялся от смеха, Коля посмотрел оскорбленно.

– Сама с собой.

«Вот врет-то», – подумал Платон и даже позавидовал простоте и искренности, с которой Коля рассказывал свои истории.

Историй прибавилось: накануне Коля по поручению тети Лизы встречал Платона и вел домой новым маршрутом, через сквер – а в сквере указал на статую женщины в длинных одеждах и сообщил, что, хотя он, конечно, в это и не верит, а все-таки говорят, что статуя эта время от времени пропадает из сквера, и происходит, само собой, это по ночам, и говорят – Коля несколько раз сделал акцент на том, что это всего лишь легенда и он скорее поверит в то, что земля плоская, нежели в ее правдивость, – говорят, что статуя эта каким-то непостижимым образом расхаживает по городку и заглядывает в окна первых этажей, точно ищет кого-то.

Платон, после эля слушавший Колю рассеянно, присмотрелся к статуе и не нашел в ней ничего особенного, но сквозь хмель подумал, что Коля, должно быть, любой объект, которого коснется вниманием, может вписать или уже вписал в свою антологию жутких историй – об отравителях, самоубийцах, неуспокоенных душах и так далее, – которую не то собирал, не то сочинял, не то и то и другое вместе. «Покажи ему чашку, – думал Платон, – он скажет, что из нее кто-то выпил яду. Покажи ключ, он заверит, что ключом этим можно открыть дверь в подземелье со скелетами».

Но увидеть воочию юную жену аптекаря он не рассчитывал – так же, как не рассчитывал однажды ночью, реши он прогуляться по городку, обнаружить в сквере голый постамент, – и это внесло в его уверенность сумятицу.

– Как тебе Прага, Платоша? – спросила тетя Лиза, желая, по-видимому, сменить тему.

– Очень красиво, – ответил Платон. – Мы сегодня прогулялись, были на Карловом мосту, во всем чувствуется... – он задумчиво поболтал в руке вилок, подбирая слово. – История.

– Довольно тривиально, – вздохнула Аня и перелистнула страницу.

Платон пропустил ее слова мимо ушей.

– Мой товарищ позировал художнику, – с улыбкой сообщил он тете Лизе. – Потом возмущался результатом.

– А вот это интересно, – подняла глаза Аня. – Расскажите поподробнее.

Платон улыбнулся.

– Что же тут рассказывать?

– А вот прямо все и расскажите, в деталях.

Платон вздохнул, посмотрел на Аню снисходительно, как смотрят на ребенка, который мухлюет в игре и думает, что этого никто не видит – в то время как ему подыгрывают, чтобы он не расстраивался.

– Мой друг, – с расстановкой начал Платон.

– Как его зовут? – перебила Аня. – И не смотрите на меня как на ребенка. Я знаю, о чем вы думаете – деревенская дурочка пристаёт с глупыми расспросами, удовлетворю ее любопытство, чтобы она...

Платон поперхнулся и посмотрел на тетю Лизу.

– Аня, – вздохнула та, закрыв глаза.

Аня намотала прядь на палец и вздохнула.

– Хорошо, мама, извини. И вы меня извините, Платон, – она кивнула Платону с равнодушным видом. – Рассказывайте дальше. Впрочем, не рассказывайте, мне больше не интересно.

Она раскрыла книгу, потом посмотрела поверх страниц на мать.

– Мне ведь не нужно извиняться за то, что мне не интересно?

Тетя Лиза вздохнула, Платон кашлянул.

– Там, в общем, действительно не было ничего прямо вот интересного. Я думаю, Сергеев... Это фамилия моего друга... больше ломал комедию, чем вправду возмущался и...

– Платон, я же вам сказала, что мне не интересно, – вздохнула Аня, подперев щеку кулаком. – Кроме того, если хотите, – она вдруг оживилась и сверкнула глазами, – Сергеев ваш, по-видимому, круглый дурак и наглец!

– Аня! – ужаснулась тетя Лиза.

– А... – опешил Платон. – Почему же?

И ему стало смешно, потому что он против воли представил, как пересказывает этот спор Сергееву.

Аня с сожалением закрыла книгу, заложив ее салфеткой.

– Потому, дорогой Платон, – стала объяснять она, склонив голову набок и пристально глядя на Платона, – что художники не для того сидят с утра до ночи на мосту, чтобы, – видно было, что спокойная речь дается ей нелегко, – чтобы какие-нибудь, – она сжала губы презрительно, – Сергеевы смеялись над их работами, или возмущались ими, или... или... – она прикрыла глаза и глубоко вздохнула – или ломали комедии по этому поводу.

– В прошлом году один художник сбросился с моста, – вставил Коля, тетя Лиза одарила его сердитым взглядом.

– Но... – набрался решимости и возразил Платон. – Что делать, если, например... ну, если портрет и впрямь неудачный?

Аня долго смотрела на него, не говоря ни слова. Затем вздохнула и отвела глаза.

– Вы, Платон, человек не злой и не глупый, а ерунду говорите только ради того, чтобы поспорить. Но я сегодня спорить не намерена, – она улыбнулась язвительно, – я сегодня спорить не собиралась, – на «не собиралась» она сделала ударение. – Не собиралась и не буду. Можно, мама?

Тетя Лиза, по-видимому, расстроенная, повела неопределенно бровью. Аня посмотрела на Платона, затем на тетю Лизу, затем снова на Платона, вид у нее был раздосадованный.

– Все в порядке... – забормотал Платон, обращаясь к тете Лизе. – Возможно, и правда, было не совсем вежливо со стороны моего друга... Он добрый, просто...

– Говорю сразу, – вдруг прервала его тетя Лиза и Платон впервые услышал в ее голосе строгость. – Если кто-нибудь, – она сделала паузу, – кто-нибудь начнет, – пауза, – спорить или упрекать друг друга, или рассказывать о самоубийцах, – Коле достался выразительный взгляд, за ним последовала еще одна пауза. – Я встану и уйду, уйду далеко-далеко, и вы будете тут жить одни и хоть передеритесь.

Коля посмотрел испуганно, Аня вскочила со своего места и подбежала к тете Лизе, заключила ее в объятия.

***

...И потянулись мимо Платона похожие друг на друга как те две капли вишневого эля дни. Платон просыпался с петухами – петухов никаких слышно, конечно, не было, роль петуха исполнял гудящий будильником на полу возле кровати телефон – одевался-умывался и крался вниз, сжимая в руках собранный с вечера рюкзак. В кухне его встречала бодрая на вид тетя Лиза, окутанная яишенно-кофейными парами. Поев, он направлялся на станцию, забирался в электричку и засыпал сном праведника по старой московской привычке досыпать в метро по пути на учебу.

В Праге он по проторенному тетей Лизой маршруту добирался до института, карабкался на высокое крыльцо, втискивался вместе с толпой таких же, как он, в стеклянные двери, и затем несколько часов ходил с Сергеевым и остальными из аудитории в аудиторию, переписывал информацию со слайдов в тетради, участвовал в дебатах на темы русско-чешского сотрудничества и вообще судеб Европы и России, пил кофе и грелся на солнце в перерывах или падал в кресло-мешок и звонил маме, делился новостями.

– Нравится тебе? – спрашивала мама. – Все хорошо?

Платон отвечал – нравится, хорошо.

– Как Лиза? Аня?

Платон рассказывал.

– Андрей Александрович не приезжал?

– А должен был?

– Не знаю, Лиза говорила, что он может появиться осенью.

Мама обещала, что остановись у них когда-нибудь Аня – так же, как остановился у тети Лизы Платон – она из кожи вон вылезет, чтобы не в грязь лицом.

Платон представлял Аню в декорациях московской квартиры, в декорациях вообще Москвы – и чувствовал, что мысли вот-вот замкнет, с искрами и запахом гари.

Сергеев в это время мог, развалившись на соседнем мешке, отчитываться отцу:

– Папа, все на мази! Прага еще не видела такого старательного студента!

На этих словах он подмигивал Платону и тыкал в него пальцем – «я на самом деле имею в виду не себя, а тебя».

Сергеев кокетничал, так как при своем балагурстве обладал живым и быстрым умом, может быть, даже более живым и быстрым, чем у Платона, – и, будучи одарен природой, схватывал на лету, тратил на анализ и переваривание вдвое меньше времени, чем остальные, но все равно знал, где на одной природе не уедешь и, отшучиваясь и кривясь презрительно, все же исправно вел конспекты, читал учебники, закинув ногу за ногу и покусывая перьевую ручку, и вечерами вместе с остальными не пьянствовал, как грозился, а зубрил, писал и готовил доклад, который на него повесила Ирина.

Про Ирину Сергеев говорил много и с восторгом:

– Ух какая, правда? Правда? Вот увидите, увезу ее в Москву и женюсь!

И даже отцу рассказывал, смеясь:

– Невесту встретил, папа, сбылась твоя мечта!.. Нет, ну а вдруг ты боялся, что я голубой? Ирэн, чуть постарше меня, улыбка – рождение сверхновой! Нет, не на двадцать лет постарше, и не на тридцать.

Валя на словах про Ирину морщился и сопел недовольно – как сосед Сергеева он выслушивал все то же, что и остальные, в десятикратном объеме.

– Он не замолкает, – жаловался Валя Платону. – Мелет языком, – Валя делал страшные глаза, – все время, что не спит. Да что там, он даже во сне мелет какую-то хрень! То с Ириной своей разговаривает, то с батей ругается, то вообще бессвязную какую-то чушь порет!

– А ты храпишь как вепрь! – парировал Сергеев. – Откуда в таком тельце такой храп?

Выходило, что они друг друга стоят.

После занятий Платон вместе со всеми сидел в каком-нибудь кафе или прогуливался, осматривая достопримечательности, и раз даже заехал в общежитие и оценил нехитрую студенческую обстановку с шумными коридорами, дверями в стикерах, игровыми приставками в холле, тесными, но не лишенными уюта комнатушками, выходящими на парк.

– До меня тут спал какой-то меломан, – говорил Сергеев и показывал на завешанную постерами стену на своей половине комнаты. – А Валин предшественник, – Сергеев давился от смеха, – только соплю на обоях оставил.

– Может, это и не сопля, – ворчал Валя, ставя кому-то очередной мат.

Но спал он на всякий случай головой к двери, а не к окну, как полагалось.

С постеров над кроватью Сергеева на Платона смотрели Queen и Metallica, Depeche Mode и Kiss, Стинг и Бон Джови, Леннон и Кобейн. Среди них неожиданными гостями были Снуп Дог и Эминем, Кайли Миноуг и Рианна.

– Я ж говорю, меломан, – расшифровывал Сергеев психологию предыдущего жильца. – Были бы постеры с Бахом и Вивальди, висели бы и они.

Ближе к шести, когда небо над Прагой начинало бледнеть, Платон отпраивался на вокзал и садился в электричку.

– Охота тебе... – вздыхал Сергеев и крепко жал Платону руку на прощание, а затем улыбался хитро и смотрел с прищуром. – К А-а-а-ане едешь, я тебя раскусил.

Платон отмахивался и прикидывал, проспит он всю дорогу на этот раз или будет читать Чехова?

Чаще всего получалось совмещать – он то читал, то засыпал убаюканным мягким стуком колес, то сквозь дрему следил за проплывающими мимо вечерними пейзажами.

Раз в вагоне с ним ехала девушка, лицо которой показалось ему ужасно знакомым – и Платон всю дорогу ломал голову над тем, кто это, посматривал на девушку украдкой, рискуя показаться невежливым, и только перед самым прибытием, когда девушка подняла от телефона глаза и взгляды их встретились, узнал в ней юную жену аптекаря. Первой она вышла из вокзала, ускорила и скрылась в дверях под старой вывеской.

В обычной – не-аптекарской – одежде, с телефоном в руках, хотя и озабоченная чем-то, она не выглядела человеком, который находится в смертельной опасности и которого надо срочно спасать.

На Колю это, впрочем, не произвело никакого впечатления.

– Надеюсь, она покупала в Праге пистолет, – мрачно сказал он. – В Праге что угодно можно купить.

Иногда тетя Лиза просила Колю встретить Платона на станции, иногда встречала вместе с ним, и возвращение домой превращалось в прогулку по городку. Аня Платона не встречала и спускалась уже к ужину – или же Платон заставлял ее читающей в беседке, если, вернувшись и поднявшись в комнату, подходил к окну.

Вечера выдавались замечательные – теплые и красочные, с буйными, вызывающими восторг вперемешку с тоской, закатами. Поле и рощу за окном – а вместе с ними беседку и вишню – заливало то янтарным светом, то апельсиново-оранжевым, то облепихово-желтым, то нежно-розовым, почти коралловым, и Платон сам даже загрустил, что не развивал в себе наваливаемые мамой навыки художника, а то ведь мог бы сесть сейчас с листом бумаги... да хоть бы в беседке, рядом с читающей Аней... или вообще – Анин портрет на фоне заката...

В мыслях портрет Ане почему-то все время не нравился, и она рвала его на мелкие клочки – а затем выбрасывала клочки из беседки, и ветер подхватывал их и весело уносил в поле. Представить, как Аня благодарит его и хвалит результат, Платон не мог, как ни старался – выходило фальшиво.

«Подсознание не обманешь», – думал он с усмешкой.

Анино настроение по-прежнему скакало туда-сюда, она могла то залиться хохотом, то ходить мрачнее тучи, но в прямую конфронтацию с Платоном больше не вступала – скорее всего, чтобы не расстраивать тетю Лизу – и за общим столом к нему не придиралась. Чаще всего она читала, разговаривая с остальными односложно, но вполне вежливо, но могла, если вдруг заинтересовывалась, и вклиниться в беседу не на стороне кого-то из участников, а как третьей судья. Например, когда Платон с тетей Лизой с обсуждения учебы перешли на Прагу, а с нее на столичную жизнь вообще, и Платон заикнулся про цивилизацию, которая, как известно... – Аня мягко прервала его и сообщила, что цивилизация, как известно, вырабатывает в человеке лишь многосторонность ощущений и решительно ничего кроме этого.

– Чем же это плохо? – спросил Платон искренне.

– А тем, дорогой вы наш Платон, что через развитие этой самой многосторонности человек еще, чего доброго, дойдет до того, что и в крови отыщет наслаждение.

– Аня, – с укором посмотрела на нее тетя Лиза, а Коля многозначительно поднял палец вверх – чтобы заметили, что не он заговорил о крови или чем-то таком.

– В какой крови? – не понял Платон.

– Ах, Платон, – улыбнулась Аня. – Все-то вам нужно объяснять. Вы на своих занятиях так же переспрашиваете каждое слово?

Вообще же, если речь заходила об учебе и институте, она, даже если читала, кривила презрительно губы или вздыхала, точно ей вдруг становилось скучно или тоскливо.

– Как поживает Антон Палыч? – спрашивала она.

– Читаю, спасибо, – чинно отвечал Платон.

– Вам нравится?

– Скорее да, чем нет.

– Я ценю вашу честность, Платон, спасибо за нее, – на этих словах Платон внутренне выдыхал, уже готовый ловить свирепые взгляды.

После ужина Аня, бывало, играла на пианино – по просьбе тети Лизы. Или же не играла, заявляя, что у нее на это нет настроения – но заявляла без надрыва, не топя при этом ногами и не убегая наверх.

...Я с недавних пор как будто чувствую себя рыжеволосой, – говорила Аня, запуская пальцы в прическу. – Встряхнешь головой – и пламя, искры...

«Скорее всего», – думал Платон.

Следующим вечером Аня спустилась к ужину рыжеволосой – с гривой огненно-рыжих локонов, падающих на лицо.

– Анюта, – только и смогла выдохнуть тетя Лиза.

Даже Коля онемел и сидел, открыв рот.

Аня, высоко вскинув подбородок, прошествовала к столу, уселась на свое место и тряхнула волосами – и у Платона сердце ёкнуло: пламя, точно пламя, какая красивая, слов нет...

Тут же Аня расхохоталась, запрокинув голову, сорвала с головы парик и убежала наверх – а через две минуты, за которые в гостиной не прозвучало ни слова, вернулась и как ни в чем не бывало приступила к еде.

– Ну а что же? – спросила она, насладившись произведенным эффектом и запеченной рыбой. – Должна же я была попробовать? А вдруг я и впрямь решусь?

Тетя Лиза покачала головой, Коля уже ел и ни на что не обращал внимания, а Платон подумал против воли, что поддержал бы такое решение, если бы его мнением поинтересовались.

После ужина – и немного до – Платон занимался, а к одиннадцати уже всюду клевал носом.

Посреди ночи Платон стабильно просыпался – хотя в остальном спал крепко – прислушивался и кроме шелканья часов слышал время от времени, как лает вдалеке собака или подвывает за окном ветер, или скрипнет вдруг ни с того ни с сего какая-нибудь старая половица, точно ее коснулись ногой, но вес всего тела не перенесли, испугавшись шума.

В такие минуты, лежа в кровати и вслушиваясь в ночную жизнь старого дома, глядя на то, как поблескивают едва заметно крылья пластиковых самолетов, думая о том, что Аня за стеной, быть может, еще не спит, а сидит с книгой в кресле – откуда ему знать, во сколько она ложится, если ей некуда торопиться утром, – думая о пианино в гостиной и лото, о книгах и через силу накрывая все это Прагой, институтом, Сергеевым и Валец, барами и общежитиями, моллами и фастфудом, прижимая одно к другому как отталкивающиеся взаимно магниты, – в такие минуты Платону казалось, что он живет одновременно в двух мирах, скачет между ними как волан между ракетками, как Анино настроение, и миры эти так разительно, так невозможно отличаются друг от друга, что пересекая дважды в день их границы, он, по-хорошему, должен бы терять сознание.

«Я и теряю», – думал он с улыбкой, вспоминая, что в электричке в основном спит.

Мысль о том, что эти миры могут пересечься более, нежели во время трогательного путеводительства тети Лизы, казалась ему невозможной, к ней даже подступаться смысла не было.

Поэтому когда субботним вечером, перемещаясь с остальными из одного пражского бара в другой, уже под хмельком и навеселе, отпустив восвояси прошедшую учебную неделю и не задумываясь еще о наступающей, он увидел за одним из летних столиков кондитерской Аню, он на какой-то миг решил, что галлюцинирует.

Если бы не огненно-рыжий парик, он бы ее, наверное, и не заметил – настолько маловероятной в его понимании была подобная встреча.

***

Аня сидела в плетеном кресле в самом центре широкой веранды. На ней был рыжий парик и бежевая вязаная кофта с вышитым под ключицей цветком. На столике перед Аней стояла на блюде широкая кофейная чашка, напротив, в таком же плетеном кресле, сидел, подавшись вперед, долговязый малый в очках – длинноносый и лохматый. Вокруг, за другими столиками, гомонили посетители, звучала английская и чешская речь, между креслами скользили официантки в кремовых передниках. На Прагу опускались сумерки, но небо над верандой, сжатое прямыми линиями фасадов, было еще совсем светлое, желто-оранжевое.

Желто-оранжевое небо вкупе с фонариками, развешенными над верандой, создавали какое-то торжественное, скорее парижское, показалось Платону, чем пражское настроение.

Убедившись в том, что глаза его не обманывают, Платон, отставший от своих и замешкавшийся, воскликнул сперва не громко, а затем погромче, чтобы его можно было услышать из центра веранды:

– Аня!

Если бы в нем не совершали свое действие три выпитых бокала, он бы, наверное, не стал вот так кричать, привлекая всеобщее внимание.

– Аня!

Аня, сидевшая вполоборота, повернулась к нему и посмотрела озадаченно. Вслед за ней, проследив за взглядом, повернулся ее собеседник, уставился на Платона с неопределенным выражением.

Платон помахал Ане рукой, та нахмурилась, повернулась и что-то спросила у долговязого, долговязый пожал плечами. Аня посмотрела на Платона еще раз – внимательно, точно пытаясь вспомнить его – и отвернулась, заговорила с долговязым, взяла обеими руками чашку.

– Аня? – обдал Платона пивными парами подоспевший Сергеев. – Та самая? Где?

Он заскользил взглядом по веранде. Аня снова повернулась, посмотрела на Платона обеспокоенно, сказала что-то долговязому, тот почесал лохматую макушку.

– Она? – ахнул Сергеев. – Рыжая?

– Пошли, – потащил его прочь Платон. – Не позорь меня...

Но Сергеев через несколько шагов вырвался и снова отбежал к веранде, вцепился в перила и только что не перевалился через них, вглядываясь – и лишь потом вернулся к сгорающему от стыда Платону.

– Ого красotka какая! – ткнул он Платона локтем в ребра. – А ты и не говорил, что она рыжая!

– Она и не рыжая, – крикнул Платон и рассказал про парик. Сергеев, слушая, то делал круглые глаза, то хохотал.

– Огонь девка! – воскликнул он наконец. – С такой не соскучишься!

Платон поморщился, из толпы перед ними вывалился раскачивающийся как стрелка метронома Валя.

– Вы куда делись?.. – забормотал он. – Сперва один исчез, потом второй...

Валя был сильно пьян – стараниями Сергеева.

– Тут мы, тут, – успокоил его Сергеев и приобнял, ободряя. – Мы тут Платонкину А-а-аню встретили, – Платон снова поморщился. – Только она сделала вид, что с ним не знакома.

Валя пожал плечами и икнул, содрогнувшись всем телом.

– А остальные где? – спросил Сергеев.

– В баре уже, – снова икнул Валя. – Во-он в том.

И он махнул тонкой рукой куда-то за толпу.

– Слушай, – спросил Сергеев Платона и потащил Валу в указанном им направлении. – А может, это ее, – он обернулся через свое и Валино плечо и поиграл бровями, – бойфренд? Вот она и сыграла дурочку, чтоб не ревновал.

Предположить, что Аня может состоять с кем-то в отношениях, Платон не мог.

– Хотя нет, – сам ответил на свой вопрос Сергеев. – Не ее калибра мужик.

Сергеев говорил громко, перекрикивая толпу, через которую тащил за плечи Валю. На Сергеева то и дело оборачивались, какая-то девица, заметил Платон, улыбнулась ему, Сергеев улыбнулся в ответ.

– Может, он умный дофига, – предположил Платон. – Носач этот, книжки читает.

– Это я умный дофига, это я книжки читаю, – ответил, не оборачиваясь, Сергеев и придержал дверь табачной лавки, из которой выходила, распутывая наушники, девушка с копной фиолетовых волос. – А он видно, что типичный задрот. Такие дальше френд-зоны не едут.

– Данке, – сказала девушка.

– Нихт фюр, – отозвался Сергеев и затряс Валю. – Не спать, Валентин, нас ждут великие дела!

Валя забормотал что-то, вывернулся из объятий Сергеева, встряхнул головой так, что очки едва не улетели на проезжую часть, и зашагал самостоятельно. Платон обернулся и увидел, что небо над макушками многочисленных прохожих уже не желто-оранжевое, а просто желтое, точно водой разбавленное – бледное и холодное.

«А вдруг это не она? – подумал Платон. – Обознатушки-перевадушки».

Он захотел позвонить Ане и спросить, не ей ли он только что махал, но понял, что не знает ее номера.

«Да она, она, – заверил он себя, влезая вслед за Валею и Сергеевым в бар. – Не настолько же я пьян».

Бар был битком набит людьми, знакомые лица маячили в дальнем углу, под неоновой вывеской в виде пэкмена и двух привидений. Платон протиснулся сквозь горячую, шумную толпу и устроился возле стола, подперев собой кренящегося в сторону Валю.

– Ты зачем его так напоил? – спросил Платон у Сергеева.

– А мы с ним поспорили! – Сергеев исчез и появился через несколько минут нагруженный бокалами. – И это еще не конец!

На столе уже громоздились закуски.

– Валентин, это твое, – сообщил Сергеев и протянул Вале бокал. – За шахматы!

Валя зарделся от удовольствия и, отражая очками неон, присосался к бокалу.

– Я, понимаешь, – Сергеев понизил голос и приблизился к Платону. – Сегодня настроен с кем-нибудь... ну, зазнакомься... Мало ли, – его брови снова заплясали по лбу, – может, и в общагу приду с какой-нибудь бельфам. А этот, – он кивнул на Валю, – он же мне на берегу все запрет, если в сознании будет.

– Лучше ему пакет держать, я понял, – кивнул Платон.

– Нет, до пакета, надеюсь, не дойдет, – заволновался Сергеев. – Валь, ты не налегай, а!

И он потянул Валин бокал на себя.

– За шахматы... – бормотал, оказывая сопротивление Валя. – До дна...

– А ты поиграй лучше, – предложил Платон. – Блиц-другой.

Валя замычал, соглашаясь, сделал еще несколько больших глотков и уступил бокал Сергееву – Сергеев, чтобы не рисковать, бокал тут же осушил.

– А Ирина? – спросил Платон, вспомнив вдруг про чувства Сергеева к куратору. – Ты ж высох весь.

– А! – махнул рукой Сергеев. – Мутная она какая-то. Хи-хи, ха-ха, а идти со мной куда не хочет. Я ее вчера в театр звал, сегодня – с нами... А она все завтраками кормит, как твоя тетя Лиза.

Платон скривился и пожал плечами.

– Может, у нее есть кто.

– Нету, – твердо ответил Сергеев. – Я у однокурсниц спрашивал. Полгода назад рассталась с каким-то душницей, и с тех пор... – он сложил руки крест-накрест, а затем протянул свой бокал к бокалу Платона. – За мужскую дружбу.

Стукнулись, выпили, Валя доиграл блиц – победил – и стал требовать пива. Сергеев плеснул ему в бокал из своего. Валя выпил, затем помотал головой, снял и надел очки, подпер высокий, блестящий в неоновом свете лоб кулаком.

– Я... – всхлипнул он. – Домой хочу...

– Скоро, Валя, скоро пойдем домой, – пообещал ему Сергеев.

– Нет!.. – замотал головой Валя, и лоб его заездил по кулаку. – Я не в общагу... я домой... хочу!..

– А-а, – протянул Сергеев. – Тоска по родине.

И он подлил Вале еще пива.

– Тут... – продолжил жаловаться Валя. – Чужое все... не мое... а я... дом...

Глаза он держал закрытыми, голос его дрожал.

– Эх, Валентин, Валентин! – выдохнул с горечью Сергеев и обошел Платона, приобнял Валу. – Забросила нас судьбинушка за тридевять земель!

Валино лицо скривилось по-детски – еще чуть-чуть и заплачет.

– Мамка, папка, все дома остались, – продолжал Сергеев. – А мы с тобой тут как птицы перелетные!

Валя уткнулся блестящим носом Сергееву в плечо.

– Чего ты его разгоняешь? – цыкнул Платон. Он посмотрел на лежащий перед Валею телефон и увидел, что на экране в жирных пятнах моргает уведомление – проигравший блиц противник требует реванша.

– Валь, тебя вызывают, – мягко сообщил он. – Просят выиграть еще раз.

Валя оставил в покое плечо Сергеева, всмотрелся, прищурившись, в экран и шмыгнув носом, потянул телефон на себя.

– Правильно, Валентин, – одобрил Сергеев, возвращаясь на свое место. – Покажи, кто тут главный.

После этого бара хотели перемещаться в следующий, но стало ясно, что Валя не дойдет – и поэтому решено было остаться. Народу все прибывало, Платон стоял, чувствуя своей спиной чужую, а Сергеев и вовсе маячил на проходе между столиками, и все, кто перемещался из этой части бара к стойке, цепляли его локтями и прижимали к столешнице.

– Повезливее! – распаялся Сергеев, если контакту не сопутствовало извинение. – Поаккуратнее!

В итоге он даже повздорил с каким-то здоровяком, и Платону пришлось влезать между ними, просить обоих успокоиться и не портить вечер.

– Тоже мне! – кипел Сергеев. – У нас бы за такое уже...

Еще через полчаса они со здоровяком братались и искали друг друга в соцсетях. Здоровяк – чех и специалист по кондиционерам – купил выпить всем, включая потухшего Валу, навалился на стол волосатыми локтями и долго рассказывал что-то, сбиваясь с английского на чешский и ради эффекта вставляя в речь русские слова.

– Мировой ты мужик! – восторгался им Сергеев. – Давай выпьем!

В итоге чеха разыскали и с извинениями забрали товарищи. Разбушевавшийся Сергеев призывал всех – весь бар, всю Прагу – объединиться и кутить до утра, но его не слушали.

Заявление Платона о том, что тому пора, он воспринял как личное оскорбление.

– А с этим мне что пр... прикажешь делать? – спросил он и указал на спящего лицом в стиб локтя Валу.

На столе рядом с Валиным телефоном – экран лопался от требований реванша – аккуратно лежали на салфетке очки.

– Тащите его в общагу, – Платон развел руками и зацепил кого-то из проходящих мимо. – С остальными...

– Не надо меня тащить, – промычал Валя из локтя. – Я сам пойду.

Он вскинул голову, посмотрел на всех невидяще, стащил со стола телефон и очки и ломанулся через толпу к выходу.

– Лови его, я расплачусь пока! – гаркнул Сергеев.

– Домой хочу... – жаловался Валя на крыльце бара Платону и снова качался, как стрелка метронома. – Чужое все...

– Только приехали, Валя, – отвечал ему Платон. – Посмотри, красота какая вокруг.

Он показывал на улицу в огнях и вывесках, на уходящие к темному небу скаты крыш.

– Красота... – соглашался Валя и сморкался в захваченную вместе с очками салфетку. – Но... не дом.

Сидя на вокзале в ожидании последней по расписанию электрички и прислушиваясь сквозь музыку в наушниках к объявлениям, Платон заметил в дальней части зала, там, где скамьи шли рядами одна за другой, знакомую рыжую шевелюру.

– Ха! – произнес он вслух и поднялся, неспешно, покачиваясь, прошел через зал. Добравшись до нужного ряда, он скрылся за колонной, а затем шагнул из-за нее, лучезарно улыбаясь, предстал перед обладательницей шевелюры – и извинился, потому что это оказалась не Аня.

– Ошибся, – пробормотал он, краснея. – Сорри...

Вышел на перрон и до электрички бродил туда-сюда, читая информационные плакаты на стендах.

В электричке он спал, не выключая музыки, а затем долго шел по тенистым и пустынным улицам – специально плутая, чтобы проветриться, – и сам не заметил, как оказался в сквере под пристальным взглядом статуи в длинных одеждах.

Сквер был пуст и наполнен бумажным шелестом листвы, в просветы между ветвями заглядывала луна. Воздух здесь был прохладный и сырой, не такой, как за пределами сквера, и вокруг каждого фонаря покачивался мутный ореол. Статуя смотрела на Платона, и складки ее одежд темнели от набившегося в них ветром песка. Платон почувствовал, как по спине его бегут мурашки и мысленно отругал Колю – и, покидая сквер, нет-нет а оборачивался, удостоверившись, что статуя ведет себя так, как ей и положено, а именно стоит на месте.

«Как ребенок, – думал он. – Ладно Коля, но ты-то куда...»

И все равно оборачивался.

Тетя Лиза еще не спала – хотя Платон предупредил о том, что задержится, и получил в распоряжение ключ от входной двери. Платон рассыпался в благодарностях, отказываясь от позднего ужина, и поспешил вверх – чтобы не дышать на тетю Лизу выпитым. Перед своей дверью он замешкался и посмотрел на дверь Аниной комнаты – в щель у самого пола из нее пробивался свет.

«Приехала уже», – подумал Платон.

И чтобы удостовериться, он прошелся туда-сюда мимо картин.

– Платон, это вы? – услышал он раздраженный голос. – Не мешайте, пожалуйста, читать!

– Извините, – улыбнулся он и ушел к себе.

***

На следующий день Платон разоспался и вылез из кровати только перед самым обедом – а спустившись вниз, узнал от Коли, что Аня уехала в Прагу к подруге.

– А вчера? – спросил Платон, усаживаясь на диван. – Вчера она ведь тоже была в Праге?

Он с усилием вспомнил веранду, рыжие волосы, долговязого носача – воспоминание колыхалось точно туманом окутанное, в затылке Платона пульсировала не заслуживающая аспирин, но все же доставляющая дискомфорт боль.

«Надо меньше пить, – подумал он. – Я что-то увлекся в этом путешествии».

Он подумал, что в Москве пил гораздо реже и гораздо меньше – а значит, надо браться за ум и возвращаться к здоровому образу жизни.

«Бегать начну, – решил он. – Или хотя бы гулять перед сном».

– Вчера? – переспросил Коля. – Нет, вчера она весь день была дома.

Платон посмотрел с прищуром – как пить дать они заодно.

«Ну или она как-то тайно, – допустил он. – Выскользнула, вернулась. Мало ли».

– Ей, кажется, нездоровилось, – пояснил Коля. – Голова болела или что-то такое.

И он ушел в кухню помогать тете Лизе.

– А я вот ее вчера видел, – сообщил Платон, когда Коля вернулся. – В Праге, в кофейне. Теперь уже Коля посмотрел с прищуром.

– И вы точно не обознались?

Платон качнул головой и снова вызвал в памяти картину вечерней веранды – но за столиками у всех, кроме носача, вместо лиц светлели расплывчатые пятна, и он подумал, что, в принципе, принимая во внимание количество выпитого и рыжие волосы, которые кого угодно собьют с толку, нельзя исключать вероятность ошибки. Он вспомнил кофту с цветком под ключицей и понял, что прежде ее на Ане не видел.

– Мама! – крикнул Коля. – Аня вчера выходила из дома?

– Из дома? – слышался голос тети Лизы. – После обеда она, кажется, читала в беседке, но совсем недолго... А что случилось?

– Платон говорит, что видел ее в Праге!

Платон кашлянул, выражая неловкость.

– В Праге? – тетя Лиза выглянула из кухни и посмотрела удивленно. – Нет, это какая-то ошибка. Ты уверен, что не обознался, Платоша?

Платон уже не был уверен.

– Не знаю. Может быть, обознался.

Когда тетя Лиза скрылась в кухне, он спросил у Коли:

– А у нее есть такая кофта... бежевая, с цветком вот тут, – и он показал на своей футболке место, соответствующее отведенному на кофте под цветок.

– Бежевая... – задумался Коля и плюхнулся в кресло, подтянул колени к подбородку. – А какой цветок?

– Не знаю, – замялся Платон. – Красный какой-то.

– Мак?

Платон пожал плечами. Коля с минуту сидел молча.

– Нет, – помотал он наконец головой. – Такой кофты у нее, кажется, нет.

И он округлил глаза.

– А вдруг это был... – Коля понизил голос. – Двойник?

Платон, было заинтригованный, улыбнулся.

– Двойник?

– Двойник! – закивал возбужденно Коля и посмотрел на Платона. – А вы разве не верите в двойников?

– Не-ет, – протянул Платон. – Не верю.

Коля вздохнул с сожалением.

– А зря. Я думаю, у каждого человека есть двойник.

– И ты видел своего? – разговор начинал веселить Платона, у него даже затылок больше не болел.

– Нет, я не видел, – покачал головой Коля. – А вот Матиас видел.

Платон усмехнулся.

– Смейтесь-смейтесь, – Коля уперся подбородком в собственные колени. – Матиас сидел на уроке, возле окна, и вдруг увидел за окном самого себя – идущего по школьной площадке. То есть не самого себя, а своего двойника. Двойник, – Коля выпучил глаза, – шагал как ни в чем не бывало и грыз яблоко.

– И что же Матиас? – Платон не мог перестать улыбаться.

– Он, конечно, опешил сперва, а затем отпросился у учителя и побежал со всех ног на площадку.

– И?

Коля, не отрывая подбородка от колен, развел руками и стал похож на птицу.

– Никого. След простыл. Но! – он поднял вверх указательный палец, протестуя против улыбки Платона. – На самом краю площадки валялся огрызок.

Платон не выдержал и рассмеялся.

– Вам смешно.

– Прости, Коля, но самую малость смешно. Ты сейчас скажешь, что Матиас этот огрызок сохранил и оставил у себя?

– Нет, – Коля помотал головой с видом человека, одержавшего победу. – Он его закопал.

– Зачем?

Тут уж рассмеялся Коля.

– Этого я знать не могу, Матиас иногда совершает странные поступки.

После обеда, когда Платон сидел в комнате за учебниками, к нему – то есть к себе – постучался Коля. Постучался и приоткрыл, просунул в комнату голову.

– Можно?

– Да, Коля, заходи, конечно.

Платон положил учебник разворотом вниз и отвернулся от стола. Коля прошагал по комнате, оглядывая ее с интересом, и сел на край кровати.

– Вы вот во все это не верите, – сказал он серьезным тоном. – В двойников, статуи...

Платон вспомнил вчерашний побег из сквера и улыбнулся, потер переносицу.

– Коля, – сказал он дружелюбно. – Скажу тебе прямо, – Коля насторожился. – В твоём возрасте я тоже верил... в такое. Ты бы знал, какие истории у нас ходили про наше, московское, метро! Никакие статуи не сравнятся! Но это нормально – ты взрослеешь и перестаешь воспринимать такие вещи всерьёз. Это естественно.

– Естественно? – переспросил с кривой улыбкой Коля. – А если я вам скажу, что в этом доме живет призрак?

Платон подпер щеку кулаком.

– Само собой, Коля, – кивнул он. – И я в твоём возрасте был уверен, что в нашем подъезде... я тебе даже квартиру могу назвать... тоже живет призрак.

Коля заерзал недовольно.

– Вы меня выставляете маленьким... А вы сами разве не слышали по ночам никакого шума? Не просыпались из-за него?

Платон осекся – потому что действительно продолжал исправно просыпаться, возможно, даже из-за каких-то звуков, но сами звуки – какие-то особенные – ни разу не застал.

– Вот, – кивнул удовлетворенно Коля. – Просыпались. А я часто слышу по ночам, как то лестница заскрипит, то на кухне что-нибудь звякнет...

Платону против воли стало не по себе.

– Уверен, этому есть разумное объяснение, – успокоил он Колю.

– Вам легко говорить, это не вы спите в гостиной, которая... – начал Коля, и в этот самый миг внизу раздался грохот.

У Платона волосы на голове встали дыбом, Коля побледнел так, что сам мог бы сойти за призрака, и вскочил с кровати, бросился вон из комнаты. Платон заспешил следом.

В кухне тетя Лиза собирала с пола осколки салатницы. На разделочной зоне лежала наискосок дверца шкафчика – сорвавшаяся с петель.

– Хорошо, не по голове, – улыбнулась криво тетя Лиза, лицо ее было таким же бледным, как у Коли. – Я ее открыла, потянула как-то неудачно, и она ка-ак рухнет... И салатницу вот вдребезги...

Коля засуетился рядом с матерью, потом побежал за веником и совком. Платон тоже поднял из-под ног несколько мелких осколков, долетевших до порога, и один из них царапнул ему палец, на подушечке выступила бусинка крови. Когда стекло было убрано, он попросил отвертку, разрешения влезть на столешницу ногами и пообещал вернуть дверцу на место.

– Не надо, Платоша, – распахнула глаза тетя Лиза. – Я завтра вызову мастера, он все сделает...

– Да тут делать нечего, работы на две минуты. Коля, найди отвертку.

Работа, правда, заняла около получаса, но зато в результате дверца держалась так крепко, что на ней можно было висеть – рискуя оторвать шкафчик целиком. Коля помогал, притащил даже из чулана стремянку для удобства, тетя Лиза сперва смотрела восхищенно и

счастливого, затем вышла – чтобы не мешать – а потом, когда ее пригласили принять работу, даже заплотировала.

– Удивительно! – восклицала и восклицала она. – Настоящие мужчины!

Коля тоже был счастлив – и очень радовался тому, что его зовут «настоящим мужчиной». Платон, привыкший по случаю орудовать отверткой и молотком дома, пожимал смущенно плечами – ерунда, о чем речь.

Но тетя Лиза была так поражена, что даже Ане – когда та вернулась – первым делом рассказала о том, как Платон совсем профессионально и почти героически восстановил нарушенный порядок.

Аня сперва слушала внимательно, затем разулась и прошла в кухню, открыла и закрыла обновленную дверцу и спросила Платона:

– Это правда, Платон?

– Что? – замялся тот.

– Вы сами это починили?

– Ну, – Платон улыбнулся, – тут же ничего сложного. Да и мне помогал Коля...

Аня вскинула брови, глаза ее заблестели.

– Платон! – воскликнула она так, что Платон вздрогнул. – Это так чудесно, когда мужчина может что-то сделать своими руками!

– Да ну скажете тоже... Это же...

– Нет-нет, Платон, не скромничайте! Вам может показаться, что я излишне эмоциональна, это правда... Но сегодня, в наш век... Платон, вы герой! Покажите мне свои руки!

Платон поднял ладони вверх, точно сдавался в плен.

«Пьяная она, что ли? – подумал он. – Выпила с подружкой?»

Ему вспомнился носач, и от мысли о нем Платону стало некомфортно.

– Да нет, дайте же их мне, сюда!

Платон протянул ей ладони, и Аня взяла их в свои – с тонкими холодными пальцами – всмотрелась в них, точно по линиям читала.

– Да, – сказала она наконец и встряхнула волосами. – Это руки сильного, хозяйственного мужчины, Платон.

Ему показалось, что он чувствует запах вина – но подумал он об этом только когда она отпустила его руки, а до тех пор, пока она держала их своими, у него по груди разливался жар, точно это он сам выпил вина и начинает пьянеть.

«Ёрничает, – подумал он краем мысли. – Не может быть, чтобы из-за какой-то дверцы...»

Но Аня выглядела искренней – настроение у нее было веселое, ей хотелось говорить приятные вещи.

– Коля, ты тоже большой молодец, – потрепала она брата по макушке. – Ты женишься на чудной девушке и своими руками выстроишь дом, в котором вы будете жить.

Достался комплимент и тете Лизе:

– Мама, я от вокзала почувствовала, что ты готовишь мясо по-французски! Я почему-то страшно голодна, и этот восхитительный запах сводит меня с ума!

В духовке действительно запекалось, источая волнующие ароматы, мясо.

За ужином тетя Лиза обратилась к Ане.

– Анюта, Платон сказал нам, что вчера видел тебя в Праге.

Аня сделала недоуменное лицо и вздохнула.

– Я вчера не была в Праге, мама, ты же знаешь. У меня вчера болела голова, и я весь день просидела дома.

– Я тоже так сказала, Анюта. Наверное, Платон увидел похожую на тебя девушку и принял ее за тебя.

Аня посмотрела на Платона, тот, не переставая жевать, развел руками – очень может быть. Затем прожевал и подтвердил:

– Получается, что так.

– Это мог быть двойник, – шепнул Коля Ане так, чтобы не услышала тетя Лиза. – Я сказал, но Платон не верит.

– И правильно делает, я полагаю, – строго сказала Аня. – А вообще... – лицо ее стало веселым, она заговорщически посмотрела на тетю Лизу. – А вообще, мама, я давно по поведению Платона угадала, что он в меня влюблен! Вот я ему и... вижусь где ни попадя.

Платон подавился куском хлеба и закашлялся – у него даже слезы на глаза навернулись.

– Аня, что ты говоришь такое! – зашикала на Аню тетя Лиза. – Разве это тактично...

– Ах, мама, мне так весело, – Аня потянулась, закинув руки за голову, и зажмурилась. – Вот я и говорю что в голову взбредет! Простите меня, Платон, – она открыла глаза и посмотрела на него, утирающего слезы, – простите, если я оклеветала вас и вы в меня вовсе не влюблены.

Платон не нашелся что ответить.

– Впрочем, это вовсе не преступление, – продолжила щебетать Аня, – или нечто постыдное, так что воля ваша: хотите, влюбляйтесь, хотите – не влюбляйтесь, только не переставайте быть самим собой и помните, что с вашими руками можно... можно... – она задумалась и посмотрела в потолок, подбирая слова. – Можно не то что дверцу шкафчика вернуть на место, но и горы свернуть! Ведь в этом и заключается предназначение мужчины – горы сворачивать! Так ведь, Платон? Что вы думаете на этот счет?

Платон кашлянул и выдавил:

– Да... в каком-то смысле...

– Не в каком-то, Платон, а в самом что ни на есть основополагающем! – воскликнула весело Аня и бросила взгляд на тетю Лизу. – Мама, ужин восхитителен. В самом ос-но-во-полагающем, Платон!

Платон подвигал плечами туда-сюда – а Аня уже продолжала свои рассуждения и, восторженно жестикулируя, говорила о сворачивании гор, о роли поступков и их отношении к словам, о примерах, которые нам дают и на которых нам полезно учиться, и так далее, и так далее – и вообще за этим ужином она говорила так много и так эмоционально, что Платон в какой-то момент совсем потерял нить. Он только смотрел на Аню – оживленную, с горящими глазами, с раскачивающимися на мочках тяжелыми серьгами, сверкающими в свете лампы – как смотрят на явление природы, на клочущее пламя или водопад, или на сотрясаемое ветром дерево, и думал, что пройдет десять, двадцать, тридцать лет – да хоть все пятьдесят, хотя он пока еще не измерял свою жизнь такими категориями – он станет сперва взрослым мужчиной, а затем стариком, но точно будет время от времени возвращаться мысленно в эту гостиную, за этот стол и переслушивать эти странные, экзальтированные речи, которых прежде, в таком объеме и в такой концентрации, он не слышал даже в кино.

Еще он думал, что мог бы сейчас сидеть в общаге, жить в комнате с Сергеевым, существовать по обычному студенческому расписанию – но это было бы, конечно, совсем не то, и хорошо, что мама дружит с тетей Лизой, и хорошо, что тетя Лиза живет так недалеко от Праги, и он правильно сделал, что не уперся и не потребовал ехать как все и заселяться как все.

***

С понедельника Платон начал новую жизнь – стал возвращаться из Праги раньше, сразу же после занятий, и по вечерам, разобравшись с «домашней работой», гулять по городку, дышать воздухом и слушать в наушниках музыку. Гулял он по часу-полтора, ходил быстро и возвращался всякий раз вспотевший, краснощекий и довольный, чувствующий себя здоровым и бодрым. Шел в душ и уже потом спускался к ужину – в прекрасном настроении.

С каждым днем становилось все прохладнее, улицы засыпало разноцветной листвой – точно канцелярскими стикерами, красными и желтыми – и в лучах засыпающего солнца таинственно поблескивали парящие в воздухе паутинки. В палисаднике тети Лизиного дома краснели и громоздились друг на друга кубышки-фонарики в светлых прожилках, на траву с

глухим стуком падали яблоки, тетя Лиза раз в два дня собирала их и какие-то выбрасывала, а какие-то пускала в пироги.

– Мама, не соблазняй Платона пирогами, – смеялась Аня. – Он теперь у нас спортсмэн!

Платон угукал и набивал пирогами рот, словно тетя Лиза могла прислушаться к Ане и лишить Платона угощения.

О неловком Анином «он в меня влюблен» не заговаривали, но когда Платон вспоминал эти слова – во время прогулки или в электричке или в институтской аудитории, отвлекаясь от шепота Сергеева – то хотя и смеялся, так как влюбленным себя ни в коем случае не считал, а все же чувствовал, как глубоко в груди что-то ёкает, как будто зубчик шестеренки проскальзывает по металлическому лепестку и тот пружинит с щелчком.

Сергеев тоже, по его словам, начал новую жизнь – и тоже после забега по барам питал к алкоголю отвращение.

– Как ты и говорил, милый друг, – шептал он Платону. – Всю ночь держал этому дураку пакет.

Валя промучился несколько дней и совсем было ушел в себя, но влился по протекции Ирины в шахматный клуб при институте и ожил.

– Сидит теперь там до темноты, – шептал Сергеев. – А мне и лучше.

Часы вечернего уединения Сергеев тратил на бег по парку или на нехитрые физические упражнения прямо в комнате общежития, между кроватями.

В Москве он занимался то плаванием, то боксом, то баскетболом – чередуя увлечения и уделяя каждому по три-четыре месяца, и не скупясь – точнее, конечно, это не скупился отец Сергеева, а не сам Сергеев – на тренеров.

– Как по мне, так пусть хоть живет в этом клубе, – завершал он рассказ про Валю.

И приступал к рассказу про Ирину.

– Оплошал я все-таки, – шептал он. – Влюбился, прав ты. Втрескался как маленький. Хотел, помнишь, зазнакомиться с кем-нибудь, переключиться... – и он горестно качал головой. – Куда там. Одна Ирэн в мыслях, – он сделал паузу, и лицо его приобрело хитрое, совсем Колино, выражение. – А рыжая бестия как поживает?

Аня вела себя как обычно – то смеялась, то угрюмничала, не появлялась на публике без книги, за столом рассуждала о пагубном влиянии цивилизации, о цикличности исторического процесса, о выхолощенности современного образования и так далее. После ужина она уходила к себе или играла на пианино, а раз догнала Платона в коридоре и, пристально посмотрев ему в глаза, сообщила:

– Я вам завтра скажу одну вещь.

И за весь следующий день не проронила в его присутствии ни слова.

Вообще же в дом вошла суматоха – или даже не сама еще суматоха, а только ее предчувствие. За одним из ужинов тетя Лиза торжественно постучала по стенке бокала столовым ножом и объявила, что «папе» – Андрею Александровичу – все-таки удалось найти зазор в своем расписании, и он планирует приезд самое большее через месяц.

Все были счастливы. Аня сказала Платону искренне:

– Как вам повезло, Платон! Вам будет очень полезно познакомиться с папой! Вы ему непременно понравитесь, если только не будете говорить глупостей.

– Я постараюсь, – поджал Платон губу.

Скорый приезд Аниного отца Платона, признаться, не то чтобы не радовал, а скорее настораживал – потому как обещал перемену в налаженном, в общем-то, быту. Платон так привык жить под одной крышей с тетей Лизой и ее детьми, настолько мысленно влился в «коллектив», что появление в уравнении еще одной переменной заранее заставляло его нервничать.

– А кто их батя? – спрашивал Сергеев. – Может, они с моим знакомы?

С немногочисленных фотографий, найденных на сайтах компании, в которой трудился Андрей Александрович, на Платона смотрел могучий человек с резкими, выразительными чертами широкого лица, с густой, серебристой от проседи, аккуратно подстриженной,

несколько даже как будто щеголеватой, бородой. Взгляд на каждой из фотографий как будто предназначался персонально Платону, ничего хорошего не сулил и будто бы обещал: уж я-то тебя, братец, выведу на чистую воду.

На какую чистую воду Платона нужно или можно вывести – и что с ним не так сейчас – Платон в отличие от человека на фото не знал – и за это тоже чувствовал свою вину.

Зато тетя Лиза с известиями о приезде мужа расцвела и будто даже помолодела – и на нее было радостно смотреть.

«Что ты, Платон, за скотина, – думал Платон, глядя на нее, сияющую. – Отец семейства домой возвращается, все радуются, а ты кочевряжишься... Пригрели змеюку».

И он специально начинал разговоры об Андрее Александровиче, и слушал истории о нем от Коли: о том, в каких странах тот бывал – выходило, что почти во всех – и в какие приключения и передраги попадал – передраг и приключений получалось столько, что хоть книгу пиши – и с какими известными людьми водил знакомство – список был внушительный. Тетя Лиза, слушая, кивала с гордостью, а раз даже принесла из спальни огромный фотоальбом и долго показывала Платону фотографии – вот свадьба, вот свадебное путешествие, вот этот младенец в могучих руках – Аня, вот этот – через дюжину страниц – Коля, вот Китай, вот золотой состав яхт-клуба с Андреем Александровичем во главе, вот Эверест, вот Австралия, туда летали с детьми, на Рождественские каникулы, вот выставка Радека Шипки, которая произвела фурор...

«Как скучно я живу», – думал Платон и, лежа перед сном, составлял мысленный список: куда поехать, что посмотреть, в чем поучаствовать. Когда список был составлен, Платона посещала следующая мысль: а хочу ли я всего этого на самом деле? Всем ли надо взбираться на горы и пускаться в плаванья? Вкладываться в рискованные проекты и организовывать выставки? Может быть, для этого нужен какой-то особый темперамент? А есть ли он у Платона? Платон закапывался сам в себя, шарил в поисках неумной энергии, какого-то ревущего пламени – и ничего такого не находил, а вместо этого отмечал, что рад вечерним прогулкам под музыку, рад внешне спокойному и размеренному течению жизни, в котором, быть может, открывается недоступная «покорителям» глубина и сложность.

Он отмечал, что, по-видимому, Аня пошла в отца, а Коля скорее – в мать; ему вспоминалась история с побегом прадеда и прабабки, с приключениями и страстями, и он думал, что это вот только те звенья, которые ему известны, а что там дальше, в глубине веков? Какие там богатыри и красавицы, храбрецы и погони, дуэли и покорения, открытия?

И у него дух захватывало.

Платон поделился новостью о скором приезде Андрея Александровича с хозяйкой полюбившейся ему кофейни, неподалеку от площади, в которую старался теперь время от времени заходить – и вызвал у хозяйки приступ восторга.

– Чудесно! – восклицала она так, словно Андрей Александрович собирался приезжать ради нее. – Замечательно! Как жаль, что вы, – она подбирала подходящие английские выражения, – разминулись с господином Шипкой, он бы тоже был рад услышать такую новость! Он ушел перед самым вашим появлением!

Вот с Радеком Шипкой Платон был не прочь познакомиться – но не напрашиваться же, не просить аудиенции? Он давно уже нашел расписанную художником рыбную лавку и обиделся на Колю и Матиаса за то, что они не позвали его с собой в ту, первую, прогулку, что побежали смотреть, как Шипка расписывает лавку, без него.

По всему фасаду, бирюзово-синему, тянулись косяками диковинные рыбы – сверкали чешуей, топорщили плавники, смотрели круглыми глазами. В одном углу, у тротуара, извивались и сворачивались клубками осминожки щупальца с присосками, в другом – под козырьком черепичной крыши в воду опускался корабельный киль. Работа была выполнена потрясающе, вечером, в свете фонарей, казалось, что какой-нибудь из плавников вот-вот колыхнется – и весь фасад придет в движение.

Из дверей лавки разливался соленый рыбный запах. Платон вспоминал о пиве, о барах и ускорял шаг, чтобы не сбиться с намеченного пути.

Вообще новая жизнь, которую начал Платон, отказавшись от пива и посиделок с товарищами, позволила ему в самое короткое время исследовать городок, расчертить его маршрутами вдоль и поперек и через это почувствовать его совсем своим – и временами ему казалось, что приехал он сюда давным-давно, год назад или того больше.

Вернувшись с очередной прогулки, Платон обнаружил на полу своей комнаты, у порога, записку, сложенную вдвое и прихваченную сиреневой скрепкой.

«Сегодня в десять вечера, – прочел Платон, – будьте в роще, которую видно из наших с Вами окон».

И ниже – изящная «А» с крошечной круглой точкой, похожей на родинку.

От записки пахло духами.

«Вот так так... – подумал Платон. – И как это понимать?»

Он спрятал записку в учебник, сходил в душ, полистал в свете догорающего заката конспекты. Когда до его комнаты дотянулись ароматы еды, спустился и помог тете Лизе накрыть на стол.

Аня за ужином ничем не выдала себя – только один раз как-то по-особенному посмотрела на Платона, слишком уж пристально, но без прищура, а точно проговаривая взглядом какой-то вопрос.

«Вы обнаружили записку? – расшифровал мысленно Платон. – Прочли?»

И ответил своим, что обнаружил и прочел – но не знает, как к ней относиться? А ну как это розыгрыш?

«Конечно, розыгрыш, – думал Платон. – Роща, десять часов... Дурачится надо мной».

Он поднимал на Аню глаза и смотрел на нее изо всех сил – спрашивая взглядом, дурачится она или же и впрямь зовет его на... свидание? Аня на взгляды не реагировала и смотрела либо в книгу, либо в тарелку, либо на тетю Лизу, рассуждающую о том, какое меню нужно будет составить к приезду Андрея Александровича.

После ужина Платон посидел в комнате, выложив записку перед собой и точно пытаюсь прочесть в ней что-нибудь еще. Выключил свет и всмотрелся в пейзаж за окном – запад уже погас, и в темном небе плыла над рощей серебряная луна. Вокруг нее светились точки звезд – похожие на точку в записке. От глобуса тянулась через стол черная овальная тень, разделяла надвое раскрытую тетрадь.

«Дурачится, – решил Платон и зажег свет. – Дурачится, как пить дать».

Он упал на кровать, стянул с полки и раскрыл Чехова, к которому не прикасался с тех пор, как начал новую жизнь. Стал читать.

А в половине десятого оделся потеплее, спустился и сообщил тете Лизе, что хочет пройтись еще и перед сном, чтобы подышать воздухом и спать крепче.

– Какой ты, Платоша, молодец, – покачала головой тетя Лиза и вручила ему запасной ключ от двери. – Прогулки перед сном – замечательная идея.

Платон раскланялся благодарно и вышел из дома. Прошагал в конец улицы, побродил какое-то время от перекрестка к перекрестку, заглянул даже на площадь к бронзовому, а затем, сверившись с часами, вернулся к дому тети Лизы, поплутал поблизости, нашел разрыв между двумя отдаленными домами и, просочившись между оградами – двое не разойдутся – обогнув чей-то милый садик, вышел на край луга.

За его спиной, вдали, залаяла привычно собака – и это его как будто подбодрило.

«Ну ты, Платон, даешь», – подумал он не то с насмешкой, не то с гордостью.

Он прошелся вдоль оград, стараясь держаться от них в отдалении – в поисках тропинки, ведущей к роще.

Дома, на которые он оборачивался – не видит ли его кто? – стояли плечом к плечу на фоне темного неба и точно подталкивали его одним своим видом: иди, иди.

Наконец, Платон, двигаясь в противоположную сторону от дома тети Лизы, нашел какую-то захудалую тропу и зашагал по ней, цепляя джинсами высокую траву. Очень скоро с тропинки пришлось сойти – потому что она выворачивалась и убегала куда-то не туда. Платон, удивляясь сам себе и подумывая, не вернуться ли, побрел через траву, высоко поднимая ноги.

«Наступлю сейчас на какую-нибудь змею... – мысленно ругал он себя. – Вот будет весело».

Роща понемногу приближалась. Мягко пахло сухой травой, каждый шаг Платона отзывался густым шорохом – и кроме шороха этого, никаких звуков вокруг не было. Время от времени накатывался волной холодный и плотный ветер – Платон заранее видел его, приминающего траву – и шорох усиливался, окутывал со всех сторон. Затем ветер рассеивался, и снова становилось тихо.

«Ну, Платон...» – не то ругал себя Платон, не то хвалил.

Скоро стал слышен шелест листвы – похожий на равномерный шум прибоя. Под ноги Платону легла услужливо тропинка, он отряхнул джинсы и ускорился – и в десять ноль две очутился в неясной тени полупрозрачных, касающихся друг друга крон.

Под ногами его густым слоем лежала листва – и на каждом шагу подошвы слегка пружинили.

Кроны шелестели беспрерывно – спокойно и даже размеренно, механически даже – точно ветер беспрерывным потоком тянулся сквозь них где-то над Платоновой головой. Внизу, у закрытой листвой земли, воздух был неподвижен.

«Ну и где она?» – подумал Платон как бы по сценарию, не слишком искренне, понимая, что Аня, само собой, дурачилась.

Собственно говоря, он шел сюда, держа в уме мысль о том, что она, конечно, не потащится ни в какую рощу – и выходило, что раз он все это понимал и мысль эту сознавал, то и обижаться ему не на кого и незачем, а остается только походить тут, подумать о чем-нибудь, подождать немного, вернуться назад и лечь спать.

Он зашагал между тесно стоящими стволами, похлопывая по прохладной шершавой коре. Подставил ладонь под снижающийся зигзагами листок, подержал его двумя пальцами за тоненький черенок. Обернулся и посмотрел на ряд домиков с точками окон. Нашел домик тети Лизы – вон и беседка, крошечная совсем. Прислушался к шелесту и укнул вслух, удивился звуку своего голоса, упавшего в шелест:

– У!

Потом посмотрел на часы – десять десять.

«Дурачилась», – подумал он беззлобно. И улыбнулся сам себе.

А затем сунул руки в карманы и, загребая листву, прошагал рощу насквозь, вышел с другой ее стороны. Привалился плечом к одному из крайних стволов, завернул освободившуюся от веса ногу за опорную. И затих.

Перед Платоном расстилалось, качаясь холмами, поле – серебряно-синее в свете луны – утекало вниз, щетинилось перелесками. Платон рассмотрел пруд – он показался уложенным между холмами зеркалом, только теперь совсем маленьким, не крупнее рыболовной блесны. Далеко за прудом, почти у горизонта, угадывалась ниточка реки, похожая на гнутую так и сяк проволоку. Серебряный горизонт прижимался к черному небу, а в нем, среди редких светлых облаков и звездной крупы, сияла луна – такая четкая и яркая, со всеми своими кратерами и узорами, что не верилось, что до нее тысячи километров.

Платон смотрел и смотрел вдаль – а потом его охватила такая сладкая и такая мучительная тоска, что у него слезы выступили на глазах. О доме и о Москве он не думал – что Москва, если сел в самолет и через несколько часов приземлился в Шереметьево? – и тоска эта была какого-то другого, непонятного для него толка, и чем непонятнее она была, тем ему было приятнее, и начини ему кто объяснять ее, он бы побежал прочь, закрыв уши ладонями. К чему тоска, если все понятно – вот позади него, в четверти часа пути, дом тети Лизы, за ним еще четверть часа – и вокзал; сядешь в электричку и окажешься в Праге, а там Сергеев и Валя. Сядешь в Праге на самолет – и вот то самое Шереметьево, и Москва, и мама, наверное, сейчас укладывается спать, отгородившись от московского шума берушами; за полем этим – какой-нибудь лес, за ним – следующий городок, и так далее... А между тем поле, развернувшееся перед ним, казалось ему бескрайним и бесконечным, раскалывающим привычную географию, идущим вразрез со всеми картами и атласами, и ему было так хорошо смотреть на это поле, на

этот горизонт, что хотелось плакать или даже лечь вот здесь, под деревом, на листву и забыться, или вообще умереть. Тоска подняла его и качала на своих волнах как в колыбели – и он держался за нее и боялся, что она иссякнет или он устанет, выдохнется, а потому не шевелился и дышал тихо-тихо, так, что воздух уходил в горло, успевая согреться, и чувствовал себя как человек, который встал на цыпочки и тянется все выше и выше, почти уже потеряв равновесие, а значит вот-вот либо упадет, либо оторвется от земли.

Потом он каким-то краем ума подметил, что благодарен Ане за этот подарок, за то, что она вытащила его из дома своей милой и глупой запиской и отправила сюда. Он запрокинул голову и увидел, как покачиваются на фоне неба серебряные ветви в серебряной листве – точно оловянные.

Тоска утихла.

Платон развернулся и зашагал обратно – и через полчаса уже открывал дверь запасным ключом.

Тетя Лиза гладила вещи в гостиной, Коля, бормоча, листал книгу. Платон еще возился в прихожей, а Аня выглянула сверху, из-за пролета лестницы, посмотрела на него испуганно и виновато. Платон улыбнулся. Аня кивнула, не меняя выражения лица, и скрылась. Он услышал, как щелкнула, закрываясь, дверь ее комнаты.

***

Поговорить им удалось только на следующий день. Платон вернулся с занятий совсем рано, в институте проводилась конференция, на нее съехались китайцы и поляки, и Платон с Сергеевым спускались по высокому крыльцу уже к полудню.

Валя остался в своем клубе – играть.

– Ты, брат, извини, – сказал Сергеев, точно отказывал Платону в какой-то просьбе, и поднял с тротуара каштан, подбросил на ладони, – но я в общагу отсыпаться.

И лягушечкой запустил каштан по опустевшему на миг, между светофорами, перекрестку.

– Вот жалость-то, – усмехнулся Платон, попрощался с Сергеевым и вразвалку, насвистывая, двинулся к метро – а затем проверил расписание электричек и бросился почти бегом, чтобы успеть на ближайшую и не ждать час с лишним.

Дверь открыл Коля, тетя Лиза ходила по магазинам, обед задерживался. Платон поднялся к себе, сел за учебники, но еще и заскучать не успел, как по оконному стеклу что-то щелкнуло. Платон поднял голову, посмотрел на буро-желтый луг, на рошу, кажущуюся на таком расстоянии совсем небольшой, шаг в одну сторону, два в другую.

Над рошей синело небо в складках облаков – точно муку просыпали, а затем сгребали в гнутые дорожки.

В стекло ударился крошечный камешек – раздался еще один щелчок – отскочил и исчез. Платон поднялся, перевесился через стол и увидел во дворе, под окном Аню.

Аня замахала ему весело, жестами призвала открыть окно. Платон дернул ручку и распахнул створку, в комнату полился терпкий ветерок, запахло как вчера в роще.

– Спускайтесь сюда, Платон! – крикнула Аня приветливо. – Скорее!

Платон улыбнулся, хотел сказать, что занимается, но затем кивнул – «Хорошо!» – и собрался закрыть окно.

– Нет-нет, спускайтесь прямо так! – спешно воскликнула Аня.

– Прямо так? – осекся Платон.

– Конечно! Там очень удобные карнизы, есть за что схватиться, я сама так слезала сотню раз!

Платон не понял, шутит она или нет, выглянул в окно, затем покачал головой.

– Я, пожалуй, по лестнице.

Аня всплеснула руками разочарованно и поправила шляпку.

– Ну, по лестнице так по лестнице, Платон, только поторопитесь!

Платон закрыл окно, разложил по местам учебники и тетради, натянул водолазку и спустился, вышел во двор.

Аня сидела в беседке.

– Ах, Платон, в вас так мало огня! – торопила она его, пока он пробирался между увядающими клумбами. – Вы... вы как снеговик!

Платон обернулся на окно и подумал, что и впрямь мог бы спуститься – руку вот сюда, ногу сюда, зацепиться за уступ... – и пожал плечами.

– Ваша мама бы не обрадовалась.

– А вы ей не говорите.

– А если Коля увидит?

Аня подумала и кивнула.

– Да, тут вы правы... – и она замахала Платону рукой, – давайте, давайте, Платон, что вы как старикашка!

Он вошел в беседку. На лавке рядом с Аней стояла картонная коробка из-под обуви, из коробки доносились какие-то шорохи.

– Садитесь, садитесь, Платон.

Платон сел.

– Платон, – торжественно начала Аня. – Я хотела бы попросить у вас прощения.

– За что же? – изобразил недоумение Платон.

– Не паясничайте, – наклонила голову Аня и затем продолжила с прежней торжественностью. – Признаюсь вам, что записка, которую вы вчера обнаружили после вашей прогулки, была с моей стороны не более чем шуткой... Но! – воскликнула она торопливо, точно перебивая его. – Признаюсь вам откровенно, я и подумать не могла, что вы воспримете ее всерьез!

Платон театрально вздохнул и отвел глаза, посмотрел мимо Ани вдаль.

– Не вздыхайте так, умоляю! – Аня прижала руки к груди. – Могла ли я подумать, что вы окажетесь таким романтиком?

Она не смогла сдержаться и рассмеялась, Платон ответил ей улыбкой и пожал плечами – романтик, что уж тут попишешь?

– Должна вам сказать, что вы меня удивили, Платон, – продолжила Аня с таким лицом, с каким учительница объясняет ребенку урок. – И немало смутили. Сперва, когда вы ушли из дома, я решила, что вы отвечаете шуткой на шутку и разыгрываете представление, делая вид, что собираетесь в рошу. А на самом деле пойдете... не знаю, выпьете где-нибудь чашку кофе, раз уж вы отказались от спиртного и начали новую жизнь.

Платон подумал, что это было бы интересно.

– Когда же я увидела в свое окно, – в голосе Ани появились восторженные нотки, – как вы идете через луг, прямо по траве...

Платон представил себе картину и одновременно и смутился, и повеселел.

– Заметить вас, должна сказать, было непросто, – сообщила Аня. – Хорошо, что у меня всегда наготове театральный бинокль, привезенный мамой из Вены.

Платон закрыл лицо ладонями и забормотал что-то, но Аня его остановила.

– Подождите, Платон, дайте мне закончить. Когда я разглядела вас в бинокль и поняла, что это именно вы, а не какой-нибудь... подкутивший мещанин, – она снова сцепила руки и прижала их к груди, – клянусь вам, я хотела тут же побежать за вами следом... – она слегка кашлянула, как бы осаживая саму себя, и выпрямила спину, положила руки на колени. – То есть сперва я, конечно, захотела позвать вас. Распахнуть окно и крикнуть что есть мочи, – она снова кашлянула и вытянула шею, точно хотела показать, как бы она кричала. – Не бойтесь, Платон, я не буду кричать, – и она шепотом протянула: – Пла-а-ато-о-о-он!

Платон представил, как ночную тишину разрывает его имя – особенно комичное в такой обстановке – как в окнах ближайших домов показываются встревоженные люди, как пугается тетя Лиза... Нет, хорошо, что Аня не стала кричать.

– Я захотела позвать вас, да. Но – услышите ли вы? А если услышите, не решите ли, что я зову вас не из дома, а из рощи, поторапливая на загадочное свидание?

Платон задумался – да, он мог бы решить и так. Он хотел ответить, но внимание его снова привлекла коробка, в которой определенно кто-то скребся.

«Что там такое? – подумал Платон. – Что она еще выдумала?»

– И поэтому я не стала вам кричать, Платон, это было бы глупо с моей стороны, – продолжила как ни в чем не бывало, не обращая никакого внимания на коробку, Аня. – Я решила, что тотчас же побегу вниз... или даже вылезу в окно, как делала не раз... И побегу за вами, Платон, побегу, чтобы остановить и хотя бы извиниться за неудачную шутку... – в глазах ее сверкнул упрек. – Кто же знал, Платон, что вы не понимаете шуток! Десять часов, в роще... А почему не на кладбище у памятника Деметти?

Платон крикнул с досадой и посмотрел на нее – не понимаю, правда, что уж тут?

– Клянусь вам, я хотела побежать, Платон. Но потом... Потом я подумала, что от такого вы, чего доброго, сконфужитесь еще больше... И хорошо, что в записке действительно была указана всего лишь роща, а не, в самом деле, кладбище или часовой механизм в ратуше, или колодец в Вышеграде, ведь вы, кажется, и туда бы направились, не задумываясь, экий вы человек!

Платон рассмеялся. Вообще Анин монолог производил на него приятное впечатление – ему было весело и спокойно, он точно представление смотрел, и даже, как и полагается зрителю, не хотел вмешиваться в происходящее и что-нибудь говорить – любая его реплика выглядела бы как выкрик из зала.

– Кроме того, – Аниных губ коснулась теплая улыбка, – признаюсь, вы были так милы. Один, не взирая на ветер и кромешную тьму, наперекор страхам и сомнениям, как и подобает настоящему герою, по траве, не сворачивая и не замедляясь... Ах, Платон, это была трогательная и выразительная картина, должна я вам сказать!

Платон скромно приподнял плечи, сделал лицо человека, принимающего должную похвалу – могу, умею, практикую.

– И поэтому я не побежала за вами, Платон. Я предоставила вам в одиночку закончить путь, который вы в одиночку начали. Столько решимости, столько воли и человеческого достоинства было в вашей одинокой фигурке!

Аня замолчала и перевела дух.

– Я проследила ваш путь до самой рощи, Платон, каюсь. Наверное, мне следовало убрать бинокль и отойти от окна, закрыть его шторой, в конце концов, и упасть на подушку, оплакивая свою легкомысленность... Но я не могла удержаться и смотрела, смотрела, до тех пор, пока вы, постояв у ближайших деревьев и осознав, видимо, что я пошутила, не скрылись за ними как персонаж какой-нибудь волшебной книги.

Платон представил себя козьявкой, топчущейся на краю рощи, и беззвучно рассмеялся.

– Я боялась, что вы уйдете и никогда больше не вернетесь, Платон! – вскинула брови Аня. – Уйдете и никогда, никогда-никогда больше не вернетесь! – она зажмурилась и замотала головой, так, что волосы ударили ее по щекам. – И виновата в этом буду одна только я! Я, я, и никто другой!

Она открыла блестящие глаза и посмотрела на него счастливо.

– Но вы вернулись! Ах, как это хорошо, что вы вернулись, Платон!

Платон, с лица которого не сходила улыбка, кивнул. Аня обернулась и осторожно взяла в руки коробку – а затем протянула ее Платону.

– Примите, Платон, в знак моего раскаяния и глубочайшего к вам уважения.

Платон перестал улыбаться и не без опаски взял из ее рук коробку, внутри кто-то заворочался.

– Что там?

– А вы откройте и посмотрите.

Платон поставил коробку на лавку и – готовый в любой момент вскочить – приоткрыл крышку, заглянул в образовавшуюся щель.

– Ёж! – воскликнул он.

Он убрал крышку и рассмеялся – в коробке, густо устеленной травой, топтался, обшаривая углы, сопел и негромко фыркал средних размеров ёж.

– Где вы взяли ежа? – обернулся он на сияющую от счастья Аню.

– Унесла из Пражского зоопарка, – невозмутимо ответила Аня, а затем посмотрела на него с укоризной. – Коля помог поймать, Платон. Это наш местный ёжик, здешний, он уже вторую осень приходит к нам во двор.

Ёж сверкал круглыми глазками и рыл носом траву.

– И теперь он ваш, – закончила Аня.

– И что же мне с ним делать? – рассмеялся Платон.

– Почему же мне знать? Кормите, одевайте, возите с собой на занятия. Потом заберете в Москву и будете смотреть на него и вспоминать о нас.

Платон, смеясь, провел кончиками пальцев по прохладным иголкам, ёж фыркнул и даже как будто заворчал – руку пришлось отдернуть.

– Ну или отпустите его на волю, Платон, и уже мы будем смотреть на него и вспоминать о вас.

– Да, давайте так и сделаем, – улыбнулся Платон.

– Тогда подождите минутку, – Аня поднялась со своего места и вышла из беседки, Платон услышал, как хлопает задняя дверь.

Через пару минут – в течение которых Платон умилялся ежу – Аня вернулась с блюдечком натертой моркови и осторожно выставила его в центр беседки.

– Давайте, Платон, – позвала она.

Платон приподнял коробку.

– Да коробка вам зачем, Платон? Достаньте ежа!

Платон сунул руки в коробку, ёж ошетинился и зафыркал, прижался к стенке.

– Может, лучше вы?

Аня всплеснула руками.

– Платон, Платон! – она подошла к коробке, наклонилась – волосы упали и закрыли от Платона ее лицо – и осторожно взяла притихшего ежа, перенесла его к блюдечку.

– Ешь, миленький, – зашептала Аня, легонько подталкивая ежа к моркови. – Ешь, хороший...

Ёж потоптался у блюдечка, принюхиваясь, затем подошел вплотную и ткнулся носом в морковь, захрустел негромко. Аня поднялась и на цыпочках отошла, села рядом с Платоном.

И какое-то время они с Платоном смотрели на ежа, который, переминаясь с лапы на лапу, жевал морковь – без особого, впрочем, удовольствия. С луга дул ветерок, вишня царапала крышу беседки голыми ветвями. Прозрачный, не согревающий уже солнечный свет мягко ложился на плетеные поля Аниной шляпки, крапинками просачивался на ее лицо. Прилетел со стороны луга какой-то листочек, приземлился с шорохом на дощатый пол.

– Пойдемте обедать, Платон, – сказала, наконец, Аня. – Мама уже вернулась.

Платон кивнул и поднялся. Ёж тут же прервал трапезу, посмотрел испуганно на Платона и засеменил вон из беседки. Платон выглянул через бортик и увидел, как ёж скрывается в клумбе.

– Вот так, – вздохнула Аня. – Напугали ежика.

Она поднялась и шагнула к выходу из беседки.

– Давайте я морковку заберу? – спросил Платон.

– Дома есть еще, не переживайте.

Аня обернулась и рассмеялась.

– Оставьте, ёжик вернется и доест.

И она зашагала по дорожке к дому. Платон всмотрелся в клумбу – не блеснут ли глазки-бусины – и зашагал за ней следом.

Блюдечко осталось в беседке. Вечером Платон вышел во двор, перевесился через деревянный бортик и увидел, что оно пустое.

***

– Ты не поверишь! – зашептал Сергеев. – Пока мы с тобой тут мнемся, наш ботаник уже закрутил роман!

– Кто? – не понял Платон, так как по меркам Москвы все попавшие в программу обмена считались ботаниками.

– Кто-кто? – Сергеев легонько постучал Платона по макушке. – Шахматист в пальто. Платон ахнул, затем рассмеялся.

– Серьезно тебе говорю! – возмутился Сергеев. – Познакомился в своем клубе с какой-то... не то латышкой, не то эстонкой... и не отлипает теперь от нее.

На перерыве Платон с Сергеевым проследили за Валею – Валею теперь можно было обнаружить по длинному одеколону шлейфу – и увидели, что тот и впрямь целует в щеку какую-то девочку и под руку с ней степенно шагает по коридору.

– Одеколон купил и купается в нем, – смеялся Сергеев, упираясь ладонью в стену, – в комнате дышать нечем.

Девочка была совсем миниатюрная – даже меньше Вали – и тоненькая, с мелкими кудряшками до плеч, зато на ногах у нее чернели огромные тяжелые ботинки, которые были призваны не то придавать ее образу контраста, не то обеспечить безопасность на случай сильного ветра.

Платон тоже смеялся.

– Так что Валя наш совсем освоился, – подводил итог Сергеев, останавливаясь у вендингового аппарата. – Того гляди еще и уезжать не захочет.

Он ткнул в одну кнопку, другую, пикнул картой и вынул из лотка упавший туда злаковый батончик.

– Будешь?

Платон пикнул своей картой, и в лоток упала шоколадка.

– Но я рад за него, – сообщил Сергеев, падая на мешок. – Мы наблюдаем оперение птенца.

– Возможно, двух, – Платон упал на соседний мешок и зашуршал оберткой.

– Возможно, двух, – согласился Сергеев, а потом хохотнул: – Ты ведь не про себя?

– Про тебя, – отмахнулся Платон.

– Мне оперяться некуда, – важно пробурчал Сергеев с набитым ртом. – Я покрыт перьями как... как...

Вспомнить подходящую птицу он не успел, так как увидел Ирину. Ирина, цокая каблуками, семенила по коридору, держа в руках стопку книг, более напоминающую башню – для надежности верхняя книга была прижата подбородком.

– Ирэн! – воскликнул Сергеев.

Он вскочил, бросил в рот остаток батончика и сжевал его с такой скоростью, словно к челюстям его подвели электричество. Платон не удивился бы, сжуй Сергеев и обертку.

– Ой, это вы, – отозвалась Ирина, и башня покачнулась.

– Сейчас же отдайте это все мне! – потребовал Сергеев. – И покажите того, кто вас так нагрузил, я ему морду набью!

Ирина, смущенно улыбаясь своими альпийскими зубами и отнекиваясь для виду, не без облегчения позволила Сергееву перехватить башню.

– Я помогу, – вылез из мешка Платон. – Давай мне половину.

– Никаких половин! – возразил Сергеев и накрыл верхнюю книгу своим подбородком. – Ирэн, я к вашим услугам, даже если придется тащить эту ерунду до Москвы!

Ирина рассмеялась и поблагодарила его, а затем они – Сергеев моргнув Платону, призывая остаться у аппарата – удалились, причем Сергеев рисовался и то кружился с книгами, то держал их на вытянутых руках. Ирина восклицала испуганно и закрывала глаза ладонями – но книги не падали, Сергеев свое дело знал.

– Лед тронулся! – сообщил он, вбежав в аудиторию последним и плюхнувшись рядом с Платоном. – Схема стара как мир – помогаешь девочке нести учебники, и она смотрит на тебя как на героя.

И после занятий он побежал искать Ирину – не нужно ли ей помочь еще с чем-нибудь? Платон пожелал ему удачи, поехал на вокзал и до электрички успел выпить в буфете чашку кофе – а потом выпил еще одну в кофейне у площади с бронзовым.

Кофейня обзавелась новшеством. Перед оконным стеклом, по эту сторону – Платон мог протянуть руку и коснуться – неспешно вращались, цепляя друг друга зубцами, внушительные деревянные шестерни. К центральной крепились несколько белых чашек. Шестерня вращалась, и чашки по очереди подбирались к нависающему над ними кофейнику, который – будучи частью инсталляции – услужливо склонялся к каждой и как будто наполнял ее, даже крышка у него немного приподнималась.

– Красиво, не правда ли? – спросила Платона хозяйка.

– Очень, – согласился Платон.

Он не удивился бы, сообщи она ему, что и это – дело рук Радека Шипки.

– Нет, это не Радек, – рассмеялась хозяйка. – Это я заказала, а сын помог все установить.

Сын, он знал по ее рассказам, держал в Праге небольшую оконную фирму и приезжал к матери реже, чем следовало бы.

– Выглядит проще, чем кажется, – сообщила хозяйка. – Как конструктор собирать, даже инструкция прилагалась.

Платон пил кофе и смотрел в окно. Шестеренки отражались в стекле, вращались, полупрозрачные, прямо поверх серой улицы, тротуара и стены противоположного дома, и Платону казалось, что это не отражение, а сквозь тихий серый день проступают элементы таинственного механизма, что выйди на крыльцо, прищурь глаза, посмотри как бы в расфокусе – и различишь вращение тех же шестеренок.

Домой Платон возвращался в мечтательном, задумчивом настроении. Поэтому не сразу заметил, что кто-то прохаживается по улице напротив дома тети Лизы – а когда заметил, не сразу узнал в прохаживающемся долговязого носача с Пражской террасы.

«Вот так номер», – удивился Платон, и мечтательное настроение разом слетело с него. Он неуверенно кивнул носачу – взгляды их встретились – отвернулся и прошел к крыльцу, а затем долго стоял перед дверью, нажимая время от времени на кнопку звонка.

«Нет никого?» – и он подумал, что зря не попросил у тети Лизы запасные ключи.

Наконец, после очередного нажатия, за дверью раздались чуть слышные шаги. Глазок моргнул, в замке щелкнуло. Дверь приоткрылась на ширину ладони.

– Заходите, Платон, только быстрее... – услышал он шипение Ани. – Чтобы меня не было видно.

Платон обернулся на носача – тот стоял, глядя на Платона неопределенно – и втиснулся в прихожую.

– Не распахивайте, Платон! – шипела Аня. – Неужели вы такой огромный?

– Да я не распахиваю! – шипел Платон в ответ.

Наконец дверь за ним закрылась. Аня стояла, вжавшись в куртки, заслонившись от двери шубой тети Лизы, и смотрела на него, закусив губу.

– Он там? – шепнула она.

Платон кивнул с кривой усмешкой.

Аня выбралась из курток и подошла к двери, посмотрела в глазок.

Кроме нее дома, по-видимому, никого не было.

– Вот ведь человек... – пробормотала Аня и обернулась к Платону, на лице ее была написана решимость. – Платон.

Платон, севший развязывать шнурки, поднял на нее глаза.

– Платон, я хочу, чтобы вы прогнали этого ужасного человека. Он меня преследует.

– Преследует? – усмехнулся Платон. – Так это же ваш знакомый.

– Знакомый? – вспыхнула Аня. – Да я его первый раз вижу!

Платон посмотрел на нее с усталой улыбкой. Аня сморщила нос и засопела.

– Хорошо, Платон, это меня вы видели тогда в Праге. Довольны вы теперь?

Платон хохотнул – и вправду довольный.

– Ах, Платон, как мало вам надо, – встряхнула волосами Аня. – Ну так что, вы идете?

– Куда?

Аня вспыхнула.

– Прогонять этого... мазурика!

Платон улыбнулся смешному слову, о значении которого мог только догадываться, а затем спросил серьезно – и с долей недоверия:

– А он правда вас преследует?

Аня задумалась над ответом.

– Немножко.

Платон вздохнул и принялся завязывать шнурки. Аня смотрела на него не то восхищенно, не то удивленно.

– Пойдите, Платон, – сказала она, когда Платон шагнул к двери. – Я передумала, не надо его прогонять.

– Отчего же? – безмятежно переспросил Платон.

Он посмотрел в глазок – серая улица была пуста.

– Он еще там? – спросила Аня.

– Да, – соврал Платон. – Стоит где стоял.

И он потянулся к замку.

– Платон, – рассмеялась Аня. – Не валяйте дурака!

– Но он же вас преследует, – ответил с напускной серьезностью Платон. – Я выйду и набью ему морду.

– Немножко преследует, Платон, я так, кажется, сказала.

– Вот я немножко и набью.

– Ах, Платон, какой вы чудак! – рассмеялась Аня вновь. – Не надо никого бить, прошу вас!

Она обежала Платона и посмотрела в глазок – Платон почувствовал, как их плечи соприкасаются.

– Платон! – обернулась Аня с обиженным видом. – Вы меня разыграли!

– Это вам за записку, – нашелся Платон.

Аня прищурилась, затем качнула со вздохом головой – засчитывается. Затем снова посмотрела в глазок и взвизгнула победно:

– А он все же тут!

– Само собой, – ответил Платон, наклоняясь к шнуркам.

– Вы думаете, я вру? Как вам не стыдно, Платон, убедитесь сами!

Аня приглашающе показала на глазок. Платон вздохнул, распрямился, заглянул в него и увидел, как по тротуару туда-сюда вышагивает, поглядывая то на часы, то на крыльцо, носач.

Платон посмотрел на Аню.

– Что будем делать? – серьезно спросил он. – Я могу сказать ему, чтобы он ушел.

– Ах, милый, чудный, непонятный Платон! – воскликнула Аня счастливо. – Не надо ничего делать! – она обернулась на часы. – Он сейчас будет звонить в дверь, а мы просто не откроем!

– С чего же ему звонить? – усомнился Платон.

– Доверьтесь моей интуиции, – видя, что Платон хочет сказать что-то еще, Аня приложила палец к губам.

Они постояли с минуту, слушая, как тикают часы, а затем до Платона долетел скрип калитки. Аня довольно кивнула – вот видите. Через несколько секунд они услышали шаги на крыльце, а еще через несколько в дверь позвонили.

Платон потянулся к замку, Аня знаками запретила ему.

Спустя минуту в дверь позвонили снова – робко, звонивший едва коснулся кнопки и тут же отдернул палец. Аня тронула Платона за локоть и беззвучно шагнула к гостиной, призывая Платона последовать ее примеру. Платон тихонько стянул ботинки и, перенося вес тела на каждом шаге сперва на пятку, затем на внешнюю сторону стопы, а затем только на носок, отошел от двери.

Больше звонков не было, но и калитка не скрипела, закрываясь.

– Смотрите, – одними губами прошептала Аня и показала пальцем на окошко у двери, и тут же закрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться.

Точно в театре теней Платон увидел, как за занавеской показались – и тут же исчезли – очертания лохматой головы, склоненной набок. Видимо, носач, отчаявшись в том, что ему откроют, заглянул в окошко, но разглядеть, конечно, ничего не смог.

«Нормально, блин», – подумал Платон.

Аня призывно помахала ему и, когда Платон приблизился, шепнула, коснувшись его щеки теплым дыханием:

– Нам нужен побег.

И она на цыпочках двинулась к выходу во двор. Платон, чувствуя себя так, как чувствовал в детстве, во время игры в прятки, ощущая, как разливается по груди искрящееся и томительное веселье, а щека горит, точно ее коснулось не дыхание, а бок вскипевшего чайника, заскользил следом. Когда до двери оставалось метра полтора, снова прозвучал звонок – еще более робкий, чем предыдущий – затем на втором этаже заиграл чем-то из классики Анин телефон.

– Нет, Платон, – сказала Аня вполголоса, замерев в шаге от двери. – Так неинтересно.

Она обернулась, глаза ее сверкнули.

– Побег так побег!

И она проскользнула мимо него в гостиную, а в гостиной бросилась к окну.

– Давайте, Платон! – замахала рукой она. – Скорее, скорее!

Она сдвинула в сторону тюль и распахнула окно, на столе заколыхались в салфетнице салфетки. Аня села на подоконник, крутанулась, поджав ноги и придержав юбку, и легко спрыгнула во двор.

«Она же босая», – ахнул мысленно Платон. Он в два бесшумных шага вернулся в прихожую, подхватил в одну руку Анины туфельки, в другую – свои ботинки, скользнул в гостиную, к окну и передал обе пары бледной от восторга Ане. Затем влез на подоконник хватаясь обеими руками за раму, и кое-как вывалился наружу, чуть не кувыркнувшись. Пересекая границу между гостиной и двором, он услышал, как где-то вдалеке скрипнула наконец-то калитка.

К тому моменту, когда он прикрыл, потянув на себя, створку окна, Аня уже сидела в беседке – и только что не светилась от счастья.

***

– И кто же это был? – спросил Платон, забираясь в беседку и усаживаясь напротив Ани.

– А, – Аня махнула рукой и рассмеялась. – Это Желтков, не обращайтесь внимания.

– Вы с ним... – Платон кашлянул. – У вас...

Аня округлила глаза.

– Платон! Как вы могли подумать! Нет, конечно!

Где-то в глубине Платоновой души звякнул весело колокольчик, а Аня задохнулась от возмущения и отвернулась, положила руку на бортик, а подбородок на руку – теперь Платон видел только ее пылающую румянцем скулу. День по-прежнему стоял серый и тихий, небо над лугом было затянуто облаками и казалось шершавым на ощупь. Бабье лето осталось позади, во всем чувствовался октябрь. Прокатился ветерок, и из-за Аниного уха выбилась волнистая прядь. Аня поправила ее, а затем повернулась к Платону, посмотрела весело.

– А здорово мы с вами все провернули, правда? – рассмеялась она.

Платон кивнул.

– Вы большой молодец, Платон, – уверенно сказала Аня. – Даже про обувь вспомнили! Она вытянула ногу и повела стопой из стороны в сторону, как бы любуясь туфелькой.

– Почему же вы выбрали именно эти туфли? – спросила она.

Платон посмотрел недоуменно.

– Не знаю, первые попались на глаза... Я не то чтобы прямо выбирал.

– Нет-нет, Платон, в нашем с вами мире все имеет значение, – покачала туфелькой Аня.

– И при должной проницательности из любого факта можно сделать множество выводов.

Платон присмотрелся к темно-синей туфельке с квадратным каблучком и камешком на пряжке – и вспомнил почему-то огромные ботинки Валиной пассии.

– Нет, – задумчиво повторила Аня, – мы с вами молодцы. Такой побег! Чудесно! – и она снова весело посмотрела на Платона и даже замотала от восторга головой. – У меня сегодня с самого утра было предчувствие – что обязательно случится что-нибудь веселое! А у вас?

Платон задумался.

– Скорее нет, чем да.

Аня мечтательно поболтала ногами.

– Я думаю, всем нам время от времени нужно проворачивать что-то в этом роде, как вы считаете?

– Да, пожалуй.

– Да, пожалуй! – передразнила его Аня. – Да, пожалуй! Платон! Нет чтобы крикнуть во всеуслышанье – конечно! Еще как!

Она и правда крикнула эти «конечно» и «еще как», и эхо ее голоса звонко отозвалось где-то на лугу.

«Если... Желтков еще не ушел, – подумал Платон, – он мог услышать».

Такая стояла тишина. Только от рожи, если прислушаться, доносился едва различимый шелест – точно песок струйкой сыпался.

«А какая, впрочем, разница?» – одернул себя Платон.

– Нам всем не хватает поступков, Платон, – сказала Аня, отдышавшись. – Я давно в этом убедилась. То ли мир изменился, то ли люди, а только... ну вот мы с вами вылезли сейчас в окно – и это же пустяк, а как нам весело и хорошо! Почему же люди не занимаются чем-то таким на регулярной основе?

– Кто-то живет не на первом этаже.

– Ах, Платон! Я ведь не только об этом говорю! – она всплеснула руками, а затем прищурилась. – Или вы надо мной сейчас шутите?

– Немножко, – признался Платон.

Аня залилась смехом, а затем осеклась и посмотрела серьезно:

– Платон.

– Я.

– Вы сказали... там, в передней... что пойдете и Желткову... – она прыснула и закрыла рот ладонью. – Что вы ему, цитирую, – она подняла вверх указательный палец, – морду набьете!

Платон поерзал не то смущенно, не то доволью.

– Сказал.

Аня распахнула глаза.

– А вы правда могли бы? Ну, побить кого-нибудь? Не обязательно Желткова.

Платон расправил плечи, сделал задумчивое лицо.

– Ну... – начал он. – Такие вопросы теоретически не решаются, понимаете...

– Вы дрались когда-нибудь? – перебила его Аня со сверкающими глазами.

Платон фыркнул.

– Дрался, конечно.

Дрался он последний раз в пятом классе и, если бы не вмешательство учительницы, был бы скорее всего побит.

– И много дрались? – Аня смотрела так, как смотрят в детском лагере слушатели страшных историй – и жутко, и весело, и глазом не моргнуть.

– Ну, – Платон уклончиво повел плечами. – Приходилось.

– А когда в последний раз дрались?

Платон нахмурился, точно припоминал.

– Пару лет назад.

Аня побледнела.

– И кто победил?

– Нас разняли.

Аня изумленно покачала головой.

– Ох, Платон, Платон. Нет, пожалуй, не нужно никого бить – и Желткова тоже. И не рассказывайте, пожалуйста, ничего такого Коле, а то он от вас наберется.

Платон кивнул.

– И о нашей сегодняшней... – Аня снова повеселела, – авантюре тоже.

– Я и не думал.

Посидели молча. Платон огляделся – не видать ли ежа? Не видать.

– Платон, – позвала Аня. – Вы знали, что эту беседку поставил мой отец?

Платон обвел глазами беседку – точно видел ее впервые.

– Нет, не знал.

– Вот так, – назидательно кивнула Аня. – Своими руками, от первой досочки до последней.

Платон покачал уважительно головой – беседка была что надо, всем беседкам беседка.

– Как чудесно, наверное, видеть результаты своего труда, Платон.

Платон кивнул.

– Представьте, Платон! Пройдут годы, мы с вами состаримся и умрем, а беседка будет стоять как стояла. Сто лет пройдет, двести – а она все будет стоять.

Платон подумал, что даже при должном уходе и регулярном ремонте, даже если ее стеклянным колпаком накрыть, ни одна беседка столько не простоит – но решил не лезть с комментариями и воспринял Анины слова как нечто иносказательное.

– Ах, Платон! – Аня посмотрела на него блестящими глазами. – Каким, по-вашему, будет человечество через двести лет?

Платон задумался.

– Не старайтесь, Платон, вы не угадаете. Я часто думаю об этом, но тоже понимаю, что угадать не смогу, а если и смогу, то как удостоверюсь в том, что угадала? – Аня запрокинула голову и сжала одной рукой другую. – Я только знаю, что это будет что-то невообразимое, что-то удивительное, не поддающееся описанию... И как же жаль, как же до слез жаль, что мы с вами этого не увидим!..

Она посмотрела на Платона так, как не смотрела никогда.

– Или увидим! – и подалась к Платону, не то просительно, не то заговорщически. – Давайте не умирать, Платон! Давайте никогда не умирать! Проживем двести, триста, четыреста лет – и все увидим! Все, все, все!

Платон опешил, затем выдавил из себя улыбку. Затем тряхнул головой и улыбнулся искренне.

– А давайте.

Аня со смехом отпрянула, села ровно.

– Я знала, что на вас можно положиться, Платон, – довольно кивнула она. – Спасибо.

Помолчали, посмотрели на луг, на шершавое небо. Затем Аня опустила глаза, точно задумалась о чем-то, разгладила складку на платье.

– Вы пишете стихи, Платон? – спросила она вдруг.

Стихи Платон писал немногим позже последней своей драки. Мама хранила тонкий блокнот на пружине как зеницу ока, скрывая от Платона место хранения – он бы не удивился банковской ячейке.

– Нет, не пишу.

– А зря, – серьезно сказала Аня. – Это ведь тоже способ прожить долго. Оставить что-то после себя.

Платон кивнул, соглашаясь.

– А вы пишете?

Аня смутилась и ответила с робкой улыбкой, что да, пишет.

«Господи, какая красивая», – подумал Платон и спросил:

– Прочтете что-нибудь?

Тишина стояла такая, что скрипни с той стороны дома калитка, слышно было бы из рощи. Аня посмотрела на Платона, закусив нижнюю губу, затем медленно выпрямила спину, повернулась к лугу – Платон теперь видел ее профиль – вдохнула ртом воздух, точно ей его не хватало, и замерла. А затем начала читать по памяти

Когда она закончила и повернулась к Платону, он увидел, что глаза у нее на мокром месте.

– Чудесно, – выдохнул он. – Просто замечательно. Это ваше?

Она, раскрасневшаяся, улыбнулась устало и коснулась век тыльной стороной ладони.

– Вы как обычно бестактны, Платон, но я уже, кажется, начинаю привыкать.

– Почитайте еще! – взмолился Платон. – Я не хотел вас обидеть!

Она убрала руку от лица, посмотрела на него пристально – точно сомневалась, можно ли ему доверять – а затем стала читать и читала, не отворачиваясь, глядя Платону в глаза.

Платон чувствовал себя так, словно из-под ног его ушел пол беседки, а затем и вообще вся беседка растворилась в серой тишине дня, вместе с домом, вишней, клумбами, лугом и рощей. Вокруг не было ничего, клубилась тихо пасмурная пустота, и в этой пустоте светлело прекрасное Анино лицо, и звучали, срываясь с губ, прекрасные слова, и глаза Анины смотрели так пристально, словно видели его мысли, его чувства, его воспоминания – даже те, до которых он сам не дотягивался.

Аня замолчала, губы ее сомкнулись. Но она не изменила своей позы и не отвела от Платона взгляда – точно ждала чего-то.

Платон привстал со своего места, перешагнул беседку и прежде, чем Аня успела среагировать, поцеловал ее в мягкий уголок губ.

В следующий миг его щеку обожгло такой звонкой пощечиной, что окажись в роще стая птиц, она бы в испуге поднялась в воздух. Материальный мир со всеми своими домами, беседками, вишнями, клумбами – а также лугами, облаками, шорохом травы и Желтковыми – обрушился на Платона, придавил его, отбросил обратно на лавку и прижал к ней.

Аня была в ярости, еще чуть-чуть – и по кончикам ее волос побегут искры.

– Что вы себе позволяете!

Белая как мел, она поднялась и встала над Платоном, голос ее дрожал.

– Я сегодня же расскажу все маме! Она вас выгонит!

И Аня, хлопнув юбкой точно парусом, вышла из беседки, прошагала к задней двери и закрыла ее за собой с таким грохотом, что зазвенели стекла.

Платон, с онемевшей щекой и наворачивающимися на глаз над ней слезами, остался сидеть в беседке – сперва бездумно, затем ругая мысленно то Аню, то себя. Насидевшись, он щелчком сбил с бортика ни в чем не повинного клопа, семенившего безмятежно в его сторону, поднялся и обошел дом, вышел через калитку на улицу.

И с час или около того слонялся по городку, не зная, что ему делать. Хозяйка кофейни увидела его сквозь окно и шестеренчатую инсталляцию и замахала призывно рукой, но с собой у Платона не было ни телефона, ни карты, все осталось в рюкзаке – и он прошел мимо, сделав вид, что ничего не заметил.

«Это хорошо, что телефона нет, – думал он. – Может, мне уже тетя Лиза звонит, чтобы я вещи собирал».

Он прошелся до вокзала, всмотрелся с досадой в витрину аптеки – жена подлого аптекаря, открыв стеллаж, расставляла порошки и пузырьки – побродил по площади вокруг

бронзового, равнодушно прошагал мимо статуи в сквере, остановился под круглым зеркалом на одном из перекрестков и долго рассматривал в нем красную щеку, на общем сером фоне казавшуюся ярким пятном.

«Ну поцеловал, – думал он. – Ну что тут такого страшного?»

И ему становилось и стыдно, и горько, и неловко – и хотелось уехать в Прагу к Сергееву, чего без денег сделать, конечно, было нельзя.

В конце концов он собрался с духом – «любишь целоваться, люби и выметаться» – вернулся. Открыла ему тетя Лиза – открыла и посмотрела распахнутыми глазами.

«Поехали», – подумал Платон обреченно.

– Платоша! – ахнула тетя Лиза и закрыла ладонью рот. – Что с твоим лицом?

«Не сказала еще», – подумал Платон и даже испытал какую-то досаду – решилось бы уж лучше сразу, махом, да и все.

– Да я... да ерунда... – заблеял он. – Пустяки...

Тетя Лиза как будто поняла, что не стоит лезть с расспросами, и замолчала, пропустила Платона в прихожую. Он поблагодарил ее, разулся и, бросив взгляд на зеркало – не щека, а запрещающий сигнал светофора – поспешил наверх.

– Я... мне там по учебе...

Тетя Лиза осталась стоять у лестницы с испуганным лицом.

И до самого ужина Платон сидел в комнате в ожидании выселения.

Серый день за окном плавно перетек в грифельно-серый вечер, а потом и вовсе как будто уступил раньше положенного времени место ночи. Около восьми в дверь к Платону постучали.

«К выгоняемому так не стучат, – подумал Платон и сел на кровати. – Может, просто обсудить? Извинения выслушать?»

Он был готов попросить прощения у всех жителей приютившего его дома, но понимал, что сам не сможет далее находиться с ними под одной крышей и все-таки уедет в Прагу.

– Платоша, ты спишь? – услышал он голос тети Лизы. – Мы садимся ужинать, тебя ждать?

Платон, с час назад отыскавший на дне рюкзака упаковку жевательной резинки и сжевавший ее то ли от нервов, то ли от голода, отозвался сипло:

– Да... я...

Он прокашлялся и повторил тверже:

– Да, спасибо, я сейчас спущусь.

«Уезжать лучше сытым», – подумал он и поразился своей беспринципности.

Но ужин ничем не отличался от предыдущих – тетя Лиза расспрашивала об учебе, Коля считал ворон, Аня не отрывалась от книги и ела вслепую. Только когда тетя Лиза спросила снова – осторожно и деликатно – о том, что же все-таки случилось с Платоновой щекой, Аня подняла глаза от страниц и выжидательно посмотрела на Платона.

– Ого, – удивился Коля. – А я и не заметил.

Платон замялся и через силу улыбнулся, не зная, что сказать.

– Почему же вы не отвечаете, Платон? – спросила Аня безмятежно.

Платон посмотрел на нее.

– Ничего страшного, Платон, поделитесь.

Платон открыл рот, не собираясь, впрочем, ничем и ни с кем делиться.

– Платон, мама, – опередила его Аня, и перед мысленным взором Платона черной пропастью разверзлось дуло ружья, – попал под горячую руку одной девушки, в институте. Над ней пошутил его друг... Сергеев или как там его... а она решила почему-то, что это Платон.

Тетя Лиза ахнула, Коля зафыркал весело.

– И ударила его по щеке, – закончила Аня. – Мне Платон сам сегодня все рассказал, а теперь вот застеснялся.

– Неужели, Платоша? – тетя Лиза перевела взгляд с Ани на Платона.

Платон кивнул.

– Она, я надеюсь, хотя бы извинилась? – прошептала изумленная тетя Лиза. – Эта девушка?

Платон посмотрел на Аню.

– Я... – пробормотал он. – Я, можно сказать, тоже участвовал в шутке... не ожидая, конечно, что ее так заденет... Поэтому, наверное, – он кивнул тете Лизе и улыбнулся невесело. – Поэтому, наверное, я... ну, получил за дело.

Тетя Лиза покачала головой.

– Ты слишком добрый мальчик, Платон, – сказала она. – Шутки шутками, но бить людей!..

И все время ужина она затем сокрушалась – как же так можно? А Аня на него не смотрела – и то ли картинно, то ли и впрямь увлеченно читала. Но перед сном снова перехватила его на пути из ванной в комнату.

– Я вас прощаю, Платон, – сказала она тихо. – Но пообещайте мне, что больше такое не повторится.

И глаза ее сверкнули.

– Обещаю, – ответил Платон, чувствуя, что после зубной пасты дышит мятой.

Аня ничего не сказала и ушла в свою комнату.

Ночью Платон ходил на цыпочках в туалет и видел, что из-под Аниной двери пробивается свет – она до сих пор не спала.

Наверное, читала.

***

Больше о происшествии в беседке не заговаривали. Аня пару дней держалась с Платоном холоднее, чем прежде, но затем все вернулось на круги своя, и нелепый, горячечный поцелуй – Платон всегда считал себя не способным на подобный порыв – стал казаться Платону чем-то никогда не случавшимся или произошедшим во сне.

А скоро он и задумываться о нем перестал – потому что в институте, видимо, решили, что гости успешно пережили акклиматизацию и смену обстановки и их теперь можно нагружать всерьез. Участились конференции и круглые столы, и отсидеться с умным видом возможности больше не было – нужно было выступать, дискутировать, демонстрировать на проекторе презентации и, заручившись на всякий случай поддержкой переводчика, отвечать на массу вопросов из зала.

Самые каверзные вопросы почему-то звучали от Ирины, но задавая их, она нет-нет а сверкала улыбкой, и Сергеев видел в этом хороший знак.

– Говорю тебе, – уверял он Платона. – Лед тронулся.

Платон пожимал плечами – в условиях увеличившейся нагрузки и гудящей по этому поводу головы, дела до льда, который тронулся между Сергеевым и Ириной, ему не было.

Даже Валя стал реже посещать свой шахматный клуб – и девочка в огромных ботинках, не в силах вынести разлуку, стала приходить на круглые столы к Валиному выступлению и смотреть на него влюбленными глазами с последнего ряда.

Платон, оборачиваясь по наводке Сергеева, видел, что глаза у нее ярко-синие, до неестественности.

– Линзы, – уверял Сергеев.

Валю подобные разговоры оскорбляли, он по-гусиному шипел, что это у самого Сергеева линзы.

Платону и до линз дела не было. Он вставал до рассвета – рассвет все сдвигался, точно солнце тоже выдыхалось и не тянуло прежний режим – спал в электричке, уткнувшись лицом в рюкзак, затем изо всех сил с перерывом на обед учился-выступал-отвечал, снова спал в электричке и затем сидел за учебниками до поздней ночи с перерывом на ужин и расспросы тети Лизы. Затем все повторялось. В итоге Платон не высыпался и чем больше напрягался, тем рассеянее становился – забывал дома зарядку или какую-нибудь особенно важную тетрадь, или почти просыпал свою остановку.

Кончилось тем, что в один из дней Платон не услышал будильник и был разбужен встревоженным стуком в дверь – тетя Лиза до последнего считала, что Платон знает, что делает, и если не спускается, то может себе это позволить, но потом в душе ее шевельнулось беспокойство и она решила, что лучше извиниться за нарушение законного сна, чем позволить Платоше опоздать на электричку.

Платон, ошалевший и не заботящийся о производимом шуме, заметался по комнате, потом сбежал вниз, не почистив зубов, смел выложенный на тарелку омлет, обжег губы и язык чаем, рассыпался перед тетей Лизой в благодарностях и извинениях, побежал на вокзал, расталкивая плечами утренний туман – и все равно опоздал. Вывалился, задыхаясь, из вокзала на пустой и тихий перрон, до которого доносилось эхо удаляющейся электрички, и – до того за последние дни в мыслях его все перемешалось – в голос выругался по-английски. Затем отдышался, чувствуя, как слетают под действием прохлады, остатки сна и вернулся в здание вокзала, уселся на скамейку, стал ждать, пока придет следующая электричка.

Охранник, прохаживающийся туда-сюда, посмотрел сочувственно и тронул себя за козырек фуражки. Платон вздохнул и полез за телефоном – нужно было написать Сергееву, предупредить об опоздании.

И вот тут-то в душе Платона точно искру высекли. Он прислушался к себе, сопоставил ощущения, понял, что они и впрямь похожи на те, что охватили его во время побега из гостиницы, взвесил все pro и contra и решил, что может себе позволить – написал Сергееву, что сегодня не приедет вообще из-за дурного самочувствия.

Сергеев ответил коротким «ок» и расспрашивать Платона не стал – а то бы тот раскололся и во всем признался.

Ощущение свободы – делай что хочешь – и тайны – ни одна живая душа, кроме охранника, не знает правды – обрушилось на Платона и сдавило ему живот спазмом. Зал ожидания точно раздался во все стороны, потолок в лепнине взмыл к облакам.

В Москве Платон если и прогуливал, то совсем редко – и по причинам мало-мальски уважительным. Когда-то давно ему крепко прилетело от мамы за пропущенный в преддверии старших классов урок – и с тех пор он не давал себе волю. Но мама была далеко, и в институте в этот день вполне могли обойтись без него – наверстает завтра. Оставался вопрос с возвращением к тете Лизе – с объяснениями и всем прочим. Платон поразмыслил и решил этот вопрос кардинально – достаточно не возвращаться до положенного времени. Он поднялся, кивнул охраннику и прошагал через вокзал, вышел на крыльцо.

Над улицами клубился туман, в нем терялись верхушки деревьев и флюгеры – странно и таинственно было слышать над самым ухом их поскрипывание и не видеть, откуда оно исходит. Башня ратуши точно под горячую руку великана попала. Платон, прислушиваясь к своим шагам и вдыхая сладкий, влажный воздух – пахло сырой листвой и дымом, и Платон подумал, что этот запах теперь будет для него запахом свободы – зашагал по тротуару.

Вдоль бордюров собиралась сметенная ветром листва, сразу за туманом – как один слой крема на другом – лежали низкие серые облака. Улицы были пусты и безлюдны, Платон точно в зазеркалье очутился. Просто так, без какой-либо цели, он зашел в аптеку – впервые – и постоял, оглядывая уходящие к высокому потолку витрины. Очень кстати за прилавком никого не было – из глубины здания раздавались приглушенные голоса. Затем один голос – мужской – стал громче, и мимо витрин с той стороны тяжело прошагал грузный, заросший до глаз седой щетиной аптекарь в белом халате поверх свитера. Навис над прилавком, посмотрел на Платона и растянул мясистые губы в улыбке. Спросил, чего Платон желает.

Платон – впервые встретившийся с аптекарем лицом к лицу и порядком растерявшийся – ничего не желал, но, чтобы как-то оправдать свой визит, попросил аскорбиновой кислоты. Аптекарь отвернулся и долго шарил по ящикам, прежде чем поставил на прилавок баночку с драже. Платон всмотрелся в бесцветные глаза под тяжелыми веками и попытался прочесть в них хоть что-нибудь – безрезультатно.

– Что-то еще? – спросил аптекарь по-чешски.

Голос у него был хриплый и утробный – каждое слово, казалось, проделывало долгий путь, прежде чем выбраться наружу.

– Нет, больше ничего не нужно, – ответил Платон и посмотрел в бесцветные глаза взглядом, в который на всякий случай вложил следующее: «я все знаю, старик, от меня не скроешься».

Примерно так с фотографий смотрел на Платона Анин отец.

Аптекарь улыбнулся, показав желтые зубы. Платон взял баночку – драже запрыгали в ней с веселым перестуком – и вышел.

Кофейня была закрыта, и дожидаясь, пока она откроется, Платон сперва прошелся по ближайшим улочкам – постоял на мостике, слушая, как журчит вода – поглазел еще раз на разрисованную Радеком Шипкой лавку, а затем уселся на скамейку напротив Бронзового, предварительно протерев ее салфеткой.

Бронзовый выплывал из тумана как тот самый великан – обкорнавший ратушу – к щеке его прилип оранжевый кленовый лист.

Через площадь время от времени проходили люди – появлялись из тумана и исчезали в тумане. Изредка до Платона дотягивался глухой шум мотора или чья-нибудь чешская речь. Платон подумал, что Сергеев и Валя сейчас сидят в светлой и просторной, заполненной студентами аудитории, нагретой радиаторами и дыханием, что перед интерактивной доской ходит, жестикулируя, преподаватель и говорит, говорит, и в тон его речи скрипят по тетрадам ручки. Затем подумал, что и Коля, наверное, уже сидит в своем классе – таком же теплом и светлом – и тоже что-нибудь пишет или перешептывается с Матиасом. Аня, должно быть, еще спит в своей цветочной комнате – темной и тихой. Тетя Лиза хлопочет в кухне или, проводив Платона и Колю, вернулась в спальню, чтобы подремать. И ему нравилось думать, что никто из них – и вообще никто из людей, теперь даже включая вокзального охранника – не знает, что он, Платон, сидит на скамейке на краю туманной площади и ждет открытия кофейни.

«А в московском метро, – думал он, развивая свою мысль, – толчея и шум».

И он ясно представлял себе бесконечные эскалаторы в обе стороны, круглые болезненно-желтые луны – плафоны, рев поездов в тоннелях.

«А в Египте, – тянулся он еще дальше, – в том отеле, в котором мы отдыхали год назад...»

Перед его мыслями разворачивался песчаный пляж с рядами шезлонгов, стеклянная лазурь прибоя, дорожки, ведущие к двухэтажным корпусам.

Он прижимался спиной к холодным и влажным доскам скамейки, и ему казалось, что не может все существовать вот так, вместе, единомоментно друг с другом, что слишком уж все разное и что если есть туман и тихая площадь, и Бронзовый, то как может где-то шуметь прибой или реветь поезд метро?

По площади прошла хозяйка кофейни, он поднялся и догнал ее, прежде чем она скрылась в тумане, поздоровался, зашагал рядом. Помог ей с замком и потом сидел за столиком у окна, ожидая, пока кофейня оживет, пока все заработает и приготовится к трудовому дню.

Сквозь туманное утро проступало отражение неподвижных шестеренок. Затем хозяйка щелкнула чем-то у стойки, и механизм пришел в движение.

– Вы так рано сегодня, – отметила хозяйка, принося кофе. – Занятия отменили?

– Вроде того, – уклончиво ответил Платон.

Он выпил кофе и посидел еще немного, в кофейне было тепло и уютно, уходить не хотелось – а когда он все же вышел и вернулся на площадь, а от площади двинулся бесцельно куда глаза глядят, солнце нашло в облаках проталину, засветило робко сквозь сгустившийся как будто туман, и улицы наполнились мягким молочным сиянием. Платон шагал по мощеным тротуарам, от одного перекрестка не видел следующего и думал, что правильно поступил, не поехав в Прагу и что да, время от времени всем нужно совершать что-нибудь эдакое, сворачивать с проторенной дороги и вылезать в окно вместо того, чтобы выйти через дверь.

Сгустившись ненадолго и напитавшись светом, туман стал рассеиваться – и за какие-нибудь полчаса совсем растаял. Проталина, сквозь которую били лучи, затянулась, но солнце нашло другую – и фасады домов теперь снова то озарялись светом, то гасли.

Платон неспешно прохаживался по хорошо знакомым улицам, заглядывал в магазинчики и с беззаботным видом сидел на скамейках – читал Чехова или просто глазел по сторонам. В одном из магазинов – в супермаркете – он увидел Колю и Матиаса, изучающих полки с чипсами, и тут же нырнул в соседний ряд, чтобы не попасться им на глаза.

По-видимому, занятия прогуливал в это утро не он один.

От дома тети Лизы Платон сперва собирался держаться подальше – чтобы не быть замеченным. Но Коля с Матиасом выбирали чипсы именно там, где Платон чувствовал себя в полной безопасности, а потому он махнул рукой и сделал крюк, подобрался к ближайшему от дома перекрестку, чтобы посмотреть – не покажется ли Желтков.

Желткова не было.

Платон обошел улицу и посмотрел на нее с противоположного перекрестка, затем подумал было даже, сделав крюк пошире, выйти к роще за лугом, постоять снова на ее краю, посмотреть вдаль – но понял, что это уж совсем рискованно: выглянет Аня в окно, вытянет из ящичка театральный бинокль и окажется у нее Платон снова как на ладони.

Обедать Платон решил в той же кофейне – и к тому моменту, как переступил ее порог, ноги его гудели от количества пройденных шагов.

«Гудела голова, – подумал он. – Гудят ноги».

Он оставил рюкзак за свободным столиком – в глубине зала, в нише, завешанной натюрмортами – подошел к стойке и попросил у хозяйки два сэндвича. Хозяйка кивнула, а затем наклонилась к Платону и, перекатив через стойку облако пряных духов, кивнула на столик у окна – за который обычно старался сесть Платон – и произнесла, понизив голос:

– Радек Шипка.

У окна, лицом к механизму, сидел худощавый человек в коричневом пиджаке. Платон видел зачесанные к затылку седые волосы и кончик седой бородки.

Радек Шипка пил кофе, приподнимая крошечную чашку двумя пальцами.

– О, – только и ответил Платон.

И пока он ел сэндвичи в нише с натюрмортами, он все оборачивался и смотрел на художника, а тот все сидел, глядя в окно, не меняя позы. В том, как он время от времени поднимал чашку и подносил к лицу, Платону чудилось что-то механическое, созвучное движению шестерней.

– Подойдите к нему, – посоветовала хозяйка, протискиваясь мимо Платона к дальнему столику. – Познакомьтесь.

– Да что вы, – замотал головой Платон. – Неудобно. Да и зачем?

Хозяйка повздыхала-повздыхала и решила взять все в свои руки – и обернувшись в очередной раз, Платон увидел, что она стоит возле Радека Шипки и, склонившись, говорит ему что-то, а тот смотрит не в окно, как прежде, а в сторону ниши.

Заметив, что Платон обернулся, хозяйка выпрямилась и призывно замахала ему могучей рукой. Радек Шипка держал у губ чашечку и внимательно изучал Платона.

Платон сперва замялся, зажестиковал комично, а затем сунул в рот остатки сэндвича, проглотил, почти не жуя, вытер губы салфеткой и вылез из ниши, подошел к столику у окна.

– Здравствуйте, – поздоровался он и протянул Радеку Шипке руку. – Hello.

– Здравствуйте, – улыбнулся Радек Шипка и привстал, пожал Платонову руку своей – сухой и твердой.

– Radek speaks russian as a... russian, – рассмеялась хозяйка и показала Платону на свободный стул.

Радек Шипка кивнул и приглашающе развернул ладонь. Платон, отнекиваясь, сел, и хозяйка с видом победителя пожелала им приятного общения – и удалилась.

– Варвара сообщила мне, что вы – гость Андрея Александровича, – с расстановкой сказал Радек.

Он и правда, кажется, вполне сносно говорил по-русски – разве что чуть растягивал слова и приглушал некоторые согласные.

– Да, – кивнул Платон и поправился: – то есть не самого Андрея Александровича, а скорее его жены, Елизаветы Дмитриевны. Она дружна с моей матерью... – Платон осекся. – Если вам удобнее говорить по-английски...

Радек улыбнулся и повел протестующе ладонью.

– Нет-нет, спасибо. Мой дед – русский, он мне немало помог в изучении языка.

Платон кивнул и повторил свои слова – о том, чьим гостем его скорее можно считать. Затем по просьбе Радека рассказал о программе обмена и о том, чем занимается в институте.

– Вы так рано заканчиваете? – Радек согнул руку в локте и посмотрел на показавшиеся из-под рукава часы.

– Нет-нет, – спохватился Платон и заерзал на стуле. – Сегодня у нас... произошла некоторая замена...

Радек кивнул понимающе. Сидел он ровно, хоть уровень к спине прикладывая, руки неподвижно держал на столе. Подошла хозяйка и поменяла его пустую чашечку на такую же, но полную. Заодно принесла кофе и Платону. Платон полез за картой, но хозяйка остановила его, покачала головой добродушно – за счет заведения – и ушла.

– Я видел ваши картины, – сказал Платон, чтобы не молчать и не возвращаться к теме некоторой замены. – В доме тети Лизы, на втором этаже.

Радек прищурился, затем кивнул.

– Четыре сезона, – подтвердил он. – Столько лет прошло с их написания...

И взгляд его спокойных умных глаз стал задумчивым. Платон подумал, что Радек не похож на художника – слишком уж он размеренный, малоподвижный. Слишком медленно разговаривает, слишком точно и скупно жестикулирует – ни одного лишнего движения.

– Я рад, что те картины до сих пор висят, – сказал Радек наконец.

– Вы давно там были? В гостях у тети Лизы?

Радек кивнул.

– Признаться, молодой человек, – он посмотрел на Платона, – между мной и Андреем Александровичем случилось некоторое... – он помолчал, – недопонимание.

Платон качнул головой – а-а, вот оно что.

– Из рассказов тети Лизы я понял, что вы друзья, – сказал он.

Радек улыбнулся.

– Лиза, Лиза... – не переставая улыбаться, он вздохнул. – Вы правы... Лиза права, мы друзья. Наверное, можно так говорить. Но... – он заинтересованно, так, словно заметил их только что, посмотрел на медленно вращающиеся шестеренки. – Андрей Александрович – слишком сложный человек. Понимаете?

Платон снова качнул головой.

– А ведь сложные люди, – Радек двумя пальцами приподнял чашечку и коснулся кофе верхней губой, – редко бывают способны на дружбу.

Платон подумал, что для Радека это, возможно, болезненная тема – раз он готов посвящать в нее первого встречного.

– Сложные люди... – продолжал Радек. – Сложные люди быстро очаровывают. Но также быстро и разочаровывают.

Платон почувствовал себя неловко и решил, что хватит с него подробностей – фигура Аниного отца и без того повергала его в трепет.

– Еще я видел, как вы нарисовали их дом, – Платон попробовал перевести тему.

– Спасибо, – улыбнулся Радек и тут же вернул беседу на прежние рельсы. – Варвара сказала, что Андрей Александрович собирается приезжать?

– Да.

Радек кивнул и задумался.

– А еще я видел, как вы расписали рыбный магазин, – предпринял еще одну попытку Платон.

И подумал, что не может представить себе этого старичка расписывающим, точно какой-нибудь Бэнкси, стену.

– О, – отмахнулся Радек. – Меня уговорили, но больше я на такое не подпишусь. Слишком уж хлопотно, – он снова задумался, и Платон приготовился пропускать сказанное мимо ушей. – А из какого вы города?

Платон выдохнул.

– Из Москвы.

Радек приподнял подбородок.

– А. Так вы коренной москвич. А ваши родители?

– Тоже.

– Как замечательно, – улыбнулся Радек.

– А вот родители мамы – из Воронежа. Но встретились уже в Москве.

– Москва... – повторил нараспев Радек с непонятной Платону интонацией. – Москва-а.

Попили кофе молча. Брусчатка под окном сверкала на солнце точно воском натертая.

– Как вам наши места? – спросил Радек, проследив за взглядом Платона.

– О, – оживился Платон. – Замечательно! Очень... атмосферно, знаете ли.

Радек кивнул – атмосферно, да.

– Вам кто-нибудь проводил экскурсию?

Платон засмеялся.

– Разве что Коля. Но у Коли, – он сделал страшное лицо, – что ни рассказ, все какая-нибудь страшилка. То статуя у него из сквера уходит, то...

Он вдруг понял, что настало время раз и навсегда пролить свет на историю с аптекарем.

– То аптекарь жен травит.

– Аптекарь? – вскинул брови Радек. – Какой аптекарь?

– Ну, – Платон показал за окно, – тот, рядом с вокзалом.

Глаза Радека округлились.

– Бедрич?

– Да-да, Бердич!

Радек рассмеялся.

– Очень интересно, молодой человек, расскажите мне поподробнее, – не переставая смеяться, попросил он.

Платон пересказал слышанное от Коли – и на протяжении всей истории Радек смеялся, мелко потрясываясь.

– Какая прелесть, – выдохнул он, когда Платон закончил. – Детская фантазия не знает границ.

– Значит, это неправда? – спросил Платон и смутился, поняв, как нелепо выглядит сейчас.

– Помилуйте, молодой человек, – поднял брови Радек. – Аптекарь – милейший человек, и кроме того, никогда не был женат. Его ведь так и зовут – холостяк Бедрич.

– Да, но... – замялся Платон. – Конечно... Но та девушка...

– Какая девушка?

– Девушка из аптеки, она...

– О, – воскликнул Радек и снова рассмеялся. – Но ведь это его племянница!

Платон выдохнул и почувствовал облегчение – и отметил, что как он ни строит из себя взрослого, а все же остается ребенком, раз верит в такую чушь.

– А вот про статую, – понизил голос Радек. – Признаться, я и сам однажды был свидетелем ее отсутствия.

«А может, и не ребенок», – подумал Платон.

– Это было прошлой зимой, поздним вечером, – спокойно сказал Радек. – Я возвращался из Праги, и путь мой лежал мимо сквера. Я даже не сразу понял, в чем дело, молодой человек. Прошел себе и прошел. А затем обернулся, – Радек прищурился. – А статуи в сквере нет!

Платон засопел носом.

– Я решил, что ее того... – Радек разрезал воздух кончиками пальцев. – Мне она, признаться, никогда не нравилась, – он поморщился. – Не самая изящная вещь... Но на следующее утро я шел той же дорогой – и статуя была на месте!

Радек замолчал, наслаждаясь произведенным эффектом. Платон пил кофе, не зная, какой реакции от него ждут.

– Я, конечно, ничего не утверждаю, – качнул Радек головой из стороны в сторону. – Но что накануне ее не было, я видел своими глазами.

Подошла хозяйка, извинилась, спросила, не нужно ли еще чего-нибудь. Радек по-чешски поблагодарил ее и сказал, что уже собирается уходить. Хозяйка вопросительно посмотрела на Платона, тот повторил слова Радека по-английски.

На крыльце попрощались, Платон пожал тонкую руку.

– Передайте мой привет Лизе, – попросил Радек. – И Андрею Александровичу, когда он приедет.

– Вы не хотите с ним встретиться? – спросил Платон.

Радек рассмеялся.

– Боюсь, эта встреча не закончится ничем хорошим. Кроме того, я через две недели уезжаю и не уверен, что даже при желании мы с ним не разминемся.

Радек развернулся и зашагал по тротуару ровным размеренным шагом. Платон посмотрел ему вслед – узкая прямая спина в коричневом пиджаке уплывала от него, точно Радек по рельсам катился – и двинулся в противоположную сторону. Вообще-то ему было по пути с Радеком, но неловко было бы идти рядом после прощания – а идти в нескольких шагах позади и того хуже.

Пришлось делать крюк.

Привет он тете Лизе решил не передавать – показалось, что не стоит, с учетом каких-то размолвок с Андреем Александровичем. Кроме того, пришлось бы объяснять, при каких обстоятельствах состоялось знакомство – не по пути же с вокзала они встретились – а там недалеко и до раскрытия Платоновой авантюры.

«Тоже мне, – думал Платон, садясь за учебники. – Нашел телеграфиста».

Радек его немного разочаровал.

***

Платон очень удачно выбрал момент для прогула и прогулки – со следующего дня погода испортилась, а точнее, стала совсем уж октябрьской, и из набухших туч хлынула вода. Дожди – то ослабевающие, то усиливающиеся – точно преследовали Платона: пока он наблюдал за бегущими по оконным стеклам в аудитории серебристыми струйками, над домом тети Лизы, как ему сообщали позже, над площадью с Бронзовым и аптекой, лишившейся таинственного ореола, светило солнце; когда же он слушал, как дождь барабанит по карнизу, из Колиной комнаты или гостиной, Сергеев писал, что в Праге сухо и можно снова сидеть с конспектами прямо в парке, на скамейке.

Сергеев в последнее время практиковал подобное не только из любви к свежему воздуху и шелесту листвы, но и чтобы не стеснять своим присутствием влюбленных – Валя из-за учебы перестал ходить в шахматный клуб, и девочка в огромных ботинках повадилась приезжать в общежитие, сидеть до вечера в их с Сергеевым комнате.

– Такая у них идиллия, – смеялся Сергеев и, спускаясь с институтского крыльца, жался под зонт к Платону. – Он зубрит носом в тетрадь, а она сидит рядом и смотрит на него, не отрываясь.

У Платона теперь был свой зонт – купленный взамен того, что давала с собой тетя Лиза – стильный, длиннющий, в скрученном виде напоминающий трость.

– Правильно, – одобрил Сергеев. – Носачей разгонять.

Платон рассказал о происшествии с Желтковым – умолчав о пощечине и поцелуе.

Дожди мало-помалу усиливались, все чаще переходили на ливни, и наконец, в воскресенье, над городком разразилась такая гроза, какой Платон не видел много лет. С самого утра по серым окнам секло, дождь барабанил дробно и монотонно, и в доме царила сонная, меланхоличная атмосфера. После завтрака разбрелись по комнатам, Платону от тетрадей слышно было, как тетя Лиза внизу разговаривает с кем-то по телефону.

– Льет и льет, – говорила она. – А у меня, ты знаешь, как дожди, так затылок болит.

Платон сидел-сидел над тетрадями, а потом поймал себя на том, что клюет носом, вернулся в кровать и проспал под стук дождя до обеда, а потом весь обед зевал, раздражая этим Аню.

– Платон, – и она сама зевала, закрывая лицо книгой. – Прекратите, пожалуйста.

Вслед за ней зевал, широко и весело раскрывая рот, Коля, последней жмурилась, плотно сжав губы, тетя Лиза.

– Простите, – зевал снова Платон. – Ничего не могу с собой поделать.

И после обеда он, чтобы хоть как-то взбодриться, вышел прогуляться – и, перешагивая лужи, слушая, как упруго стучат над головой капли, добрал под зонтом до кофейни.

Кофейня была пуста, хозяйка зевала, негромко подвывая – точно распевалась.

– Люблю дождь, – сообщила она, выставляя перед Платоном кофе. – Главные события моей жизни случались, когда шел дождь.

И она перечисляла – родилась она в дождь, и в школу пошла в дождь, и первый поцелуй у нее был под дождем – на этом месте хозяйка покраснела, и кокетливо отвела глаза в сторону – замуж она выходила в ливень, и сын у нее родился хоть и в декабре, а все равно в дождь, потому лето в тот год задержалось и осень тоже, и все сдвинулось в календаре.

– И кофейню эту мы открывали под дождем! – закончила она.

Платон качал удивленно головой – бывает же.

Пока он пил кофе, дождь усилился. Платон решил переждать и заказал еще чашку, выпил ее – но дождь и не думал стихать. Напротив, он становился все сильнее и сильнее, и теперь прозрачные шестерни дивного механизма вращались в серебристой пелене, точно жернова водяной мельницы.

Наконец, сквозь негромкое пение проигрывателя, заурчал утробно гром – могло показаться, что в жернова мельницы попал и теперь перемалывается, дробясь, камень.

– Вызвать такси? – предложила хозяйка.

Платон фыркнул – какое такси, до дома рукой подать, зонт есть.

– Not from sugar, – залихватски отшутился он и подумал, что в Чехии этой присказки могут и не знать. – I will not... – Как будет по-английски «растаять», он не помнил и поэтому жестами показал, как расплзается в стороны.

«Еще бодрее стану, – подумал он, стоя перед стеклянной дверью с зонтом наготове. – Кофе уже не берет».

Он попрощался с хозяйкой, толкнул дверь и, раскрывая зонт, шагнул на крыльцо. Зонт тут же повело в сторону ветром, за шиворот Платону полилась вода.

Было совсем темно – будто путь от кофейни занял уже несколько часов и наступила ночь.

Наконец перед Платоном выросло знакомое крыльцо. Мокрым пальцем Платон тронул кнопку звонка – так, чтобы тот прозвонил как можно беззаботнее. Спустя минуту дверь открылась, и тетя Лиза, с глазами полными ужаса, пустила Платона в прихожую.

– Платоша! – восклицала она, глядя, как Платон разувается и остается в темных от воды носках. – Мы думали, ты где-то пережидаешь!

– Пустяки, – кряхтел Платон. – Не сахарный...

Он раскрыл зонт – вокруг него взвилась серебряная пыль – и пристроил его у двери, затем извинился и, оставляя на полу и лестнице влажные следы, ушел к себе. Переоделся в домашнее, потом надолго занял ванную и постоял под горячим душем, чувствуя, как вода

смывает с него бодрость, которую сама же и подарила. А затем до самого ужина сидел в комнате и занимался, наверстывая упущенное из-за прогулки.

За ужином только и разговоров было что о грозе. Платон поделился своими приключениями, рассказал об особом отношении хозяйки кофейни к дождю.

– Это довольно-таки романтично, – заметила Аня. – Даже непохоже на... ту женщину.

Каждый раз, когда за окнами грохотало, глаза ее распаивались от восторга. Коля завел какую-то историю об убитых молнией, но поймал взгляд тети Лизы и запнулся. От окон доносился такой шум, свист и треск, словно дом уже оторвало от земли и швырнуло к облакам – и только сидящие за столом этого не замечают.

Гром можно было спутать с лязгом грузовика, скачущего по разбитой дороге перед самым домом – если бы дорога перед домом не была ровной как зеркало.

В довершение всего стали помаргивать лампы в светильниках.

– Ах! – воскликнула Аня после того, как свет в очередной раз стал тусклее и тут же вернулся в прежнее состояние. – Если бы сейчас отключилось электричество!

– Аня, что ты такое говоришь, – с укором посмотрела на нее тетя Лиза.

– Мама! Мы бы зажгли свечи, представляешь! Мы бы... ах, как чудесно, наверное, сидеть при свечах и слышать, как за окнами свирепствует гроза!

– Дэ, – вставил Коля.

– Мама! – посмотрела Аня восторженно. – Давай погасим свет!

– Ну что за глупости!

– И зажжем свечи, мама! Пожалуйста!

Тетя Лиза подвигала плечами, точно ей было зябко.

– Зачем это, Аня, я не понимаю...

– А как же безопасность, мама? – Аня склонила голову набок. – А ну как в наш дом из-за электричества...

– Аня! – замахала на нее руками тетя Лиза, не давая договорить. – Что ты говоришь!

И она кашлянула, сказала спокойнее:

– Это глупости и суеверия.

– В дом к Матиасу как-то залетела шаровая молния, – подал голос Коля.

– Послушать твоего Матиаса, – улыбнулась тетя Лиза не вполне, впрочем, уверенно, – так нет вещи, которая бы с ним не случалась.

– Мамочка, ну пожалуйста! – Аня прижала руки к груди.

Тетя Лиза пожевала губу.

– Да, – поддакнул Ане Коля, – пожалуйста!

Тетя Лиза посмотрела на Платона, не то спрашивая его мнения, не то в поисках поддержки. Платон пожал плечами, как бы говоря: «а почему бы и нет?»

– Разве с вами можно спорить? – вздохнула тетя Лиза и махнула рукой, перстни на ее пальцах моргнули, точно лампы.

Коля с победным кличем понесся в кухню, прогремел там чем-то и вернулся с тяжелым бронзовым подсвечником – на три свечи – со стуком водрезил его в центр стола, чуть не опрокинув салатницу. Аня достала из буфета спички и посадила на каждый фитилек по огоньку, затем дала сигнал Коле, который уже стоял под выключателем.

Раздался щелчок, и гостиная погасла, сжавшись до размеров стола, на котором стоят свечи. Затем она чуть расступилась, из темноты выплыли оранжевые, подрагивающие углы и края. В этот же миг над домом загрохотало так, словно с него сорвали крышу вместе со вторым этажом. Аня и Коля с горящими глазами вернулись на свои места.

– Разве не чудесно? – спросила Аня.

Лицо ее светилось, по волосам скользили оранжевые блики. Платону вспомнился поцелуй.

Тетя Лиза, выражение лица которой при таком освещении угадать было сложно, пожала плечами и продолжила есть.

Снова загремело, окна моргнули белоснежно.

– И нравится же вам такое... – вздохнула тетя Лиза.
– Очень нравится! – подтвердила Аня. – Правда, Платон?

Платон подумал и кивнул.

– Вот, мама! Даже Платону нравится!

– Да, – подтвердил Платон, – есть в этом что-то...

– Ах, дети, – махнула салфеткой тетя Лиза. – Какие вы еще дети.

Ужинать при свечах и правда было здорово. «Хоть с грозой, – думал Платон, – хоть без грозы». Но гроза усиливала впечатление и точно сжимала гостиную, сдавливала ее, делая мрак и тени гуще, а свечи ярче.

По свечам сбегал каплями воск, оставлял тонкие дорожки. Коля дотягивался и сколупывал их ногтем, скатывал в шарики, затем подкладывал к самому фитилю. И все начиналось сначала.

Под фитилями воск подрагивал, прозрачный как вода.

– Да, Платоша, ты прав, – вздохнула наконец тетя Лиза и села ровнее; лицо ее, прежде опутанное темной сеткой морщин, разгладилось и точно стало моложе. – Что-то в этом действительно есть.

И далее ели молча – слушая грозу. Платон вошел во вкус, слушал изо всех сил, напрягал внимание и временами снова чувствовал себя крошечным. Аня, Коля и тетя Лиза тогда тоже становились крошечными, и дом сжимался до размеров... ну, коробки для обуви – и казалось, что его и впрямь может сдуть ветром.

– Нет, я не могу сидеть спокойно! – воскликнула Аня и выбежала из-за стола, приникла к окну, отдернув занавеску. – Смотрите, смотрите скорее! Бросайте все эти вилки, ножи, бегите сюда!

Первым оставил свое место Коля, потом Платон, последней подошла к окну тетя Лиза.

– Вы видите это? – шептала заворуженно Аня и стекло напротив ее губ мутнело на миг. – Видите?

За окном происходило что-то невообразимое – стена дождя то гнулась, то выпрямлялась, за ней угадывалась вишня, прижатая к крыше беседки, сама беседка. Далее все таяло – пока не вспыхивала в небе, не расплеталась узором молния, и тогда на миг точно останавливался дождь, и видно было далеко и четко, до самой рощи, травинку разглядишь, листок, сбитый с ветки. Через секунду-другую после вспышки раскалывался с треском гром – и долго катился сквозь ливень, давил его, перемешивался, затихал и тонул где-то в глубине.

При каждой вспышке Платон видел в стекле Анино отражение – точно фотографический снимок.

– Как страшно... – выдохнула Аня. – И глаз не отвести...

– Страшно, Аня, – согласилась тетя Лиза. – Ты правильно сказала.

И она вернулась к столу.

Коля постоял еще немного, присвистывая при виде молний, и тоже отошел.

– Оказаться бы сейчас там... – прошептала Аня, и Платон не понял, обращается она к нему или рассуждает вслух.

– В беседке? – спросил он на всякий случай.

– Нет, Платон, не в беседке, – ответила, глядя в окно, Аня. – Дальше, – она качнула головой, – на лугу. В роще... в поле...

Она вдруг обернулась, посмотрела на Платона.

– Что вы думаете, Платон? Давайте выбежим... туда?

Свет от свечей едва дотягивался до ее лица, но глаза ее сверкали, точно все еще отражали молнию.

– Под дождь?.. – хмыкнул растерянно Платон и понял, что не слишком-то хочет возвращаться туда, откуда совсем недавно прибежал.

«Это она дома сидит целый день, – подумал он. – А я сегодня уже набегался».

– Под дождь, Платон! – подтвердила Аня. – В самое... в самое сердце грозы! Представляете, как там сейчас!

И она захлебнулась от восторга, встряхнула волосами.

– Аня! – строго окликнула ее тетя Лиза. – Ни в какое сердце грозы я тебя не пущу! Чтобы ты потом заболела?

Аня продолжала смотреть на Платона – теперь уже она, а не тетя Лиза, не то спрашивала его мнения, не то искала поддержки.

– Я там уже был сегодня, – выдавил он усмешку. – Через окно смотреть приятнее, поверьте.

И подумал: «А вдруг и правда шарахнет молнией? Может же быть такое – выскочил человек на открытое место и...»

– Эх, Платон, – вздохнула Аня разочарованно. – Мама, можно я хотя бы открою окно? На секунду!

– Анюта, зачем?

– Мама! Я не знаю, зачем, а только мне это очень, очень нужно!

Она повернулась к окну, дернула его на себя, и в лицо Платону точно душевую лейку направили. Платон задохнулся от ветра, закрылся рукой и увидел, что занавески вздулись вокруг Ани парусами, а сама Аня высовывается наружу, ухватившись за раму.

– Аня! – воскликнула тетя Лиза, перекрикивая ливень.

Аня отпрянула и захлопнула окно – очень вовремя, так как в следующий миг в очередной раз загредел гром; Платон подумал, что прогреми такой гром чуть раньше, при открытом окне, они бы с Аней оглохли.

Аня, счастливая, с блестящим от воды лицом, с прилипшими к щекам волосами, подлетела к тете Лизе и чмокнула ее в макушку.

– Спасибо, мамочка! Лучше тебя никого нет на свете!

И убежала наверх. Платон услышал, как над головой выбили дробь ее шаги.

Заканчивали ужин и пили чай с пирожными при свечах – втроем. Потом тетя Лиза попросила Колю включить свет, и он, оставив в покое воск, послушался.

– Дети, – вздыхала тетя Лиза. – Совсем еще дети.

Платон с ней не спорил.

К тому времени, как Платон закрыл тетради и стал готовиться ко сну, гроза почти совсем стихла – и теперь между молнией и громом проходило не меньше пяти-шести секунд, и гром не гредел, а ворчал где-то вдалеке, точно обидевшись. Но дождь – который теперь, конечно, нельзя было назвать ливнем – не прекращался всю ночь и барабанил, барабанил, барабанил, равномерно и приглушенно. Сквозь сон Платону казалось даже, что дело вовсе не в дожде, что кто-то стучится к нему – не то в дверь, не то в окно, негромко, но настойчиво, стучит и стучит, не останавливаясь – и Платон, не просыпаясь до конца, недоумевал: кому он понадобился? почему ему не дадут спокойно выспаться перед учебой?

***

Со следующей недели нагрузка в институте увеличилась еще сильнее, и Платон впервые за все время поездки почувствовал себя самозванцем, глупцом, которого остальные почему-то приняли за умного и отправили по программе обмена вгрызаться в гранит такой крепости, перед которым бессилён и отбойный молоток.

«Возможно, я занимаю чье-то место», – думал Платон, вслушиваясь в беглый речитатив лектора. Затем слышал, как вздыхает Валя, и думал, что, возможно, всех участников программы посещают подобные мысли.

Валя, и без того тщедушный, совсем высох и как будто даже съезжился понемногу, становясь меньше ростом. Если бы не девочка в огромных ботинках – Берта, как оказалось, – он бы наверняка уже завел шарманку о том, что хочет домой.

Один Сергеев всем видом показывал, что далек от уныния – и скорее злился, чем унывал.

– Легче легкого, – скрипел он зубами. – Мне даже записывать ничего не надо, все тут, – и он постукивал себя по виску, а потом, однако же, принимался так ожесточенно строчить в тетрадь, что страшно было за столешницу под ней.

В конце концов в довесок к общей нагрузке на них троих – Платона, Сергеева и Валю – повесили проект, подлежащий презентации в первых числах ноября.

– Это очень почетно! – заверяла, сверкая улыбкой, Ирина, и Платон думал, что без ее вмешательства не обошлось. – На конференцию съедутся ребята из других программ, такие же, как вы, по обмену, будет телевидение, даже министр ежегодно принимает участие...

Сергеев в ее присутствии делал вид, что всю жизнь только этого и ждал, Валя бормотал что-то себе под нос. Платон чувствовал себя щепкой, которую несет горный поток – а как сопротивляться горному потоку?

– Не беспокойтесь, я вам помогу, – обещала Ирина.

И она правда помогала – материалами, нужными ссылками, присылала каких-то стипендиатов с консультациями – и все же Платон буквально прописался в общежитии, в которое ехали сразу после занятий и в котором сидели с ноутбуками и книгами до позднего вечера. Около восьми из ближайшей закуской приносили ужин, и Платон думал о том, что тете Лизе хотя бы не приходится готовить на него, а это уже ого-го. Тетя Лиза, правда, время от времени порывалась обвесить Платона контейнерами – «тут и обед, и ужин, холодильник же в институте есть» – но Платон согласился всего единожды, пробежал день с безразмерным пакетом, и затем отказывался.

После ужина мучались с проектом еще около полутора часов, а потом Платон – с видом лунатика – ехал на вокзал, чтобы успеть на электричку. Возвращался он к началу двенадцатого, открывал своими уже – а не запасными – ключами, давал короткое интервью тете Лизе и шел спать. Тетя Лиза возмущалась – как можно так издеваться над молодыми людьми?

Дожди закончились, но дни стояли пасмурные и серые, старающиеся как будто не отвлекать от учебы – смотри в тетрадь, а не за окно.

В один из таких дней в комнате общежития велась особенно напряженная работа – Иринины стипендиаты внесли ряд правок, и нужно было переделать самый крупный блок из всех. Сергеев через Ирину выбил возможность уйти из института пораньше, после обеда сразу двинулись в общежитие, и сидели как кроты, не поднимая голов, до ужина, но и после ужина видно было, что работы непочатый край и закончить ее в обычное время не получится.

– Беги, брат Платон, – говорил Сергеев. – Мы тут с шахматистом без тебя справимся.

Но понятно было, что Платон нужен – а кроме того сам он, брось товарищей в такой ответственный момент, чувствовал бы себя предателем.

– Ничего, уеду на последней.

Он позвонил тете Лизе и, извинившись, сказал, что будет поздно – и постарается не шуметь.

Когда стало ясно, что и на последнюю электричку он успеет только если телепортируется прямо из общежития по щелчку пальца, Сергеев прекратил барабанить по клавиатуре – руки при этом он занес над ноутбуком как прервавший игру пианист, – обернулся на Платона и расплылся в усталой улыбке.

– Придется тебе, брат Платон, – он подмигнул, – разделить с нами эту жилплощадь.

Платон позвонил тете Лизе и сообщил, что вынужден остаться в общежитии на ночь – но это ничего, никаких проблем, спальное место есть, и утром можно будет сразу же с товарищами отправиться в институт, стипендиаты будут проверять блок...

Тетя Лиза поохала, изумилась в очередной раз жестокости институтских методистов, но спорить не стала – надо значит надо.

Как только Платон положил трубку, Сергеев издал торжествующий клич и захлопнул ноутбук.

– Значит, можно не торопиться!

Валя забормотал что-то довольно из-за кипы книг.

Сергеев встал, прошелся по комнате, потягиваясь и выворачивая с хрустом суставы, затем упал на пол и, считая вслух, долго отжимался. Закончив, он вскочил, отряхнул ладони и посмотрел на Платона с Валею сияющими глазами.

– Я бы и пивка под такое дело дерябнул, вы как?

Валя отказался, Платон подумал и согласился.

– Тогда я за раскладушкой, – Сергеев показал Платону большой палец, – и го в магаз.

Насчет спального места Платон чуть приврал – его еще предстояло добыть. Сергеев обулся и ушел, а через четверть часа ввалился в комнату с раскладушкой и комплектом белья.

– Не комендантша, а золото! – воскликнул он. – Предложила определить тебя в пустую комнату, на одиннадцатом, но я сказал, что ты боишься одиночества.

Платон подумал, что ничего против персональных апартаментов не имеет, но промолчал.

– В тесноте да не в обиде! – подытожил Сергеев и стиснул кулаки от восторга. – Поболтаем хоть, да и пива я сто лет не пил!

– Ты на выходных пил, – поправил его Валя.

– Так ведь не пиво!

На выходных Сергеев уговорил-таки Ирину отправиться с ним на свидание – под предлогом обсуждения проекта – и выцедил с ней по бокалу вина.

– Я в магазин не пойду, – заявил Валя. – Возьмите мне газировки, я пока пару партий раскидаю.

Платон с Сергеевым прошли по шумному – шум был специфический, такой бывает только в общежитии, когда отовсюду, со всех сторон и этажей текут, переплетаясь, сотни звуков, голоса, музыка, шум воды, жужжание фена, стук молотка, смех и телефонные трели – коридору, постояли под прицелом камеры в кабине лифта, прошагали через холл, поглядывая на очереди к игровым приставкам, вышли на крыльцо и двинулись через парк в фонарях к ближайшему супермаркету.

– Удивительная, брат Платон, – делился Сергеев впечатлениями от свидания и кивал весело на целующиеся под фонарями парочки. – Умная, начитанная, с чувством юмора все в порядке, добрая опять же.

Он подмигивал Платону.

– О фигуре я вообще молчу. Теннис!

И всю дорогу до магазина он пел гимны Ирине – и пересказывал свидание: что ели, о чем говорили, как ехали потом в метро, как расставались на перекрестке – не разрешила провожать до дома.

– Я ее понимаю, – поднимал примирительно руки Сергеев, прохаживаясь между стеллажами супермаркета, – приехал такой, напел в уши... А через месяц ведь – домой, – и Сергеев показывал ладонью, как полетит из Праги в Москву самолет. – Вот она и держит дистанцию, да?

– Получается так, – соглашался Платон.

– Шахматисту возьмем что-нибудь эдакое... Чтоб знал, как от коллектива отрываться... Живи я здесь, мы бы с ней, может, уже детей бы растили.

Сергеев усмехался, но Платон видел, что мысль об отъезде угнетает его – неужели влюбился по-настоящему?

Вале взяли бутылку какой-то кислятины с невообразимым вкусом, себе – по две банки пива с чипсами. Стоя на кассе, Платон вспомнил, как наткнулся в супермаркете на Колю и Матиаса.

– Только пиво – под куртки, – предупредил Сергеев, когда впереди замаячило крыльцо общежития. – Комендантша – золото, но надо и честь знать.

Валя кислятине обрадовался – оказалось, что что-то именно такое он и любит.

– Спасибо, парни! – искренне восклицал он. – Хотите?

И тянул к Платону с Сергеевым бутылку. Те отказывались.

Во время работы над проектом пиво решили не пить – тем приятнее было чуть за полночь закрыть все ноутбуки, вернуть на подоконник книги и откупорить с шипением банки, отпить сразу немного, чтобы не залить пеной стол.

Даже Валя засомневался в своем решении.

– Как пиво? – спрашивал он.

– Шикарное, – причмокивал Сергеев.

Валя кивал – ясенько – и поглядывал на закрытые банки. Платон и Сергеев делали вид, что взглядов не замечают, Валя вздохнул и, спросив разрешения, стал таскать из ближайшей пачки чипсы, хрустеть ими, рассыпая крошки на экран в клетку.

Занавески не сдвигали, и в темном окне отражалась комната, видно было и учебники, и стену в постерах, и плафоны под потолком. В комнате пахло пивом, чипсами и, пронзительно, Валиным одеколоном – к которому даже Платон уже начинал привыкать.

– Кого громишь? – спрашивал Сергеев Валью.

Валя поднимал масляные глаза от шахматной доски.

– Берту.

И он склонял голову набок кокетливо.

– Поддаюсь, конечно же.

Наверху шумели и топотали – звучал хохот, выкрики.

– Слоны, – покачал головой Сергеев. – Слышь, Валь, слоны!

И он рассмеялся.

Валя доиграл партию и ушел в коридор – желать Берте спокойной ночи. Потом вернулся и стал готовиться ко сну.

– Валя, посиди с нами! – возмутился Сергеев.

– Сидите, я вам не мешаю.

– Это ты пока не мешаешь, – фыркнул Сергеев. – А ка-ак захрапишь...

Валя метнул на Сергеева свирепый взгляд.

– Ну посиди, Валечка, – попросил Сергеев дружелюбно. – Можем в шахматы с тобой сыграть.

Валя, уже перекинувший через плечо полотенце, замешкался и вернул зубную щетку в стакан.

– В шахматы?

– Запросто! – заверил Сергеев. – Правда, Платон?

И он толкнул Платона в бок.

– Правда, – протянул Платон.

Почему бы и в самом деле не сыграть?

Валя подбоченился и, сдерживая самодовольную улыбку, повесил полотенце на спинку кровати. Открыл шкаф и вытащил с верхней полки – пришлось встать на цыпочки – шахматы, погремел ими не без удовольствия.

– Вот и молодец! – хлопнул его по спине Сергеев. – Играйте! А я пока с Ирэн поворкую.

И прежде, чем Платон успел возразить, Сергеев подхватил телефон и вышел из комнаты.

– Ты если не хочешь, можем не играть, – настороженно сказал Валя.

– Да нет, Валь, чего ты.

Валя, плохо сдерживая воодушевление, вывернул доску и со стуком высыпал фигуры на стол.

И все время, пока играли, Платон слышал то приближающийся, то удаляющийся голос Сергеева – тот ходил из одного конца коридора в другой и мягко басил в трубку.

Валя играл увлеченно, сжав плотно губы и не отводя глаз от доски.

«Совсем ребенок», – подумал Платон.

Сам он двигал фигуры как придется, не строил коварных планов, попивал пиво и, разумеется, скоро проиграл.

– Спасибо, – и Валя протянул ему руку для рукопожатия. – Еще?

Платон кивнул – и через пять минут жал Валину руку снова.

– Малыш и Карлсон, – умилился Сергеев, вернувшись. – Всем привет от Ирэн.

Валя оценил шутку и засмеялся по-детски.

– Сыграешь? – лукаво посмотрел он на Сергеева.

– Что ты, Валя! – замахал руками тот. – Зря я, что ли, Платона тебе на растерзание бросил?

Он плюхнулся на свою кровать, пшикнул второй банкой и принялся осторожно пить, закинув ногу за ногу.

– Я вот думаю, братцы, – говорил он, пока Платон терял фигуру за фигурой в третьей партии. – Разъедемся мы с вами из этой Чехии, вернемся в Москву.

Валя точно его не слышал, Платон угукал.

– Доучимся, выпустимся.

– Угу.

– Сейчас туда-сюда двадцатые, потом тридцатые, потом сороковые... страшно подумать, машины летать будут!

– Угу.

– Станем какими-нибудь там важными шишками.

– Угу.

– Жены, дети, дворецкие в белых перчатках.

– Угу. Валя, а это ты как сделал?

– Это взятие на проходе. Если твоя пешка ходит на две клетки, а моя...

– Ладно, верю.

– Дворецкие, говорю!

– Угу.

– И вот пройдет много-много лет.

– Угу.

– И однажды, сидя там у камина... или стоя в пробке... на высоте птичьего полета... или там, не знаю, обыгрывая жену в шахматы... Однажды мы вот вспомним эту ночь в Пражской общаге, пиво вот это... кто пиво, а кто кислятину, конечно... Пиво, проект, будь он неладен. Вспомним и... С какими мыслями мы это все вспомним?

– Я – со стыдом, – ответил Платон и пожал Валину руку.

– Спасибо за игру, – поблагодарил Валя и зевнул. – Сергеев, ты точно пас?

– Пасее некуда.

Сергеев поперхнулся пивом и вскочил, растирая по футболке на груди пятно. Валя засмеялся весело и ссыпал фигуры внутрь доски. Еще раз поблагодарил Платона за игру – совершенно, по-видимому, искренне – и ушел чистить зубы.

– Вот такой у нас Валя, – вздохнул Сергеев. – Обольешься пивом, а он и рад, собака. Давай мы его твоей тетке отдадим, а ты тут оставайся.

Платон посмеялся, стукнулся своей банкой о банку Сергеева, подвинулся, пропуская того к столу.

Наверху, судя по звукам, танцевали.

– Что там у них сегодня? – спросил Сергеев. – А впрочем, какая разница? Лишь бы спать не мешали.

Заговорили про общежитие – и Сергеев пересказал услышанную от кого-то историю о том, что несколько лет назад в общежитии пропал студент, точно испарился, что была там какая-то записка, из которой сделали вывод, что он хотел покончить с собой, но тела так и не обнаружили... И что из этого происшествия получилась местная легенда – то тут, дескать, этого студента видели, то там, то из комнаты его голос слышен, то из коридора.

Валя поддакивал – видимо, они с Сергеевым это уже обсуждали.

– И в комнате его никто до сих пор не живет, – подвел итог Валя.

«Как вернусь, перескажу это все Коле», – решил Платон и спохватился:

– А не в эту комнату меня ваша комендантша хотела определить?

И почувствовал, что у него волосы на голове зашевелились – как в тот вечер, когда он проходил мимо статуи в сквере.

– Вряд ли, – усомнился Сергеев. – Хотя мало ли...

Спустя какое-то время стали засыпать – и наверху, точно этого и ждали, снова поднялся шум.

– Охренели они, что ли... – пробормотал Сергеев.

Наверху топотали, даже музыка играла – и знай Платон язык, он мог бы даже разобрать, о чем в голос толкуют по ту сторону потолка.

– Пожаловаться надо, – проворчал Валя от двери и заворочался. – Первый раз такое...

– Жаловаться! – фыркнул Сергеев. – Тебе бы, Валя, лишь бы пожаловаться на кого-нибудь!

Он подождал несколько минут, а когда стало ясно, что наверху никто успокаиваться не собирается, встал и как был, в трусах – только ноги сунул в кроссовки – вышел в коридор.

– Кто со мной, тот герой, – обернулся он перед тем, как закрыть дверь.

Платон поскрипел раскладушкой и вылез из нее, натянул, зевая, джинсы и футболку.

– Кто без меня, тот паршивая свинья, – тихо договорил Сергеев.

– Сам ты свинья, – отозвался Валя и отвернулся к стене.

Сергеев, играя мускулами на поджаром теле – ни капли жира, пловец, одним словом, Платон даже позавидовал – шагал по коридору, Платон шагал следом, думая, что разумнее все-таки сообщить о шуме комендантше, раз уж она золото, а не человек. Он даже сказал об этом Сергееву, но тот только фыркнул, не оборачиваясь, а затем бросил на Платона взгляд через плечо:

– Ты, главное, как начнется, спину мне прикрывай.

И тут же расхохотался.

– Шучу, брат Платон, ничего не начнется, мы люди культурные.

Его смех заметался эхом по лестничным пролетам.

Перед нужной дверью – определить, что это именно она, было нетрудно по уровню шума, странно, что соседи по этажу безмолвствовали – Сергеев посмотрел на Платона весело. Затем поднял кулак, подержал его немного неподвижным и постучал костяшками по двери. Потом постучал еще раз. Шум чуть подутих, дверь медленно приоткрылась. Платон заглянул через плечо Сергеева и увидел толпу каких-то розовощеких студентов – парней и девиц. Все смотрели недоуменно, в руках пестрели картонные стаканы.

– Здорово, бандиты, – пробасил Сергеев почти также, как басил, воркуя с Ириной.

Среди студентов пробежал ропот, от компании отделились двое округлых здоровяков, подошли к двери. Сергеев терпеливо выслушал беглую иностранную речь – кажется, финскую – и, почесав со скрипом островок волос над солнечным сплетением медленно, нарочно коверкая английские слова, с карикатурнейшим русским акцентом сообщил, что готов выйти на дружеский спарринг с каждым, кто считает себя в праве мешать ему спать, а то и со всеми вместе.

Девицы смотрели на Сергеева и хихикали. Платон услышал за спиной шаги, обернулся и увидел, что по коридору к ним бредет сумрачный и растрепанный Валя в спортивных штанах и свитере.

– Вив гот ван мор, – медленно произнес Сергеев, кивнув Вале. – Литл бат вэри дэнджерас спортсмэн.

Валя стал за спиной Платона и заворчал недовольно. Округлые здоровяки переглянулись и стали изо всех сил ухмыляться, потом затараторили, активно жестикулируя, а потом затихли, ожидая ответа. Сергеев кивнул, подержал немного паузу и гаркнул так, что проснулась, наверное, все общежитие:

– Бу!

При этом он всем корпусом дернулся в сторону здоровяков. Здоровяки подпрыгнули от неожиданности, девицы взвизгнули, кто-то уронил стакан. Платон сам вздрогнул, испугавшись, а Валя заворчал ругательства.

На этаже защелкали замки, из комнат повысовывались бледные лица. Затем Платон снова услышал шаги за спиной – на этот раз принадлежащие комендантше.

– Это я ей сказал, – шепнул Валя.

Комендантша – крепкая женщина средних лет, похожая на сестру хозяйки кофейни – улыбнулась Сергееву, влезла между ним и здоровяками и оттеснила здоровяков вглубь комнаты, а после того как оттеснила, поблагодарила Валю за неравнодушие и закрыла за собой дверь.

Засыпая, слушали, как наверху комендантша отчитывает любителей пошуметь, хотя во всем общежитии, вероятно, в эту ночь самым громким – пусть и ненадолго – был Сергеев.

Составить ему конкуренцию мог только Валя со своим храпом – относительно которого Сергеев, как оказалось, не врал. Платон проснулся посреди ночи – как просыпался у тети Лизы – и сперва всерьез решил, что в метре от него дробят перфоратором стену. Сообразив, что это храпит Валя, Платон чуть не расхохотался – и поразился тому, что Сергеев, видимо, привык спать при таком шуме, потому что спокойно лежал спиной к стене и... и что-то довольно уверенно бормотал. Платон прислушался и снова чуть не расхохотался – Сергеев разговаривал во сне.

– Пап, а, пап, – бормотал Сергеев сквозь свирепый Валин храп. – Я все уже давно решил. Если бы этим степлером можно было скреплять картон, нам не нужно было бы брать лицензию...

Сергеев, не просыпаясь и не реагируя на храп соседа, нес отборную чушь.

– Мужики, – позвал Платон вполголоса. – Мужики-и.

Сергеев и Валя как по команде притихли, Платон чуть не расхохотался в третий раз, покачался в раскладушке и уснул, а спустя час или около того снова проснулся от Валиного храпа – Сергеев раньше времени презентовал проект многочисленной аудитории – и снова позвал:

– Мужики-и.

Мужики затихли.

За ночь процедуру пришлось повторить еще трижды.

***

Ночь в общежитии не прошла даром – на занятиях Платон клевал носом так активно, что вдруг понял смысл устойчивого выражения.

«А ведь правда, – подумал он устало, – точно ты птица и клюешь зерно».

И клевать носом стало весело.

Сергеев с Валею выглядели выспавшимися – ну так ведь они и спали.

Зато стипендиаты, проштудировав обновленные файлы, возрадовались – все было так, как надо, комар носу не подточит. Получалось, что ночь в общежитии не прошла даром и в хорошем смысле – и хорошо, что Платон остался, а не уехал.

По случаю ударного труда решено было освободить день и не заседать в общежитии после занятий – и Платон с чистой совестью и плохо чищеными зубами, едва доучившись, отправился на вокзал.

Сергеев звал посидеть где-нибудь, выпить хотя бы кофе – или какой-нибудь кислятины – но Платон отказался и даже провожать себя на электричку не позволил. Сонный, ощущая себя аквангистом, бредущим по дну водоема, Платон добрался до вокзала, поклевал носом в зале ожидания, влез в электричку и, только уткнулся лбом в нагретое солнцем окно, как тут же провалился в забытие.

Снилось ему, что он идет по парку перед общежитием, а навстречу ему по заметенной листвою дорожке идет его двойник – как две капли воды похожий на него. Двойник идет и смотрит Платону в глаза – и грызет при этом крупное желтое яблоко. Хруст стоит такой, что слышно на весь парк – целующиеся парочки оборачиваются и смеются.

– Привет, – говорит, поравнявшись с двойником, Платон.

– Привет, – отвечает с набитым ртом двойник.

– Куда идешь?

Двойник машет свободной от яблока рукой:

– Туда.

Платон кивает.

– А ты куда? – спрашивает двойник и утирает рот рукавом.

– А я туда, – Платон показывает в противоположную сторону, по направлению своего движения.

Двойник кивает и уходит, продолжая хрустеть яблоком. Платон, ничуть не удивляясь происходящему, продолжает путь через парк.

– Excuse me, – услышал Платон сквозь сон и почувствовал чью-то руку на своем плече, – you may miss your station.

Платон открыл глаза и увидел перед собой улыбающуюся племянницу аптекаря.

– Sorry, I saw you sleeping, – смутилась она и отпустила его плечо. – We arrive in a minute.

И она, держась руками за спинки кресел, отошла от него, села через проход.

Платон, не до конца понимая, что происходит, подтянулся в кресле – уснув, он основательно с него сполз – посмотрел в окно и зажмурился от солнечного света.

Вдалеке уже видно было башенку ратуши, по желтой от травы насыпи скользили блики, отбрасываемые окнами электрички.

– Thank you, – спохватился Платон. – Уехал бы сейчас...

Девушка кивнула довольной.

Из электрички вышли вместе, Платон подумал, что стоило спрыгнуть на перрон первым и подать ей руку – но... эмансипация, все дела, вдруг она возьмет да и обидится? По дороге до аптеки – шли рядом, но как будто не намеренно, просто потому что по пути – говорили о погоде – вон как солнечно, тепло даже, даром что ноябрь на носу – девушка спросила, когда Платон возвращается в Россию, на что Платон сперва ответил и только потом удивился – откуда она знает?

Оказалось, что Платона – как гостя Андрея Александровича – аптекарь вскользь обсуждал с Радеком Шипкой.

– Он заходит к нам иногда, – пояснила девушка, – они с дядей давно знакомы.

Платона вдруг в жар бросило – а ну как Радек передал аптекарю Колину сказку.

– Да-а, – протянул он. – Радек очень тепло отзывался...

И он присмотрелся к девушке – не выдаст ли она как-нибудь себя, не даст понять, что знает?

Девушка улыбнулась благодарно – и все. Спустя минуту она попрощалась с Платоном и скрылась в аптеке.

– Ладно, – сказал сам себе Платон. – Подумаешь.

Настроение его улучшилось, сон в электричке прибавил сил. Платон неспешно, не без удовольствия прошелся по улицам, загребая ботинками листву, постоял на одном из перекрестков, запрокинув голову – по нежно-голубому, точно стеклянному, небу рассыпалась птичья стая – и к дому тети Лизы подошел в благостном и мирном настроении.

В этом же настроении он рассказал удивленной тете Лизе о проделанной вчера работе, которая дала возможность сегодня отдохнуть, в этом же настроении поднялся вверх и долго, с наслаждением чистил зубы. Не меняя настроения, Платон скрылся в комнате и, не переодеваясь, плюхнулся на кровать, закинул руки за голову.

«Хорошо-о», – подумал он, глядя, как модели самолетов под потолком чуть покачиваются от движения воздуха, и вскочил, услышав стук в дверь.

– Платон, к вам можно? Вы одеты?

Голос был Анин.

– Да-да, конечно, – пискнул Платон и заозирался – не валяются ли по углам носки? – Заходите.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошла Аня – одетая в ту самую бежевую кофту, в которой он видел ее в Праге с Желтковым. Вошла и посмотрела подозрительно на Платона.

– А чего это вы стоите как истукан?

Платон хмыкнул.

– Нет, я... Да я...

Аня, заинтересованно оглядываясь – точно была в Колиной комнате впервые – прошла к столу, открыла лежащую на краю тетрадь, пробежала записи глазами.

– У меня к вам разговор, Платон, – сказала она. – Серьезный.

– Я слушаю, – Платон сел на край кровати, разгладил ладонью складки на покрывале.

Аня отвернулась от него и шагнула к стене, стала рассматривать фотографии, подолгу задерживаясь у каждой.

Повисла тишина, Платон услышал, как тетя Лиза пылесосит внизу.

– Вы вчера, – заговорила наконец Аня, – ночевали... – она задумалась, – где-то.

Платон кивнул – хотя Аня стояла к нему спиной.

– Не подумайте, Платон, вы свободный человек и никто вас не неволит, но... разве, по-вашему, так поступают порядочные молодые люди?

От фотографий она переместилась к книжному шкафу и принялась изучать его содержимое сквозь стеклянную дверцу. Платон видел ее лицо в отражении.

– Я не совсем понимаю... – кашлянул он.

– Тем хуже, Платон, – вздохнула Аня. – Жаль, что такие элементарные вещи приходится объяснять.

Она повернулась к нему, смерила его холодным взглядом.

– Мама вам, конечно, ничего не скажет, – заговорила Аня. – Но кому же понравится такое? Вы... пропадаете... проводите ночь неизвестно где, а затем возвращаетесь как ни в чем не бывало, здороваетесь, приветливый и довольный.

Платон поднял брови.

– Нет-нет, повторяюсь, вы взрослый человек и вправе делать что хотите и где хотите, – продолжила Аня, не давая ему времени ответить. – Я чувствую запах духов, – она улыбнулась заботливо, – и, право, очень рада за вас, и уж точно не собираюсь влезать в вашу личную жизнь, до которой мне нет никакого дела...

Платон опешил, а затем рассмеялся.

– Что вы, это не духи! – воскликнул он весело. – Это мой товарищ... он влюблен и обливается одеколоном, вся комната пропахла...

Аня склонила голову на бок с видом человека, который дает понять – меня обмануть не удастся.

– Не нужно, Платон, – улыбнулась она примирительно. – Повторяю, личная жизнь на то и личная, что она принадлежит лично человеку и всех остальных не касается. Я только прошу... поймите меня правильно... не бросать тень на наш дом и ночевать, как это полагается приличному гостю, там, где вы ночевали прежде. В конце концов, вы живете в комнате моего младшего брата, и я бы не хотела, чтобы... Вы позволите мне проветрить?

Не дожидаясь ответа, она открыла окно, тетрадь на столе зашевелила страницами, самолеты закачались туда-сюда.

– Сегодня прекрасный день, правда? – спросила Аня.

– Анна, – обратился Платон, нахмурившись. – Я... я, наверное, отчасти вас понимаю... Может быть, с вашей стороны все выглядит... не совсем так, как с моей. Но я вас уверяю, все не «не совсем так», а совсем не так! И я попрошу вас...

Аня подняла вверх указательный палец.

– Вы гость, Платон, – сказала она строго. – Уважайте, пожалуйста, правила дома, приютившего вас. Мы, может быть, в чем-то старомодны, – она запнулась, – но мы дорожим нашим укладом и ценим его. Извольте и вы отвечать тем же.

Платон изумился.

– Потерпите, Платон, пройдет каких-нибудь... Когда вы уезжаете? Еще месяц, и вы ничем не будете стеснены – и тогда никто не удержит вас от кутежей и знакомств и... чем еще вы там привыкли заниматься по ночам.

– Я...

– Не перебивайте, пожалуйста. Вам с нами скучно, я понимаю, но что же тут поделаешь? Скучные люди тоже на что-нибудь да годятся – и уж во всяком случае вы не можете упрекнуть нас в недостаточном гостеприимстве, ведь так?

– Так, – согласился Платон. – Мне у вас очень хорошо.

Аня умильно – и театрально – улыбнулась.

– И мы очень этому рады, Платон. Вы закроете окно?

– Да, конечно, но...

Аня покачала головой.

– Не нужно, Платон. И не разбрасывайте, пожалуйста, носки, это невежливо.

Она показала на кресло и вышла, закрыла за собой. Платон заглянул за кресло и обнаружил за ним свои носки – серо-зеленые, в полоску – сиротливо жмушился к плинтусу.

– Мде.

Он перепрятал носки, закрыл окно – небо понемногу бледнело, желтый луг казался оранжевым, подвешенная на днях к карнизу беседки кормушка покачивалась в такт самолетам – и улегся на кровать. И стал обдумывать сказанное. С одной стороны выходило, что все это, конечно, дичь и чушь – ну переночевал на стороне, что теперь? – с другой же стороны нельзя было исключать, что и тетя Лиза придерживается подобного мнения – это ее дом, и она сама решает, как относиться к поведению гостей в нем. Платон стал перебирать аргументы в пользу обеих позиций и в конечном счете накрутил себя до того, что он со всех сторон виноват и должен во что бы то ни стало извиниться хотя бы перед тетей Лизой, объяснив все и пообещав впредь подобных ошибок не совершать.

«У всех свои принципы, – думал он, спускаясь на ужин, – в чужой монастырь со своим уставом... Подойду после ужина и извинюсь, с меня не убудет».

Но извиняться ему не пришлось – потому что всем внезапно стало не до него. Ночные похождения Платона – как бы кто к ним ни относился на самом деле – померкли перед новостью о том, что приезд Андрея Александровича отменяется.

– Папа не приедет, – сказал Коля, усаживаясь за стол.

Аня промолчала, а тетя Лиза, закусив губу, развела руками и подтвердила:

– Не приедет.

***

Сперва у Платона как гора с плеч свалилась – грозный Андрей Александрович, выросший было на горизонте и заслонивший собой треть неба, уже протянувший к Платону свою огромную руку, растаял как мираж. Но затем Платону стало стыдно за себя и за свои мысли, и он подумал, что пусть бы лучше Анин папа приехал и опустил на него, Платона, свою эту руку, пусть бы поднял за шиворот и потряс как кота или просверлил насквозь своим ледяным взглядом – лишь бы люди, к которым он успел за два неполных месяца прикипеть, так не переживали.

А они переживали.

Из дома выветрилось то воодушевление, с которым все, кроме Платона, ждали приезда Андрея Александровича. Может быть, Платон драматизировал, но ему теперь казалось, что взамен воодушевления сам воздух пропитан тоской, унынием и даже смущением – перед самим Платоном, как будто ставшим невольным свидетелем неприятного семейного происшествия.

Платон и сам чувствовал себя именно что свидетелем – печальная новость будто отгородила его от остальных, и теперь были «они» и был «он», его точно враз вытолкнули из какого-то доверительного круга.

За столом теперь если и говорили, то как-то вяло, без настроения. Аня после ужина не играла на пианино, тетя Лиза улыбалась на попытки Платона рассказать что-то и разрядить обстановку – так, чтобы при этом не было понятно, какую цель он преследует – улыбалась, и тут же уголки ее губ тянуло вниз.

– Да, Платоша, очень интересно, спасибо, – говорила она, закрывая глаза, и Платон замолчал.

Коля все больше молчал, и даже на рассказ Платона о встрече с племянницей аптекаря – Платон, не сообщая о своем разговоре с Радеком Шипкой, дал понять, что как-то выяснил правду, от самой племянницы, может быть – на рассказ Платона Коля только пожал плечами и протянул отрешенно:

– Значит, Матиас соврал.

Тетя Лиза в этот момент оживилась и посмотрела на Платона чуть ли не с благодарностью:

– А я сразу говорила, что все это просто глупая шутка.

– ... Андрей Александрович не приедет, – не удержался и поделился он с хозяйкой кофейни.

Хозяйка всплеснула руками и сделала грустное лицо – а затем заговорила про какой-то суд, про то, что дело, вероятно, в нем. Платон нерешительно переспросил, но хозяйка толком ничего не знала – суд и суд, Радек Шипка ей говорил как-то, что-то с компанией, в которой работает Андрей Александрович, а деталями она не располагает, да и Радек, кажется, тоже.

В суде дело было или нет, а только Платон, спустившись однажды в гостиную, услышал через закрытую дверь, как тетя Лиза говорит с кем-то по телефону из спальни – на повышенных тонах.

Голос ее дрожал.

– Я устала! – разобрал Платон и ужаснулся, услышав в голосе тети Лизы слезы. – Сколько еще ты будешь мне врать! Сколько еще мне это терпеть!

Платон заткнул уши пальцами и беззвучно – ниндзя, а не Платон – почти не дыша, пятился из гостиной до самой лестницы, а затем взлетел по ней, не скрипнув ни одной ступенью, точно призрак. А наверху – дома, кроме него и тети Лизы, никого не было – не выдержал и прокрался в конец коридора, мимо картин и Аниной комнаты, к комнате Андрея Александровича. Прислушался, точно за дверью все-таки мог кто-то прятаться, скрючился и посмотрел в замочную скважину.

В полумраке – шторы в комнате были задернуты – он разглядел край письменного стола, кресло с высокой спинкой, книжный шкаф, а на нем какой-то не то сверток, не то... Платон, холодея при мысли о том, что если у него получилось бесшумно подняться по лестнице, то может получиться и у тети Лизы, присмотрелся и понял, что принял за сверток чучело совы.

Сова была крупная, с круглой головой и круглыми, чуть поблескивающими глазами. Платону показалось, что она смотрит на него, и подумалось-вспомнилось некстати, что совы прекрасно видят в темноте – и против воли ему стало не по себе. Он еще немного посверлил сову взглядом – назло, чтобы не получилось, что он струхнул, – а затем распрямился и ушел к себе.

...Приближалась презентация проекта, надо было сделать последний рывок, навалиться как следует, и теперь, если после учебы ехали в общежитие, Платон был рад – и старался вернуться как можно позже, помня при этом про устав, устои и недопустимость ночевки за пределами дома.

Не та была обстановка, чтобы он подвергал сомнению даже такие, казалось бы, не слишком справедливые правила.

Впрочем, остаться переночевать и попить пива или поиграть в шахматы или сходить наверх к шумным соседям ему никто и не предлагал – проект всех вымотал и продолжал выматывать, даже стипендиаты лезли на стену и в институте при виде Сергеева или Вали убегали в другой конец коридора.

На Платона они почему-то реагировали так, словно знать его не знали.

Даже Сергеев приуныл – потому как кроме проекта много сил тратил на Ирину, потянувшую на теннисе связи.

– Я всегда говорил, что теннис... – шипел он. – Лучше бы в бассейне плавала.

И глаза его становились масляными.

– В купальничке.

По институту Ирина перемещалась с костылем, и Сергеев сопровождал ее от аудитории к аудитории, таскал ее вещи, отлавливал с ее неуверенного согласия стипендиатов, которые и от нее теперь прятались.

Ирина на старания Сергеева смотрела восхищенно и растерянно – и теперь позволяла провожать себя до дома, и даже до самой квартиры, которую снимала вскладчину с подругами.

– Жалко, у них лифт всегда работает, – делился он с Платоном. – Я бы ее на руках донес.

Даже Валя изменил свое отношение к Сергееву – и стал с ним мягче.

– Может, и правда влюбился наш Сергеев, – говорил он Платону. – Я-то думал, он кобель и скот, а он вон чего...

И тут же поправлялся:

– Нет, он, конечно, кобель, это факт. И скот, вероятно. А все-таки...

Иногда, когда они сидели допоздна за проектом, к ним приезжала Берта – привозила чего-нибудь перекусить и сидела тихонько в уголке, на Валиной кровати, глядя в телефон и время от времени дотягиваясь до Вали за слюнявым поцелуем.

Валя в такие моменты выглядел счастливым и сидел гордый – но уши у него краснели как кипятком ошпаренные.

Темнело совсем рано, холодало, по улицам катался ледяной ветер и видно было, что вот-вот наступит ноябрь. Вся Прага была обклеена скелетами и черными кошками – к Хэллоуину. В общезжитии от окна тянуло морозом, и Сергеев с Валей говорили в нос.

Чтобы хоть как-то поспособствовать выправлению атмосферы в доме тети Лизы, Платон всерьез взялся за Чехова – и в электричке теперь исправно читал по рассказу утром и по рассказу вечером.

– Я, кстати, читаю ваш сборник, – сказал он Ане в один из выходных, спустившись на первый этаж и застав ее в кухне, сидящую за столом.

Тетя Лиза вместе с Колей ходила по магазинам.

Аня подняла глаза от книги и посмотрела на Платона вопросительно.

– Ну, – пояснил Платон, приваливаясь плечом к дверному косяку. – Чехова.

– А, – качнула головой Аня. – Я думала, вы его давно прочли.

Платон крикнул.

– Вы большой молодец, Платон, – проговорила Аня, возвращаясь к книге. – Когда-нибудь я расспрошу вас о впечатлениях.

За кухонным окном серел двор, видно было, как вишня царапает ветвями крышу беседки. В кухне пахло обедом – в духовке что-то запекалось.

– Я могу сейчас рассказать, – предложил Платон.

– Сейчас не нужно, спасибо, – отозвалась Аня и перелистнула страницу.

Платон пожал плечами и собрался уходить.

– Оставайтесь, Платон, – попросила Аня. – Посидите со мной.

Она, не прекращая читать, показала на свободный стул.

– Мама оставила меня караулить, – Аня показала на духовку так же, как прежде показала на стул. – А одной сидеть все-таки скучно.

Платон не стал спрашивать, не скучно ли сидеть одной то в комнате, то в беседке, и угукнул.

И затем они долго сидели молча – Аня читала как ни в чем не бывало, переворачивала страницу за страницей и сдувала падающую на лицо прядь, а Платон смотрел то на духовку, то на окно, то на сухоцветы в вазочке. В конце концов он стал тосковать и раздражаться.

«Сижу тут как дурак», – и он прикидывал, сколько всего мог бы сделать за это время.

– Как ваш проект, Платон? – спросила Аня, не отрываясь от книги.

– Проект?

– Вы говорили, что с товарищами работаете над каким-то проектом.

Платон спохватился.

– Ах, этот проект.

И он принялся рассказывать Ане про проект – и дошел даже до какого-то воодушевления, потому что решил, что лучше уж обсуждать проект, чем сидеть молча.

– Ужасно скучно, – резюмировала Аня, когда он закончил. – Невыносимо.

И перелистнула страницу.

Платон почувствовал укол досады.

– Ну почему же... – заерзал он. – Если посмотреть под другим углом, то...

– С какого угла ни посмотри, не обманывайте себя, – сказала Аня равнодушно и продолжила чтение.

Платон вздохнул.

– Я пойду, пожалуй.

– Посидите еще немножко, – попросила Аня. – Я вам за это одну вещь скажу.

– За это... – хмыкнул Платон. – Я и просто так посижу, мне не сложно.

И он уселся поудобнее, закинул ногу за ногу.

– Хорошо, – согласилась Аня. – Если не сложно, то посидите просто так.

И снова потянулись одна за другой невозможно длинные, готовые в любой момент замереть минуты тишины. Платон смотрел на электронные часики на микроволновке и в промежутках между сменой цифр успевал досчитать до ста пятидесяти.

Скоро он снова начал тосковать и раздражаться – он завозился на стуле, засопел, давая понять, что сейчас уйдет.

– Секунду, Платон, – Аня подняла указательный палец вверх, а затем опустила его к книге и поехала кончиком ногтя со строчки на строчку. – Се-кун-ду...

Она дочитала страницу и закрыла книгу. И посмотрела на Платона светлыми спокойными глазами.

– Спасибо, Платон. Вы просто так посидели, я просто так скажу.

Платон сел ровнее.

– Представляете, Платон, – Аня подперла подбородок рукой. – Я сегодня все утро переписывалась с сестрой.

Платон растерялся.

– С... сестрой?

Аня кивнула безмятежно.

– Да, Платон, с сестрой. Разве вы не знали, что у меня есть сестра?

Платон покачал головой.

– Я думаю, именно ее вы видели в Праге с Желтковым, – сказала Аня и тут же рассмеялась. – Шучу-шучу, вы видели меня, это мы уже выяснили, не так ведь?

– Так, – вздохнул Платон.

– Но уверяю вас, Платон, увидь вы в Праге ее... не с Желтковым, конечно, причем тут Желтков... поверьте, вы бы могли решить, что она – это я. Мы с ней удивительно похожи.

Платон закрыл глаза и улыбнулся.

– Вы меня опять разыгрываете.

Когда он открыл глаза, Анино лицо выглядело оскорбленным.

– С чего бы мне разыгрывать вас, Платон? Мы кажется, выяснили и то, что захоти я разыграть вас, я бы сказала, что у вас на воротнике пятно от соуса, не так ли?

Платон что-то такое припомнил.

– Я знаю, что не все умеют правильно реагировать на чужие откровения, Платон, – Аня убрала руку от подбородка и села ровно, посмотрела в окно. – Не знаю сама, зачем я к вам с этим полезла... Простите меня, Платон, вы можете идти, если хотите.

Платону стало стыдно.

– Простите, – протянул он. – Я не хотел... Так вы говорите, у вас есть сестра?

Аня помолчала, затем кивнула, лицо ее, повернутое к окну, светлело.

– Да, Платон, есть. От первого брака папы, на два с половиной года старше меня.

Платон молчал.

– Но она, если хотите знать, выглядит удивительно молодо, – продолжила Аня. – По меньшей мере моей ровесницей, мне так кажется. Мы с ней виделись всего один раз, но мне казалось, что я смотрю в зеркало.

– Где же вы виделись?

– Здесь, в Праге. Она приезжала вместе с папой, но, понятно, не жила у нас, папа снимал ей номер в гостинице... кажется, в этом нет ничего такого, как вы считаете, Платон?

Платон пожал плечами.

– Я разузнала адрес гостиницы и вечером под каким-то предлогом уехала в Прагу, а там уже нашла ее... это не составило труда... и мы премило пообщались на той самой террасе, на которой вы видели меня с Желтковым, Платон.

Она говорила ровным, безмятежным тоном, словно не делилась такой, в общем-то, деликатной информацией, а пересказывала увиденный в кино или прочитанный в книге сюжет. Как реагировать и что отвечать – и нужно ли как-то реагировать и что-то отвечать – Платон не знал.

– Тогда-то я и увидела, как сильно она похожа на меня, – сказала Аня. – То есть это, конечно, видно и по фотографиям, но фотографии могут соврать, а живую... Поверьте, Платон, если вы когда-нибудь увидите ее, вы сразу поймете, что это она – если не решите, что это я.

– Где же я могу ее увидеть?

Аня пожалала плечами.

– В России, где же еще. Сейчас они, правда, живут где-то на севере... в Норильске или Хабаровске, кажется, по месту службы... отчима. Но вдруг вас, Платон, занесет в такие края? – она улыбнулась и бросила на него повеселевший взгляд. – Хотя да, я помню о вашей привязанности к Москве.

Она снова стала серьезной и снова смотрела в окно.

– Знаете, Платон, мне кажется, что никто на всем белом свете не понимает меня так, как эта девушка. Мне кажется, она одна может меня понять в полной мере, ощутить то, что ощущаю я. Это так странно, Платон, когда я думаю об этом, я чувствую себя совсем одинокой. Более одинокой, чем была бы, не будь у меня вовсе никакой сестры.

Платон вдруг подумал, что все это может быть как-то связано с отмененным приездом Андрея Александровича – и ему стало не по себе.

– Тяжело, Платон, когда рядом нет человека, способного понять тебя. Не просто услышать, не сделать вид, что понял, а понять по-настоящему. Я... – она запнулась и голос ее дрогнул. – Я, Платон, часто думаю, что вот-вот умру.

Платон почувствовал, как брови его ползут вверх.

– С чего же вам умирать? – спросил он с тревогой.

Она улыбнулась невесело, поднесла руку к лицу и коснулась губ кончиками пальцев.

– Не знаю, Платон. А только часто бывает, что... вот лежу я ночью, не могу уснуть... или читаю, например... И вдруг сердце... как будто что-то происходит с ним, как будто оно сжимается и холодеет. И я сама тогда холодею, Платон, и мне кажется, что... Что еще немного, еще каких-нибудь несколько минут, и все... Понимаете, Платон? Все.

Платон увидел, что глаза ее блестят.

– И так страшно становится, Платон, если бы вы знали... Я помню, мы с вами договорились не умирать, не так ли? – ее губ коснулась тень улыбки. – Но так страшно, Платон, так страшно... И знаете, вот в такие мгновения я чувствую себя ужасно одинокой. Так бы и выбежала на улицу, Платон, верите ли вы мне? Выбежала бы и первому встречному в ноги бы кинулась... лишь бы растаяло это одиночество, испарилось, как дым.

Платон сидел, не шевелясь.

– В такие мгновения я вспоминаю, что у меня есть сестра, что никто в целом мире меня не поймет так, как она, что и ее, быть может, никто не поймет лучше меня, и она знает это... И

представляете, Платон, от таких мыслей одиночество мое как будто только усиливается, и сердце болит еще сильнее. Я замираю и жду – и пошевелиться не могу от тоски и страха...

Она замолчала, Платон услышал, как бьется о столбик беседки кормушка.

– А потом? – спросил он тихо.

Аня моргнула раз, другой и посмотрела на него непонимающе.

– Что – потом?

– Потом – проходит сердце?

Аня посмотрела на него как на человека, по глупости сказавшего что-то неприличное.

– Проходит, Платон, спасибо вам за беспокойство.

Платон поерзал, посмотрел в окно и, понимая, какой будет реакция, все-таки пробормотал:

– С таким ведь не шутят... Может быть, вам обратиться к врачу?

Аня опустила голову, зажмурилась и, не открывая глаз, попросила:

– Идите к себе в комнату, Платон, вам надо заниматься проектом.

Платон смутился.

– Но...

– Идите, Платон, идите. Идите, пока я не открыла глаза. Если я сейчас открою глаза и увижу вас, от вас, я боюсь, останется горстка пепла, Платон. И не говорите мне ничего! – она повысила тон. – Пожалуйста, не говорите!

Вдобавок к тому, что она по-прежнему продолжала жмуриться, она закрыла уши ладонями – и зашептала быстро-быстро:

– Уходите, Платон, уходите, прошу вас, и никогда не возвращайтесь, никогда, слышите...

Платон, чувствуя себя круглым дураком, встал и вышел из кухни, поднялся наверх, нарочно скрипя ступенями как можно громче. В комнате он сел за стол и долго тер лицо ладонями.

А затем принялся за учебу.

***

Дни перед презентацией Платон провел в каком-то полубессознательном состоянии – плохо спал, в спешке переписывал свою часть проекта, рискуя все испортить, метался между вокзалом и общежитием, а потом выдохнул, почувствовал себя завалившимся набок кувшином, из которого разом вылилось содержимое, и моргнуть не успел, как обнаружил – точно во сне наяву, точно со стороны на себя глядя – что сидит за столом на сцене, а сцена расположена в главном зале института, и все места в зале заняты, и в первом ряду маячат произносившие вступительное слово шишки – вон и министр, руки на груди кренделем – и у студентов тут и там поблескивают в свете ламп очки, а из углов смотрят черными дырками хэллоуинские тыквы и точно смеются над ним.

За стенами института, знал Платон, уже свистел ветром ноябрь, пешеходы кутались в шарфы, в кофейнях – не протолкнуться.

Платон вспомнил милую кофейню с механизмом, вспомнил, как там тепло и светло и хорошо, и почему бы ему не остаться жить в ней, устроившись за еду помощником к хозяйке? Все равно он, кажется, ни на что большее и не годится, если уж говорить откровенно.

Подобные мысли, вероятно, давили и на Сергеева с Валею, сидящих рядом с ним. Оба были бледные, с мешками под глазами, но Сергеев, понятно, храбрился и нарочно вскидывал подбородок, расправлял плечи, а вот Валя совсем приуныл и только теребит нервно пуговицу на рубашке, надо как-то дать ему понять, чтобы перестал – а то расстегнет ненароком, и тогда совсем пиши пропало.

Ирина закончила объявлять их проект, еще раз извинилась за временную хромоту, пошутила про теннис, озарив зал своей улыбкой, и с помощью ведущего – Сергеев скрипнул зубами – удалилась за кулисы, откуда потрясла ободряюще кулаками.

Освещение в зале приглушили, и проектор вывел на белое полотно экрана – занимающего половину сцены – первый слайд.

– Дорогие коллеги, – просипел Сергеев в микрофон и смутился. – Прошу меня простить, – он кашлянул, стукнул пальцем по микрофону и пробасил как басил на соседей по общежитию: – Дорогие коллеги!

И начал презентацию. Решено было, что выступающие будут говорить по-русски, а переводчик – занявший место Ирины и ведущего за кафедрой, упитанный, краснощекий парень, похожий на повзрослевшего Матиаса – переводчик будет озвучивать сказанное сперва по-английски, а затем для надежности и по-чешски. Платон ждал, что он затараторит и по-китайски – вон и китайская делегация, полтора ряда – но китайцев, видимо, решили оставить в блаженном неведении относительно содержания проекта.

Сергеев басил, переводчик переводил, слайды на экране медленно сменяли друг друга, Валя теребил несчастную пуговицу, а Платон не поднимал глаз от своего текста – но не потому, что перечитывал его, чтобы закрепить, а чтобы не дать волю нервному, неуместному смеху: ему вдруг представилось, как Сергеев вот этим вот басом вместо «дорогие коллеги» говорит «ну здорово, бандиты», и теперь, чем дольше звучал этот бас, тем невыносимее Платону хотелось расхохотаться, он даже вспотел.

Чтобы отвлечься, он стал думать про кофейню, про Прагу, про рощу за лугом, про Анины чудачества, от которых он порядком устал, про Андрея Александровича и его несостоявшийся приезд, про бегство в Сербию и преследование, а затем вдруг неожиданно для самого себя, впервые за долгое время, за годы, наверное, вспомнил, как ребенком отстал от мамы в метро, в толпе у эскалатора, как его оттеснили в сторону, а мама, наверное, уехала наверх, как он оказался вдруг среди незнакомых и страшных людей, их курток, сумок и рукавов, как заплакал, заголосил и кто-то позвал сотрудника метро и его провели в стеклянную будочку перед эскалатором, тесную, только кресло и панель управления и помещались, и сотрудник проговорил что-то в микрофон, а затем вышел, оставив Платона в будочке, и зареванный Платон остался стоять, вцепившись рукой в спинку кресла, а вокруг него шумела толпа, текла в обе стороны, уплывала наверх и спускалась, и горели на панели огоньки, и на стекле краснела наполовину обколупанная надпись. Потом в будочку ворвалась мама, сама в слезах, и схватила его, выволокла, подняла на руки – и так, у нее на руках, он и ехал потом на эскалаторе, пачкая, вероятно, краями подошв чье-то пальто. Затем – Платон не помнил, куда они направлялись изначально – мама отменила все планы и повела его в кондитерскую, и они, уже успокоившись и отдышавшись, сидели за столиком у окна и уплетали сладости.

«Это еще к чему? – удивился Платон воспоминанию. – И почему так тихо?»

Он вдруг понял, что по залу больше не разносится смешной бас Сергеева – а значит, должен разноситься голос самого Платона.

– Поприветствуем моего дорогого коллегу, – нашелся Сергеев. – Поддержите его, он, кажется, немного волнуется.

Раздались аплодисменты. Платон растянул губы в улыбке, кивнул благодарно, затем придвинул поближе распечатанный текст, поймал внимательный взгляд повзрослевшего Матиаса и приступил.

После него говорил Валя – и дважды сбился, а один раз переводчик обернулся и посмотрел с недоумением, не понимая, что Валя хочет сказать.

– Это поговорка, – пропищал Валя, покрывшись лиловыми пятнами, – имеется в виду, что...

И он, сбиваясь, объяснил переводчику смысл сказанного. Переводчик хохотнул и затараторил по-английски, причем отвлекся и поведал всему залу казус с поговоркой. В зале послышался смех, министр в первом ряду заулыбался и расплел руки.

Обстановку таким образом получилось разрядить.

После их презентации настал черед следующих, но Платон и Сергеев, и даже Валя ничего слушать не стали, а нырнули из-за кулис в лабиринт коридоров и вывалились в холл, в котором их ждала Ирина со стипендиатами.

– Молодцы! – сияла Ирина. – Умнички!

Она стиснула Сергеева в объятиях и поцеловала в щеку.

– Ирэн, – забормотал тот. – Я готов еще пять презентаций провести, раз такое дело...

Решено было дождаться окончания конференции и идти в бар. Валя тут же побежал искать Берту, а Платона – за отсутствием спутницы – озадачили бронированием стола. Он не возражал – тем более что сидеть в конференц-зале желания не имел – и, не одеваясь, чувствуя, как ветер лезет за шиворот и в рукава, добрел до бара, того самого, в котором они сидели после первого учебного дня, расположенного в двух шагах от института. Добрел, спустился по каменной лестнице и забронировал стол в углу – а затем заказал себе кофе и посидел в тихом темном зале – посетителей было всего ничего. Бармен за стойкой переставлял с места на место бутылки, по телевизору крутили без звука «Охотников за привидениями».

Выпив кофе и пригревшись, Платон решил, что по большому счету в его возвращении в институт сейчас нет никакого толку. Он позвал официанта и заказал себе порцию жареных колбасок, да с картошечкой, да лучка побольше. И ко всему этому великолепию – стакан газировки. Потом догнал официанта и попросил поменять газировку на пиво. Написал Сергееву, что дождется их прямо тут, попросил захватить куртку в гардеробе, выдохнул облегченно. Положил подбородок на кулак и стал смотреть «Охотников за привидениями» – и пока смотрел, пока слышал, как за занятыми столиками клацают ножи и вилки, а из кухни доносится шипение, почувствовал, что здорово проголодался и верно поступил, оставшись.

Окна под потолком были серы и угрюмы, в них мелькали ноги прохожих.

– Your beer.

Но Платон не притронулся к пиву, пока перед ним не оказались колбаски – пышущие жаром, в пузырящейся корочке, втиснутые вместе с гарниром в толстобокую сковородку на деревянной подставке.

«Охотники за привидениями» закончились, тут же началась вторая часть. Платон не спеша ел, прихлебывал пиво, смотрел то на телевизор, то на окна и думал о том, что Сергеев и Валя сейчас или в переполненном зале, или в одном из институтских коридоров, или у вендингового аппарата, так как и они, кажется, не обедали.

«Шли бы лучше сюда, дураки, – думал он благодушно. – Все, и Ирина, и Берта, и Матиас-переводчик, и министр...»

И он представлял, как из института по направлению к бару движется воодушевленная толпа, а впереди всех марширует Сергеев. Одной рукой он поддерживает хромую Ирину, а другой раскручивает над головой Платонову куртку.

Устав смотреть в телевизор и на окна, Платон достал из сумки Чехова, нашел место, на котором остановился неделю назад, и продолжил чтение.

К приходу в бар Сергеева и Ирины со стипендиатами – Валя и Берта задерживались и обещали быть с минуты на минуту – Платон выпил еще один бокал и подразмяк в тепле.

За окнами синели уже сумерки, ноги прохожих таяли в них и превращались в смутные тени.

– Ну, братец, ты даешь! – воскликнул Сергеев, вручая Платону куртку и помогая Ирине сесть. – Только оставили одного, а ты уже косо!

Платон улыбался и жмурился, точно кот.

– Ничего, – вступилась за него Ирина. – После такого-то триумфа можно.

Платону рассказали, что проект их имел оглушительный успех, и еще десять поколений стипендиатов будут использовать его в качестве образца.

Стипендиаты, облепившие стол, кивали и поддакивали – хотя еще неделю назад Платона в упор не замечали.

Приятным дополнением к успеху стал раздобытый Ириной выходной – всем троим завтра можно было в институте не появляться. О чем Платон сразу же, пока язык не заплетается, сообщил тете Лизе.

– Хорошо, Платоша, – сказала та. – Спасибо, что позвонил.

Платон по голосу понял, что она говорит с закрытыми глазами.

Подошел официант, принял заказ и вернулся с подносом полным бокалов. Даже Ирина пила не вино, а эль.

– Здесь недурный вишневый эль, – отрекомендовал ей Сергеев, и она послушалась.

Ирина где-то успела переодеться, и теперь на ней сверкало и переливалось в свете лампы платье, будто бы склеенное из зеркальных лепестков, – на тонких ниточках-бретельках.

Пришел с Бертой Валя – губы у обоих распухшие, обветренные – пришлось придвигать еще стулья. Платон, полчаса назад безраздельно властвовавший столом, оказался прижат к стене шумной, компанией – и ему было хорошо и весело, и особенно он радовался тому, что пришел сюда раньше всех и как будто успел пожить здесь своей собственной, не такой, как у остальных, жизнью.

Вскоре на столе телефон некуда было положить – он трещал и ломился под тяжестью тарелок, сковородок и дощечек с салатами и брускеттами, а уж о бокалах и говорить нечего, некоторые даже в руках их держали из-за нехватки места.

– За прожект! – кричал Сергеев, и все пили за прожект.

– За Ирэн! – кричал он спустя минуту, и все пили за Ирину.

– За Валентина, который вместе с нами пошел разбираться к соседям!

– За Платона, который занял для нас стол и стерег его столько времени!

– За Платона, который философ!

– За Сергеева, – поднял бокал Платон. – Без которого тостов было бы раз-два и обчелся.

– Ни одного, дружище! – заверил, смеясь, Сергеев. – Кто бы вас тут всех собрал!

И, прерываясь на тосты, поглощая заказанное, отвлекаясь на телевизор и телефоны, стали вспоминать: как сидели в этом баре впервые – во-он за тем столиком – как Сергеева рисовал на мосту художник, как братались с каким-то чехом в другом баре, с неоновыми лампами, как заседали в общежитии над проектом...

Бар мало-помалу заполнялся посетителями, музыка уже играла громче, по экрану телевизора бегали, заворачивая футболки на лицо, футболисты.

– Я, главное, договорил, – хохотал Сергеев, – а Платон-то наш, весь в мечтах!

Платон кивал довольно – было, было. И рассказывал, как чуть не засмеялся, прямо на сцене, поставив на место «дорогих коллег» «здорово, бандиты». Все тут же просили Сергеева изобразить, и он сперва отнекивался, а потом прочищал горло, просил тишины и...

– Здорово, бандиты.

Взрыв хохота, вразумление непросвещенных стипендиатов.

– А как Валя домой хотел! Чужое, говорит, все, уеду! Теперь-то, чай, не тянет уезжать?

– Не тянет, – расплывался в улыбке Валя и покрепче обнимал Берту, которая как пришла, так и шепталась только с ним, хихикала и не поддерживала ни одной общей темы.

– Берта! – звал ее Сергеев. – Расскажите что-нибудь, что вы как неродная!

Берта поднимала на Сергеева синие глаза, а затем с придыханием рассказывала о шахматном турнире, который пройдет здесь, в Праге, в декабре. Призовой фонд три тысячи евро, съедутся какие-то шахматные знаменитости – она стала называть имена, и на каждом Валя хватался за сердце.

– Как же так! – сокрушался он. – Только я уеду...

И он осекался, смотрел на Берту полным тоски взглядом.

В какой-то момент Платон почувствовал, что в ушах у него шумит – и пошел проветриться вместе со стипендиатами, которые по очереди курили одну электронную сигарету на всех.

На улице было совсем темно, горели, уходя вереницей вдоль тротуара, фонари. Дул, не прекращая, пробирающийся до костей ветер, гудел, гнал по тротуару листву. Стипендиаты гомонили о чем-то своем, торопили курящего – покурившие чтобы вернуться, не покурившие чтобы покурить – мимо спешили, вжимаясь в шарфы и воротники, прохожие – странно было видеть их целиком, а не только ноги – шпили и скаты высоких крыш вращались в черно-фиолетовое небо. Платон стоял, сунув руки в карманы, и дышал – и сам вспоминал, как приехал

сюда два месяца назад, как удивлялся всему, а теперь вот освоился, точно всю жизнь здесь живет.

Вернувшись в бар, он увидел, что Валя и Берта в числе еще нескольких посетителей танцуют на пятачке возле барной стойки, а Сергеев и Ирина целуются, сидя за столиком, причем от удивительного платья по стене вокруг них плавают блики.

При шуме стипендиатских голосов Ирина отпрянула от Сергеева, и они сели ровно – но когда Платон залез на свое место, Сергеев подмигнул ему и протянул бокал.

Потом принесли шоты, потом еще пиво, потом Платон сам танцевал, цепляя локтями Валу. В какой-то момент Сергеев попрощался со всеми и уехал провожать Ирину – осторожно повел ее между столиками, придерживая за талию и свободной рукой раздвигая встречный поток посетителей. Потом, не прощаясь, исчезли и Валя с Бертой – как в воздухе растворились.

Платон остался со стипендиатами и долго доказывал им, что лучше Чехова автора на свете нет – тряс сборником, зачитывал, сбиваясь, наугад выбранные страницы.

Затем откланялись и стипендиаты – внезапно оплатив весь счет, даже кофе и колбаски, открывающие безразмерный чек. Платон, удивленный, постоял с ними на крыльце, дождался, пока каждый из них покурит – затягиваясь и выдыхая жидкий дым, они говорили по-своему, но Платон, как ни силился, не мог понять, что это за язык, так он был пьян. Попрощавшись с ними – каждый стипендиат счел своим долгом стиснуть Платона в объятиях – и проводив взглядом – больше Платон их ни разу не видел, до самого отъезда, – Платон вернулся в бар и посидел еще немного за опустевшим столом, вышел, покачиваясь, на улицу, поймал такси и поехал на вокзал. Подремал в зале ожидания, подремал в электричке и на автопилоте, механически перебирая ногами, побрел по тихим и темным улицам к дому тети Лизы.

На полпути его стошнило – пришлось посидеть на скамейке и отдышаться, приходя в себя. На счастье, в кармане куртки обнаружилась мятные леденцы.

***

Проснувшись к полудню с раскалывающейся от боли головой – Платон помнил, что открывал сам, что закрывал тоже сам, что, собрав волю в кулак, чистил как ни в чем не бывало зубы и, вероятно, не вызвал особых подозрений, потому что ухитрился нигде не упасть и ничего не уронить, а в доме уже было тихо, даже у Коли в гостиной свет не горел – проснувшись к полудню, Платон, понося себя последними словами, сполз с кровати, доковылял, цепляя самолетики макушкой, до окна и распахнул его, стукнув створкой по глобусу. Подставил лицо холодному ветру, с готовностью нырнувшему в комнату. Затем вернулся в кровать и лежал на одеяле пока не замерз. Снова сполз, закрыл окно, нашарил в рюкзаке и бросил в рот таблетку. Пока она растворялась в вязкой слюне, стоял, привалившись к стене плечом, смотрел, как за окном чешет желтый луг ветер.

Над лугом и рощей нависало серое ноябрьское небо.

Внизу, на первом этаже, звучали голоса, позвякивали тарелки. Платон страдальчески подумал, что надо как-то обозначить себя, показать, что жив, здоров, насколько это возможно бодр – и вообще ничего такого не было, погулял и вернулся, а теперь вот он, как огурчик, готов к учебе и досугу.

Платон с полной уверенностью мог сказать, что он жив. С неполной – что здоров. С бодростью было совсем плохо. Он снова открыл окно – приоткрыл, пусть комната проветривается – и выскользнул в коридор, просеменил вдоль стены в ванную. А в ванной долго, фыркая и отплеываясь, умывался – то холодной водой, то горячей – долго брился, долго чистил зубы, скреб щеткой и язык, и даже щеки с внутренней стороны, долго стоял под душем.

Когда он – малость посвежевший, причесанный и по-Валиному забрызганный одеколоном, в чистой футболке – спустился на первый этаж, голосов уже слышно не было. За закрытой дверью кухни шумела вода – открывать и заглядывать, чтобы обозначиться, Платон не стал – выйдет же кто-нибудь рано или поздно, тогда и увидит его. Он прошел в гостиную и плюхнулся в кресло, почувствовал, как приземление отозвалось болью в затылке – одной таблетки на количество выпитого было недостаточно.

Платон стал прокручивать в памяти события вчерашнего дня, вспомнил, как танцевал в баре, как подпрыгивал и выбрасывал в стороны ноги, чуть ли не вприсядку там ходил – и зажмурился от стыда. Стал считать количество – и виды – напитков и сбился. Вздохнул, сел поудобнее, сдвинул занавеску, посмотрел в окно и увидел тетю Лизу с Колей – работающих в саду и, видимо, готовящих клумбы к похолоданию.

Значит, в кухне шумела водой Аня.

«Пойти помочь?» – подумал Платон и ужаснулся перспективе ползания между клумбами в таком состоянии – не удержится и кувыркнется с корточек носом в землю.

То, что вода вдруг перестала шуметь, Платон не счел достаточным основанием для того, чтобы разлепить веки. А вот скрип кухонной двери счел – и очень вовремя, потому что в следующий миг Аня оказалась на пороге гостиной.

– Платон! – взвизгнула она, и затылок Платона прожгло болью.

– Доброе утро, – сквозь боль процедил Платон как можно приветливее.

Уложенное на лопатки водными процедурами похмелье, кажется, набирало прежнюю силу.

– Зачем вы меня так пугаете, Платон? – выдохнула Аня, прижав ладонь к груди. – Я в своих мыслях, выхожу из кухни... А тут вы, как... Как...

Она вдруг прыснула и засмеялась.

– Я даже не знаю, с чем вас сравнить Платон, представляете?

Платон повел плечами. Аня вдруг перестала смеяться и пристально посмотрела на стол. Щеки ее сперва покраснели, затем сделались белыми. Платон проследил за ее взглядом и увидел, что в центре стола лежит пухлый ежедневник с цветным корешком.

– Платон, – медленно проговорила Аня, и в голосе ее звучал металл, – вы читали мой дневник?

Платон подумал, что при всем желании не смог бы сейчас читать.

– Нет, – вяло ответил он.

Аня пожевала губу, не сводя с него взгляда.

– Вы врете, Платон.

Платон вздохнул и подумал, что надо было уходить наверх до того, как перестанет шуметь вода – в конце концов, какое кому дело, в каком он состоянии? зачем ему обязательно «обозначаться», показывать, что он бодр и весел? он ведь взрослый человек, а не нашкодивший школьник, ищущий одобрения, разве нет?

– Нет, не вру.

Аня постояла на месте, а затем шагнула к столу и схватила с него ежедневник, прижала к груди, точно Платон мог броситься его отбирать.

– Вы врете, Платон, – прошептала Аня, и Платон увидел, что глаза у нее на мокром месте. – Вы сидели тут и читали мой дневник! И теперь... И теперь... – она зажмурилась. – О, как мне быть теперь!

Боль сдавила Платону виски.

– Да не читал я ваш дневник, – сказал он, нахмурившись. – Я его вообще не заметил, когда вошел. Если бы вы про него не сказали, я бы...

Аня стояла, закусив нижнюю губу, дневник она по-прежнему обеими руками прижимала к груди.

– Я вам не верю.

Платон скривился.

– Не верите, так не верьте, я ничего не читал.

Аня помолчала – обдумывая его слова.

– Вы не врете, Платон?

Платон качнул головой.

– Это «вру» или «не вру»? Я не понимаю.

– Не вру.

Аня вздохнула и прошагала к шкафчику, положила дневник на полку.

– Я очень хочу верить вам, Платон, – сказала она, обернувшись. – Но если вы мне соврали... Если вы читали мой дневник, – голос ее дрогнул, – который я по рассеянности оставила на видном месте, – голос дрогнул снова, – а затем еще и соврали, и теперь, сидя в кресле, молчаливо смеетесь надо мной, над моими тайнами и мечтами... – голос дрогнул в третий раз. – Знайте, Платон, что в таком случае вы самый подлый, самый низкий человек во всем мире, что подлость ваша не знает границ и заслуживает... заслуживает...

– Смерти, – раздраженно буркнул Платон. – Не читал я вашего дневника, не переживайте.

Аня оставила дневник в шкафчике, обошла стол и села на диван.

– Так уж и быть, – снисходительно кивнула она и примирительная улыбка коснулась ее губ, – я поверю вам, потому что я вообще склонна доверять людям, верить в них, если хотите... Но, – лицо ее приняло строгое выражение, – если все же...

– Да не трогал я ваш дневник, – вздохнул Платон, – сколько раз мне еще повторить?

Аня замолчала и посмотрела на него с прищуром.

– А что это вы не в духе?

Платон повел плечами. Аня еще какое-то время смотрела на него с прищуром, так вчитываются в мелкий текст, а затем рассмеялась звонко, запрокинув голову.

– Я поняла, Платон! – воскликнула она, и затылок Платона снова обожгло болью. – Это ведь после вчерашнего, да? Вчера вам было хорошо, а сегодня плохо, ведь так?

Платон скривился.

– Ах, Платон! Платон-Платон! – Аня погрозила ему пальчиком. – Я вас предупреждала, ваша разгульная жизнь... – она вскочила с дивана и стала в волнении расхаживать по гостиной. – Нет, я все понимаю, молодость, деньги и миллион способов применить не одно, так другое... Ах, Платон! – она остановилась и посмотрела на него испуганно и весело. – Как бы я хотела хотя бы одним глазком посмотреть на вас вчера! На вашу... На ваш кутеж! Мне кажется, это было ужасно смешно, Платон! Ужасно смешно! Расскажите! Расскажите мне все! – она приземлилась на диван и уперлась локтями в колени, положила подбородок на сцепленные пальцы. – Ни одной детали не упустите! Музыка, танцы – так ведь, Платон, я угадала? Красавицы, шампанское рекой?

Платон закрыл лицо ладонью, боль металась по черепной коробке как шарик в пинбольном автомате.

– Ах, молодость! – воскликнула Аня восторженно. – Венки пиров и чаши круговые! Впрочем, что это я, – она понизила голос, – ведь у вас, наверное, болит голова?

– Нет, – прохрипел Платон, – не болит.

– С какой легкостью вы врете, Платон, – с укоризной сказала Аня. – Это меня беспокоит в вас, вам лучше бы поработать над собой, чтобы... – Она замолчала. – А знаете, я вот сейчас подумала, что вы все-таки могли читать мой дневник. Признайтесь, Платон, сбросьте камень с души...

Платон застонал.

– Не стоните, Платон, прошу вас. Я не буду вас больше мучить и уйду на кухню, хорошо? Но дневник я с собой брать не буду, пусть уж он, если позволите, лежит себе здесь. Вы ведь все равно его уже читали, Платон, что он для вас теперь? Он для вас теперь не более, чем...

Платон не выдержал. Он убрал руку от лица и посмотрел на Аню с таким возмущением, которого сам от себя не ждал.

– Я, – процедил он, морщась от боли. – Не трогал. Ваш. Дневник. Оставьте вы меня в покое в конце концов!

Аня застыла как вкопанная. А Платона, что называется, прорвало:

– Хватит надо мной издеваться! Зачем мне может понадобиться ваш дневник! Я никогда ничьих дневников не читал, я нормальный, воспитанный человек! И какая вам разница, как я вчера... отдыхал! Что вы выставляете меня постоянно непонятно кем?! Медведи, цыгане... Что

это за чушь! – он шумно дышал, голова болела нестерпимо. – К чему это все вообще?! Какие-то... фантазии, позы, чаши круговые! – он передразнил ее и краешком ума отметил, что, вероятно, идет по тонкому льду, но остановиться уже не мог. – Почему нельзя общаться нормально, как все люди?! Что вы из себя строите все время какую-то... Не знаю кого! Постоянные сцены, картинничанье – вам-то самой это зачем? Вам – не надоело? Мне... – Платон сдержался, чтобы не выругаться, – надоело! Вот так мне это все надоело! – он ударил себя ребром ладони по кадыку. – Тю-тю-тю, сю-сю-сю, – прокривлял он Аню, – ах, Платон то, ох, Платон сё... Сколько можно?!

Он замолчал и, пытаясь отдышаться, уставился на Аню.

«Все, – подумал он, стремительно приходя в себя. – Конец фильма».

И он, холодея, уже чувствовал, что его сегодня же выставят вон – и ноябрь он будет доживать в общежитии – а и пусть.

Аня, всю его тираду выслушавшая молча, с круглыми глазами и белыми щеками, долго стояла, не шевелясь. Платон больше всего на свете хотел оказаться где-нибудь на другом конце земли, желательно в Москве, но взгляда не отводил – и смотрел Ане прямо в глаза.

«А вот нехрен, – выдавливал он из себя мысленно. – Нечего было...»

Анины губы, сжатые в нитку, расклеились – и внезапно растянулись в улыбке. Аня распахнула глаза еще шире и посмотрела на Платона восторженно.

– Bravo, Платон! – она точно очнулась ото сна и расправила плечи, шагнула навстречу Платону и зааплодировала. – Bravo! Замечательно!

Платон ничего не понимал.

– Вы большой молодец, Платон! – продолжала восклицать Аня. – Ах, какой вы молодец, Платон! Так держать! – она потрясла кулачком, а затем продолжила аплодировать. – Какой жар! Какой напор! Я горжусь вами, Платон! Горжусь!

Платон заерзал в кресле, не зная, как ему реагировать.

– Мне нравится этот жар, Платон! Я рада, что он в вас есть, я всегда знала, что он в вас есть! Говорите так всегда, Платон, не раскисайте! Не будьте размазней, Платон, вы же мужчина! Мужчина не имеет права быть размазней и кислятиной, мужчине зорно... Вы же Платон, а не... платок! – она вскинула голову. – Вы знаете, что означает ваше имя?

Платон кивнул.

– Широкоплечий, – пробормотал он.

– Широкоплечий! – подтвердила Аня. – Какое мужественное, сильное имя! Плечи у вас, конечно, не то чтобы слишком широкие, но дело ведь может быть вовсе не в... физических плечах, а... – она запнулась на миг, – в плечах души, так ведь, Платон?

Платон кивнул неуверенно.

– Главное, чтобы плечи души были широки, Платон! А обычные – подтянутся! Ах, как вы меня порадовали, вы себе и представить не можете! Я была так подавлена, так... угнетена, а вы так меня порадовали, спасибо вам!

Платон открыл рот, чтобы что-то сказать, но Аня его перебила:

– Не нужно, Платон! Не нужно ничего говорить! Ах, какой вы молодец! Так бы и расцеловала вас, Платон, верите ли вы мне! Но, боюсь, вы себе надумаете неизвестно чего... – она рассмеялась. – Позвольте хотя бы обнять вас! Позвольте обнять и тем самым выразить мое вами искреннейшее, сердечное восхищение!

Платон так и сидел с открытым ртом.

– Ну же, Платон, поднимайтесь, вылезайте из своего кресла, что вы, вросли в него в самом деле? Скорее, пока я не передумала!

Она раскинула в сторону руки, закрыла глаза и замерла в ожидании. Платон замешкался, а затем поднялся и шагнул ей навстречу. Аня открыла глаза и заключила его в объятия, Платон почувствовал, как пахнут ее волосы.

«А мне что делать?» – подумал он, не зная, обнимать ли ее в ответ, тем более что она своими руками крепко прижала его локти к его же бокам. Ему подумалось вдруг, что тетя Лиза может каким-то невозможным образом увидеть их через окно со двора – подумает, занавески!

– и ноги у него стали ватными. Но все это продолжалось лишь миг – а в следующий Аня уже отпрянула, придержав Платона ладонями за плечи, и посмотрела на него, склонив голову набок.

– Вы умница, Платон! – воскликнула она еще раз. – Знали бы вы, как я вами горжусь! А то все тью-тью-тью, – лицо ее вытянулось, – сью-сью-сью.

Она присела в реверансе а затем, смеясь, ушла из гостиной в кухню – через миг в кухне уже шумела вода.

***

На следующий день Платон уехал в институт – но теперь, после защиты проекта занятия ему казались легкой прогулкой: сиди себе да пиши, перешептывайся с Сергеевым, время от времени вылезай к кафедре и рассказывай, что думаешь – вот и вся наука. Выходи в перерывах в коридор, пей кофе, ешь в столовой, смотри на то, как за окнами скребут низкое серое небо шпиди, или на то, как Сергеев танцует вокруг Ирины.

Нога у Ирины почти совсем прошла, о недавней травме напоминала едва заметная хромота, но Сергеев по-прежнему не позволял ей носить тяжести, предугадывал каждое ее движение, придерживал ее за локоть, открывал перед ней двери, подносил кофе и так далее – выглядел он при этом совершенно счастливым.

– Ты, брат Платон, можешь упрекнуть меня, – шептал Сергеев, отрываясь от тетради и вращая кистью уставшей писать руки, – я, дескать, слишком уж... – он подбирал слова, – учтив с Ирэн, чуть ли не расшаркиваюсь перед ней...

Платон и не думал его упрекать – расшаркивается и расшаркивается, личное дело.

– Но знаешь, – продолжал Сергеев. – Впервые я в таком положении, что я рад, – он нажимал на слово «рад», – расшаркиваться. Ты меня знаешь, я обычно держался эдаким... – он снова замолкал, подбирая слово. – Гордецом, снобом. Пусть передо мной расшаркиваются, пусть за мной бегают... Чем меньше женщину мы любим, вот это вот...

Платон кивал.

– Но сейчас... – шептал Сергеев воодушевленно и глаза его блестели, Платон чувствовал его мятное дыхание. – Сейчас все совсем по-другому! Скажет она мне на колени перед ней стать – стану, брат Платон, не поверишь! Стану, при всех! – он расплывался в улыбке. – Но она, конечно, не скажет. Это я так, к примеру, понимаешь?

Платон понимал. Ожидать от Ирины чего-то подобного было нельзя – более того, она решительно протестовала против каких бы то ни было нежностей со стороны Сергеева в стенах института. Приобнять за талию или за плечи – ладно, но чтобы целоваться или даже стоять в обнимку – ни в коем случае.

Целовались и стояли исключительно в обнимку Валя с Бертой – для Берты это было как будто вполне естественно, а Валя, подозревал Платон, этим бравировал и втайне кичился. Где бы они ни появлялись вместе, они были прижаты друг к другу как два магнита. Если говорил Валя, Берта зарывалась носом в его волосы, если говорила Берта – это было редко – зарывался в волосы Валя. Сергеев посмеивался над ними, но так, чтобы Валя не замечал – любые подшучивания и даже улыбки в свой адрес при Берте Валя воспринимал в штыки и только что драться не лез.

По вечерам Валя пропадал в шахматном клубе, а Сергеев гулял по Праге с Ириной – или же сидел у нее, развлекая историями соседок по квартире. По пути в общежитие Сергеев – встретившись с Валею или сам по себе – заглядывал в бар и пропускал бокал-другой: на фоне эпопеи с проектом рутинная учебная нагрузка и им воспринималась как нечто несущественное.

– Нам теперь море по колено, – говорил он Платону. – В Москву вернемся прокачанными, будем все с закрытыми глазами успевать.

Сергеев осекался и замолкал – когда речь заходила о возвращении в Москву, взгляд его туманился.

– Ничего, – встряхивал он головой после паузы, – придумаем что-нибудь.

И глаза его снова становились веселыми.

Время от времени Платон получал от него приглашения – посидеть где-нибудь всем вместе, выпить, можно и Валю с Бертой позвать, они как будто не против – но Платон после попойки по случаю защиты проекта в очередной раз начал новую жизнь, по утрам старался делать какую-никакую зарядку, а во второй половине дня, вернувшись с учебы, гулял по городку, предчувствуя – пока еще издали, краешком – скорое и неизбежное расставание.

Нравилось ему сидеть в кофейне и рассказывать хозяйке про учебу или московскую жизнь, нравилось проходить мимо аптеки и кивать через стекло витрины аптекарской племяннице, нравилось мерять шагами площадь под присмотром Бронзового. Ноябрь крепчал, по подворотням свистел ветер, тут и там скрипели, вращаясь, флюгеры, затянутое облаками небо спускалось так низко, что казалось – еще немного и черепица на ратуше начнет трескаться. Но иногда облака расходились и, если было еще не поздно, Платон засматривался на бледную, глянцевою синеву, на то, как играет в желтых предзакатных лучах брусчатка и витражи, вензеля на оградах и колокольчики над дверьми лавок. В такие моменты ему казалось, что он очутился внутри картины того же Радека Шипки, например, или что он гуляет среди декораций причудливой театральной постановки, в которой он один – зритель, а все остальные – актеры: вот шаркает по тротуару почтенная пара – старичок и старушка – вот несутся вприпрыжку через площадь Матиасы в цветастых шапках, вот с важным видом расхаживает по газону галка, а в клюве у нее – веточка шиповника. Но потом облака сходились, витражи и ограды гасли, и странное ощущение пропадало – Платон еще немного смаковал послевкусие, а затем подтягивал повыше воротник и продолжал путь, здороваясь с теми, кому успел со своими прогулками примелькаться – а нагулявшись, чувствуя в ногах приятную усталость, а на висках под шапкой пот, разворачивался и шагал к дому тети Лизы.

Он так полюбил просто ходить по улицам, что он думал: новую привычку нужно сохранить и в Москве, вот мама удивится. А Москва, наверное, раскроется по-новому, обнаружит какую-нибудь неожиданную свою сторону. Впрочем, о Москве Платон думал как о чем-то нереальном, не факт что существующем – вот вернется он, тогда она и возникнет, вырастет из небытия со всеми своими проспектами и небоскребами, а пока... брусчатка, флюгеры, кофейня с деревянными шестеренками, Бронзовый в центре площади.

Вернувшись после очередной прогулки, серым и зябким, если не сказать «промозглым», вечером Платон – открыв своим ключом и водрузив куртку на вешалку – обнаружил, обернувшись, что в гостиной за столом, на его, Платона, месте сидит Желтков. Сидит и потягивает себе чай из чашки.

На какой-то миг Платон решил, что Желтков сидит в гостиной один. На какой-то миг Платон даже решил, что Желтков вообще – единственная живая душа в доме, потому что все остальные вообще-то сегодня отправились в гости, и даже Платону было предложено присоединиться.

Платон отказался и ушел гулять, захватив ключи.

На какой-то миг Платон подумал, что Желтков – псих, забравшийся в дом, пока в нем никого не было, разбивший окно или вскрывший заднюю дверь. И теперь перед Платоном стоит выбор: не связываться с психом и вернуться в промозглый вечер, а оттуда уже вызвать полицию, или разобраться с нарушителем самостоятельно, применив к нему какую-никакую, а все-таки физическую силу: скрутить там или вытолкать из дома, а затем все равно позвонить в полицию...

– Платон, это вы? – послышался голос Ани, и миг тревожных раздумий закончился.

Платон заглянул в гостиную и увидел, что Аня сидит в кресле у окна – том самом, из которого похмельный Платон давал ей отпор.

Аня приветливо помахала левой рукой. В правой она держала узкий бокал. Тут только Платон заметил на краю стола открытую бутылку шампанского.

– Здравствуйте, – кивнул Ане Платон. Затем кивнул и Желткову, а затем шагнул в гостиную и протянул Желткову руку.

Желтков одарил Платона равнодушным рукопожатием, пальцы у него были твердые и холодные.

– Я думал, вы в гостях, – сказал Платон Ане.

Аня сморщилась брезгливо и отхлебнула из бокала.

– Останься я там хоть на час, Платон, я бы сошла с ума от скуки.

Платон пожал плечами и развернулся, намеренный уйти наверх.

– Куда вы, Платон? – удивилась Аня. – Останьтесь.

Желтков за все время не издал ни звука – пожав Платону руку, он поднес к губам чашку и понемногу отпивал из нее.

– Да я... – замялся Платон. – Мне заниматься нужно...

Аня сделала грустное лицо.

– Заниматься... – повторила она за ним. – Вы все занимаетесь и занимаетесь, Платон, занимаетесь и занимаетесь. Как у вас еще голова кругом не идет от занятий?

Платон развел руками в стороны – как-то не идет пока.

– Ну пожалуйста, – попросила Аня, сложив брови домиком, – составьте нам компанию.

На самом деле Платон не собирался заниматься – но не сидеть же тут с ними?

– Вы могли бы выпить шампанского, – предложила Аня, указывая на бутылку. – Вполне приличное.

Платон покачал головой, и Аня замерла на миг, а затем кивнула понимающе и рассмеялась:

– Простите, Платон, я забыла, что вы начали новую жизнь! Платон теперь, – Аня повернулась к Желткову, – каждый день ходит на прогулку. Говорят, это даже полезнее, чем бег, представляете? Свежий воздух, движение...

Желтков слушал ее внимательно, чуть склонив голову набок.

– Как ваша сегодняшняя прогулка, Платон? – Аня посмотрела на него и отпила шампанского. – Видели что-нибудь интересное?

Платон улыбнулся устало и покачал головой.

– Ах, Платон, как это скучно, – вздохнула Аня. – Ходить, ходить по улицам полтора часа и ничего интересного не увидеть.

Губы Желткова дрогнули в улыбке.

«Какой неприятный тип», – подумал Платон.

Вблизи он видел, что лицо Желткова истыкано родинками – точно пока он спал, его кто-то разыграл, наставив на щеки точек фломастером.

– Если не хотите шампанского, Платон, то можете *так же* выпить чаю, – Аня кивнула на Желткова. – Чай вкусный, травяной с имбирем. Будете?

Если бы не ухмылка Желткова, уже покинувшая усыпанное родинками лицо, Платон бы отказался. Но уйти на такой ноте было несолидно.

«Солидно, не солидно, – тут же пристыдил он себя мысленно. – Что ты как ребенок? Хочешь уйти – уходи. Хочешь чаю с имбирем – пей чай с имбирем».

Хотелось и того, и другого. Лучшим решением было бы вообще взять чай и уйти к себе.

– Буду, – согласился он и Аня просияла. – Только схожу переодеться.

– Конечно-конечно, Платон! – воскликнула Аня и поднялась из кресла, шампанское в бокале заколыхалось, играя пузырьками. – Вы идите, а я пока за вами поухаживаю.

Видно было, что Аня уже немного навеселе.

«Накося выкуси, – мысленно пнул Платон Желткова, – не хрен было ухмыляться».

И ушел наверх. Переоделся, подумал, не сбегать ли в душ – после прогулки-то – решил не бегать. Попшикался дезодорантом и спустился, сел за стол напротив Желткова. Желтков едва заметно поерзал – то ли от неудовольствия, то ли просто устраивался поудобнее.

– Ваш чай, Платон. Не обожгитесь, он горячий.

Аня водрузила на стол поднос и сняла с него, поставила перед Платоном чашку. Над чашкой клубился пар.

– Вот печенье, – и в середине стола выросла доверху наполненная вазочка. – Вы тоже берите, – предложила Аня Желткову.

Желтков тут же вытянул длинную руку и двумя пальцами снял с вазочки песочный кругляш.

– Только не крошите, – попросила Аня. – И налейте мне, пожалуйста, шампанского, – она придвинула Желткову свой бокал.

Желтков медленно дотянулся до бутылки, медленно, чтобы не перестараться с пеной, наполнил бокал. Шампанское приятно зашипело.

– Благодарю, – кивнула Аня и подхватила бокал, вернулась в кресло. – Ваше здоровье, господа.

Бокал блеснул в свете лампы, Аня выпила. Платон подул на чай, слышно стало, как свистит за окнами ветер.

– И охота вам, Платон, – поежилась в кресле Аня, – в такую погоду ходить по улицам... Брррр...

– У природы... – начал Платон и тут же понял, как банально прозвучат его слова. – Ну вы поняли.

Аня рассмеялась.

– Конечно, поняла, Платон! Я даже думаю, что вы правы, и все-таки...

Желтков кашлянул и произнес длинную фразу по-французски. Голос его звучал низко, точно из погреба. Закончив, Желтков усмехнулся прежней своей неприятной усмешкой.

Аня нахмурилась и посмотрела на Желткова строго, а затем ответила ему – тоже по-французски. Желтков промолчал и вытянул из вазочки печенье.

Платон французского не знал и о чем шла речь, понять не мог.

– Вы знаете французский, – сказал он Ане неопределенно, не то чтобы удивляясь, а скорее просто констатируя.

– Ах, Платон, знанием это не назвать, – Аня благодарно склонила голову, – но кое-какие выражения я действительно смогла выучить.

– Ваш французский очень хорош, – подал голос Желтков и Платон удивился: что это он разговорился? – Но вы недостаточно усердны...

– Ах, прошу вас, – отмахнулась от него Аня. – Избавьте меня от ваших нравоучений, хорошо?

Желтков промолчал. Какое-то время сидели в тишине. Чай немного остыл, и Платон приступил к нему.

– Как вам чай, Платон? – поинтересовалась Аня.

– Вкусный.

– А печенье?

«С чего это она такая любезная?» – подумал Платон.

– Хорошее.

– Хорошее? – переспросила Аня, прищурившись.

Платон чуть замешкался и кивнул.

– А мне вот оно совершенно не нравится, – заявила Аня. – Сказать по правде, я не вообще не знаю, зачем вы его купили и принесли.

Последняя реплика была адресована Желткову. Желтков поперхнулся – печеньем – и закашлялся.

– Я не знал... – прохрипел он сквозь кашель. – Я думал, вам нравится...

– Не умрите тут, пожалуйста, – попросила Аня. – Пожалейте мою маму.

Желтков выдавил из себя улыбку и кашлять перестал.

– Что же, Платон? – повернулась к Платону Аня. – Что нового в Праге?

– Все по-старому.

– Как поживает ваш друг? Сергеев, верно?

Платон кивнул.

– Хорошо поживает, – печенье в вазочке разом потеряло свою привлекательность. – Порхает на крыльях... – Платон понял, что снова говорит штампами, но останавливаться было поздно, – любви.

«Сейчас опять ухмыльнется, гад», – подумал он, глядя на Желткова.

Желтков пил чай с отсутствующим видом. Зато Аня аж подпрыгнула.

– Любви?! Как интересно! – она опустила бокал на пол рядом с креслом и захлопала в ладоши. – Расскажите, Платон, расскажите, пожалуйста о любви... Сергеева... к... – она посмотрела вопросительно.

– К Ирине, – усмехнулся Платон.

– К Ирине! – воскликнула Аня. – Как прекрасно! Сергеев и Ирина!

Она подалась вперед и сдула с лица прядь.

– Я вся внимание.

***

Платон несколько минут старательно, сколь возможно подробно пересказывал историю Сергеева и Ирины – от знакомства в первый день учебы через ухаживания и вздохи к пострадавшей из-за тенниса связке и поцелуям в баре. Аня слушала, затаив дыхание, вскинув брови и чуть приоткрыв от восторга рот. Желтков никаких эмоций не проявлял и бесшумно поглощал печенье – бесшумно брал из вазочки, бесшумно жевал, бесшумно глотал – и только раз обронил по-французски что-то, оставленное Аней без внимания.

– И он носил ее на руках! – выдохнула она. – И во всем ей помогал... – она зажмурилась и замотала головой, а когда открыла глаза, то Платон увидел, что они покраснели. – Как это романтично, Платон... Какая трогательная, живая и выразительная история... Почему вы раньше мне об этом не рассказывали?

Платон развел руками.

– Не было повода.

– Не было повода! – передразнила его Аня. – Не было повода говорить о любви! Нет, Платон, для того, чтобы говорить о любви, повод есть всегда! Боже, как трогательно... – она коснулась век тыльной стороной ладони.

– Кроме того, – улыбнулся неуверенно Платон, – вы ведь ругали Сергеева.

Аня сделала удивленное лицо.

– Ругала? В самом деле?

Платон кивнул.

– Вы называли его... – он задумался.

– Бонмотистом? – рассмеялась Аня. – Да, я кажется, что-то такое припоминаю! Но! – она вскинула указательный палец. – Не может быть бонмотистом человек, способный на такую любовь!

Желтков снова обронил что-то по-французски – и потянулся за печеньем.

– Скажите по-русски, пожалуйста, – отозвалась, не поворачиваясь к нему, Аня. – Мой французский не так хорош, как вы думаете.

Желтков помолчал, затем поправил очки.

– Вы судите о любви... этого юноши... – сказал он, – лишь по рассказу. И делаете столь серьезные выводы, основываясь только на словах.

– На чем же мне еще основываться? – повернулась к нему Аня. – Уж не считаете ли вы, что нужно подглядывать за тем, как влюбленные, – Аня сделала паузу, – целуются и обнимаются, чтобы сделать вывод о глубине их чувств!

Желтков задумался.

– Нет, я так не считаю.

– Я не подглядывал, – на всякий случай сообщил Платон, увидев в Аниных словах возможный укол в свой адрес. – Они целовались в баре.

– Ах, Платон, я вас и не подозревала, – рассмеялась Аня. – Отчего вы все, что происходит или говорится, принимаете на свой счет?

Лицо ее вдруг сделалось грустным.

– Но ведь ваш друг скоро уезжает, – сказала она. – Как же они поступят?

– Не знаю, – пожал плечами Платон и вспомнил про чай, сделал несколько глотков.

– Это очень грустно, – Аня опустила плечи и вся точно сжалась. – Это ужасно грустно, Платон.

Платон заметил, что губы Желткова снова дрогнули в усмешке.

«Вот же ты падла», – подумал Платон.

– Да, – сказал он твердо, – вы правы, это весьма грустно.

Аня молчала, отвернувшись к темному окну. Слышно было, как гудит в водосточной трубе ветер.

– Гудит и гудит, – вздохнула Аня. – Гудит и гудит... Вы любите ноябрь, Платон?

– Не очень.

– И я не люблю, – Аня отпила шампанского и посмотрела на лампу сквозь бокал, по лицу ее заскользили золотые блики. – Но ведь это, наверное, неправильно?

– Что именно? – спросил Платон.

– Ну, не любить... месяц. Ведь он есть, мы сейчас в нем живем, для чего-то он нужен – и этого уже, наверное, достаточно, как вы считаете? Исчезни он, наступи сразу декабрь, мы бы, наверное, стали скучать...

– Не знаю, – рассмеялся Платон. – Я так глубоко не вдумывался.

– А зря, – назидательно качнула головой Аня. – Вас, можно сказать, имя обязывает.

Желтков вытянул из вазочки и поместил в рот последнее печенье.

– Принести еще? – спросила Аня с неудовольствием. – До чего же вы все-таки прожорливый!

И она расхохоталась.

Платон проследил за реакцией Желткова – «я бы уже, наверное, стол перевернул» – реакции не последовало. Желтков сидел с непроницаемым лицом и беззвучно жевал, Платону даже стало его жалко.

– Принесу, принесу, не волнуйтесь! – вздохнула Аня и махом допила шампанское. – Вы же его и купили для себя, правильно?

«Жесть», – подумал Платон.

Желтков закончил жевать и посмотрел на Аню.

– Нет, я его для вас купил. Не приносите, пожалуйста, я больше не хочу.

Аня закатила глаза.

– Ах, только не надо обижаться, пожалуйста. Только обид мне сегодня не хватало.

– Я не обижаюсь, – и лицо Желткова растянулось в улыбке, родинки разъехались в стороны.

– Ну и славненько, – кивнула Аня. – Налейте мне лучше еще шампанского.

Она протянула Желткову бокал, и тот наполнил его.

– Благодарю вас.

Аня отпила и села поудобнее в кресло, поджала ноги, как во время чтения.

– Вы расстроили меня, Платон, – сказала она, глядя на него из-под приспущенных век. – Он уедет и забудет ее навсегда, ваш Сергеев.

Платон допил остывший чай, от имбиря во рту было тепло – говорить не хотелось.

– Может, и не забудет, – предположил он. – Будет вспоминать.

Платон знал, что Аня фыркнет на его слова, и она фыркнула.

– Того лучше! Будет, значит... водить каких-нибудь девиц на свидания... Потом еще женится на какой-нибудь мещанке, а сам будет – вспоминать! – Аня фыркнула еще раз. – Нет уж, Платон, пусть уж лучше он ее забудет! Забудет, как только приземлится в Москве! И никогда больше не вспомнит о ней, ни разу за всю жизнь! Вот как было бы лучше!

Желтков, лишившись печенья и допив чай, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Время от времени Платон ловил на себе его взгляд – но не успевал встретить его своим: Желтков, мгновение назад изучавший Платона, в следующее мгновение смотрел на Аню или на часы, или на окно, или вообще перед собой, в никуда, в пространство.

– И она, – сказала Аня, – пусть и она его никогда не вспомнит. Пусть она очнется точно ото сна – и забудет все, что между ними было, забудет его самого, все, что с ним связано. И вас

тоже, Платон, – Аня посмотрела на Платона, – и вас она тоже забудет. И институт, и проект, и бар, в котором они целовались... И теннис, на котором она потянула связку так, что ее пришлось носить на руках! Пусть забудет все! А затем посмотрит вокруг себя чистым, полным удивления взглядом, точно только что родившаяся... Посмотрит и улыбнется, и шагнет навстречу своему будущему, своей жизни, в которой нет места каким-то там Сергеевым или растянутым связкам...

Платон видел, что Аню несет – голос ее подрагивал, она увлеклась, и глаза ее снова блеснули. Она осеклась на полуслове и отвернулась к окну, дотянулась рукой до занавески и сдвинула ее в сторону. А затем обернулась и посмотрела на Платона с мечтательной улыбкой.

– Помните, какая недавно была гроза?

– Помню, – кивнул Платон. – Только разве это недавно? Три недели прошло, кажется, если не больше.

– Ах, – Аня закрыла глаза, – мне кажется, это было только вчера! Гром, молнии, ливень такой, что земля пенится... – она запрокинула голову от восторга. – Помните?

– Помню.

– Если вы забудете нас, Платон, – сказала Аня, – забудете все, чем вы жили эти месяцы, эту осень... запомните, пожалуйста, хотя бы эту грозу. Ее я вам разрешаю сохранить в памяти.

– Ой, спасибо, – театрально протянул Платон, подыгрывая Ане. – А то бы я и ее стер.

И покосился на Желткова – видал, как надо?

Желтков сидел, скрестив руки на груди, и точно спал с открытыми глазами.

– Это была очень поэтичная гроза, – сказала Аня, точно не заметив издевки Платона, и встрепенулась. – А давайте читать стихи? Вечер, свист ветра... Что же еще делать, как не пить шампанское и не читать стихи!

Она посмотрела на Платона в поисках поддержки, тот пожал плечами. Посмотрела на Желткова, и Желтков, поерзав, кивнул.

– Ничего не имею против, – согласился он, и Платону в его словах послышалось кокетство.

– Раз вы ничего не имеете против, то и начинайте, – захлопала в ладоши Аня.

Желтков долго прочищал горло, долго настраивался и ерзал, а затем, сев прямо и выпятив узкую грудь, начал читать наизусть – и читал долго, утробным голосом, растягивая слова и глядя чуть выше Платоновой макушки.

Платона подмывало запрокинуть голову и проследить за взглядом Желткова – не может быть, чтобы тот ни во что не упирался, а если и так, то воздух под таким взглядом сам по себе должен был бы сжаться в комочек наподобие клочка ваты.

Платон представил себе этот комочек и улыбнулся, удивился неожиданному образу.

– Я сказал что-то смешное? – прервался Желтков, и Платон от неожиданности моргнул.

– Нет.

– Почему же вы улыбнулись?

Платон прищурился.

– Просто улыбнулся.

Желтков помолчал, а затем продолжил декламацию. Читал он что-то заунывное, громоздкое, временами теряющее ритм и рифму – и Платон думал, что заставь его кто вызубрить такую громадину, он бы потом ночами просыпался в холодном поту. Когда Желтков закончил, Аня склонила голову набок:

– Недурно.

Желтков откинулся на спинку стула и снова скрутил руки на груди.

– Теперь я... – пробормотала Аня. – Что же мне прочесть...

Она посмотрела в окно, отпила шампанского, затем улыбнулась, опустив глаза, и прочла то самое стихотворение, после которого Платон не сдержался и поцеловал ее в беседке. Только на этот раз она читала его совсем иначе, тише и спокойнее, почти грустно, с печальной даже улыбкой на губах, глядя на свои руки, ощупывающие бокал, не делая пауз и не сбивая дыхание. Платон слушал, и в душе у него точно волны перекатывались, ударяясь о берег – одна выше

другой. Порыва подбежать к Ане и поцеловать ее снова у него не возникло – хотя предложи она ему, он бы, конечно, не отказался – но стихотворение и нахлынувшие вместе с ним воспоминания сделали свое дело, и он чувствовал себя так, словно все же согласился на шампанское.

Аня замолчала и осталась сидеть как сидела, не поднимая глаз, не убирая с губ улыбки. Желтков расцепил руки и размеренно похлопал, затем что-то пробубнил по-французски. Аня, не меняя выражения, ответила.

– Теперь вы, Платон, – она наконец подняла глаза на него, посмотрела пристально и почти испуганно, что удивило Платона. – Теперь ваша очередь.

Платон улыбнулся и развел руки в стороны.

– Я не знаю стихов, извините, – сообщил он. – Я от этого все же пока далек.

На этот раз Желтков, успевший снова свернуть руки кренделем, усмехнулся так явно и с таким неприкрытым презрением, что скажи он прямо, что ничего другого от такого чурбана, как Платон, и не ждал, эффект был бы не намного сильнее.

Но прежде чем Платон успел хоть как-то отреагировать, подала голос Аня.

– А вы не хмыкайте, – приказала она Желткову. – Не надо тут вашего хмыканья.

Желтков промолчал, ухмылка исчезла, родинки вернулись на свои места. Он сел ровнее и чуть ослабил крендель на груди.

– Вы вот хмыкаете, – продолжила Аня, – изображаете тут из себя неизвестно кого, сидите весь такой... – она повысила тон и захлебнулась от возмущения. – С чего вы вообще решили, что вы вправе раздавать хоть какие-то оценки?

Платон подумал, что наказание несоразмерно преступлению, но вмешиваться не стал.

– Да, Платон, может быть, не так... – Аня посмотрела на Платона, подбирая слово. – Не так хорошо осведомлен в некоторых предметах...

Платон кашлянул.

– Может быть, он способен поддержать не всякую беседу, – Платон кашлянул снова, но Аня продолжала. – Но разве это ставит его ниже кого бы то ни было? Разве это дает повод над ним насмеяться?

Платон чувствовал, что сейчас сгорит от стыда.

– Я... – начал он.

– Не нужно, Платон, – остановила его Аня. – Да, вы, может быть, и грубоваты. Может быть, ваши манеры не безукоризненны. Может быть, вы не знаете наизусть стихов или не читали Чехова с Достоевским.

Платон подумал, что уж тут-то может возразить – видела бы она его в электричке, только и делает, что Чехова читает.

– Но зато вы, Платон, лишены какой бы то ни было позы! Вы просты и естественны в своих реакциях как... как...

«Сейчас скажет, что я как первобытный человек, – подумал с ужасом Платон и посмотрел на Желткова. – Только попробуй ухмыльнуться, скотина».

– Почти как первобытный человек! – воскликнула Аня. – Но в вас много природы, много жизни, а природа и жизнь ценнее каких-то... изысков!

«Изыски», по-видимому, летели в огород Желткова.

– Вы вот усмехаетесь, – набросилась Аня на Желткова, она давно уже встала из кресла и теперь меряла шагами гостиную. – А ведь Платон по сравнению с вами... Да вы по сравнению с ним...

«Это лишнее», – подумал Платон, но Аню было не остановить, она раскраснелась и, расхаживая взад-вперед, раскачивала бокалом так, что будь в нем чуть больше шампанского, чем есть, оно бы проливалось на ковер.

– Вот взять хотя бы тот раз, когда вы за мной шпионили! – бросила она Желткову. – Здесь, перед домом!

– Я не шпионил, – протянул Желтков с таким видом, словно ему было важно просто озвучить возражение, а не донести его до Ани; лицо его при этом оставалось непроницаемым.

– Молчите, Желтков! – крикнула Аня. – Вы именно что шпионили, зачем же вы иначе пришли раньше времени!

– Я не Желтков, – протянул Желтков с тем же видом.

Платону показалось, что из-за штор сейчас повалят операторы с камерами.

– Если я скажу, будете Желтковым! Ясно вам или нет?! – по Аниным щекам плавал румянец. – А иначе подите прочь отсюда!

Желтков промолчал.

– Как вы тогда сказали, Платон? – Аня обернулась на него, вся пылающая, задыхающаяся. – Ах, я помню, как вы сказали! Вы это замечательно тогда сказали! Вы сказали, что выйдете и ему, – она показала пальцем на неподвижного Желткова, – морду набьете! Так и сказали!

Теперь уже ерзал Платон.

– Да я... – забормотал он против своей воли. – Это же...

– Не надо, Платон! – остановила его Аня. – Не надо оправдываться! – голос ее стал мягче. – Бить никого тоже не надо, впрочем, – тверже, – но и оправдываться ни к чему! Уважайте себя, Платон, будьте достойны своего имени! А вы... – она повернулась к Желткову. – Зачем вы вообще явились?

– Вы меня позвали.

Аня закрыла лицо ладонью.

– Уходите, – процедила она. – Уходите, скоро вернется мой отец.

Платон посмотрел на нее вопросительно.

– Ваш отец в Канаде, – возразил Желтков. – У него суд.

Аня убрала ладонь от лица, щеки ее были белы.

– Не смейте, – прошептала она. – Не смейте говорить о моем отце... Вы! Подлый, низкий, жалкий человек! Как вы смеете! В моем доме, за моим столом! Платон, сделайте же что-нибудь!

С этими словами она выплеснула остатки шампанского в лицо Желткову. Затем швырнула пустой бокал на диван, закрыла лицо руками и убежала из гостиной, простучала пятками по лестнице.

Через секунду дом содрогнулся от того, как она хлопнула своей дверью на втором этаже.

Тем плотнее была наступившая тишина.

«Охренеть», – только и подумал Платон. Он подумал, что стоило, наверное, как-то успокоить Аню в процессе, переключить ее внимание на какой-нибудь другой предмет, но ведь все произошло так стремительно... А что делать теперь? Пойти за ней и спросить, все ли в порядке? А разве и так не понятно? А Желтков... или кто он там на самом деле... почему вообще Желтков?... Желтков останется тут сидеть?

Желтков сидел, как и прежде, неподвижно, с носа и подбородка на крендель рук капало шампанское. На стеклах очков поблескивали брызги.

«Вот это флегма, – подумал Платон. – Хоть кол на голове теши».

Даже ветер перестал гудеть за окном, такая стояла тишина. Если бы не надрывное, испуганное шелканье часов, Платон бы решил, что оглох.

«И сколько нам так сидеть?»

Он подумал, что вот-вот вернутся из гостей тетя Лиза и Коля – и какая картина им откроется? Придурак этот, в шампанском, Платон сидит напротив, сам как статуя – и Аня наверху... рыдает она там, что ли? Или вообще в обмороке? С нее не убудет.

– Друг, – миролюбиво позвал Платон, – шел бы ты, наверное.

Желтков сквозь брызги на очках сфокусировал взгляд на Платоне, так, словно вдруг обнаружил, что сидит в гостиной не один. Затем медленно расплел руки, дотянулся до салфетницы и обтер лицо.

– Не знаю, что там у вас, но видишь, какая ситуация, – заговорил Платон. – Ты сейчас иди, наверное, а потом... обсудите все спокойно.

Желтков долго и пристально смотрел на Платона.

– Ты с какой это стати решил, – затянул он, – что можешь мне указывать?

Платон подумал, что Сергеев давно бы взял этого перца за шиворот и вытолкал на улицу – возможно, через окно. Подумал и нахмурился.

– Я не указываю, но...

– Ты, я смотрю, решил, что...

«Здорово, бандиты».

– Собрался, – с расстановкой сказал Платон, – и свалил отсюда нахер.

Желтков побледнел и раскрыл рот.

– Свалил, я сказал! – зашипел Платон. – Сейчас ее мать придет, брат младший, а тут ты сидишь!

Желтков долго сидел с открытым ртом и смотрел на Платона оскорбленно. Затем медленно поднялся, медленно прошел в прихожую и медленно обулся. Платон сидел к нему спиной и ждал, что тот в любой момент кинется, и тогда придется крутить его или что там еще делают в таких случаях, если кто-то кидается или залезает в чужой дом, и будет что рассказать Сергееву.

Но вот щелкнула дважды – открываясь и закрываясь – входная дверь, и в доме снова стало совсем тихо. Платон посидел еще минуту, удивляясь произошедшему, затем пошел и на всякий случай клацнул всеми замками. Поднялся на второй этаж и еще от лестницы услышал из Аниной комнаты:

– Все в порядке, Платон, можете за меня не беспокоиться!

Платон подумал и спустился в гостиную, убрал со стола, вытер салфеткой отрикошетившее от Желткова на скатерть шампанское, поднял с дивана бокал и отнес в кухню, сполоснул вместе с кружками. Затолкал поглубже в ведро бутылку из-под шампанского. И только закончил, как вернулись тетя Лиза и Коля.

– Анюта! – звала от дверей тетя Лиза радостно. – Платоша! Идите, вам передали торт!

Коля весело вручил Платону тяжелый сверток.

– Коленька, поставь чайник, пожалуйста, – попросила тетя Лиза и посмотрела на Платона. – Такой ветер холодный, ужас! Брр! – и она рассмеялась.

– Мамочка, спасибо тебе, только я, пожалуй, не хочу торт, – раздался с лестницы голос Ани. Платон оглянулся и увидел, что она свешивается через перила, улыбается тете Лизе. – Оставьте мне, если не сложно, я утром поем!

И она скрылась наверху.

– Утром так утром, – пожала плечами тетя Лиза. – Ты, я надеюсь, не откажешься, Платон?

– Нет-нет, я с удовольствием.

Тетя Лиза посмотрела на него благодарно.

Торт был удивительно вкусный – свежий, шоколад и малина, с воздушным кисловатым кремом, заказанный из какой-то известной пражской кондитерской. Платон уплетал торт за обе щеки, пил чай – обычный, а не и имбирем – и слушал рассказ тети Лизы о походе в гости.

– Скучновато было, конечно, – смеялась она виновато, – но не так уж часто мы видимся, чтобы еще капризничать...

Коля, довольный, весь измазанный в шоколаде, угукал и кивал.

***

На следующий день Платон прогулку отменил, и по приезду из Праги сразу сел за учебу – Ирина попросила Сергеева написать кое-какие комментарии к проекту, что-то вроде сопроводительного письма на несколько листов, а Сергеев переадресовал просьбу Платону, сославшись на билеты в театр, которые он купил, но которыми еще не успел Ирину обрадовать.

– Сюрприз, братец, – просил он Платона. – Поведу ее как будто в ресторан, а потом – бац! И мы уже в театре. Кафку, брат, Кафку ставят – нельзя не посмотреть, что же это за Прага будет такая?

Платон махнул рукой – надо значит надо, не проблема.

– Ты лучший из философов! – Сергеев стиснул сопротивляющегося Платона в объятиях и даже приподнял над полом

Мимо них по институтскому коридору запрыгали смешки.

– Я бы Каспарова попросил, – понизил голос Сергеев, освободив Платона, – да он же от своей Берты отклеиться не может, сидят в клубе до ночи, коней на слонов меняют. Его попроси, он ворчать начнет, возмущаться... Ну его.

– Ну его, – согласился Платон.

«Минус прогулка, – подумал он, – невелика потеря».

И по приезду, перекусив предложенными тетей Лизой бутербродами, поднялся к себе и уткнулся в ноутбук.

А через пару часов почувствовал, что глазам – а также спине, и, самое главное, голове – нужен отдых. Письмо составить было не так уж сложно, работа скорее кропотливая, чем требующая серьезных усилий, но само по себе – какое бы то ни было – возвращение к проекту, над которым было пролито столько пота, заставляло организм сопротивляться и воспринимать происходящее как повторение не самого приятного опыта.

За окном стремительно темнело, небо, прежде похожее на бледно-перламутровое нутро ракушки, теряло последние краски и перемешивалось с сумерками. Платон сохранил написанное, перепроверил, что сохранил – и только тогда, с наслаждением, с чувством почти бунтарским закрыл ноутбук. Откатился от стола, потянулся до хруста и вылез из кресла. Прошелся туда-сюда по комнате, вспомнил вчерашнюю сцену с Желтковым, усмехнулся. Подул на самолетик, посмотрел, как они раскачиваются. Улегся и почувствовал, что таким темпом уснет – и прощай, письмо. Встал, оделся и спустился вниз.

– Тетя Лиза, я во двор, – он заглянул в горячую, в клубах мясного пара, кухню. – Воздухом подышу.

– Конечно-конечно, ступай.

– Очень вкусно пахнет.

– Спасибо, Платоша.

Коля гулял с Матисом, Аня сидела в своей комнате – со вчерашнего дня Платон с ней не встречался.

«Забавно, – думал он, выходя во двор и поднимая повыше воротник. – Можно жить в одном доме и не пересекаться».

Двор, заволакиваемый серыми сумерками, был тих и неподвижен, из-за того, что весь ветер, по-видимому, свистел в этот день в Праге – в холле института даже одну из створок окна ударило о стену, стекло не разбилось только чудом. Из-за отсутствия же ветра казалось, что во дворе не так уж и холодно – хоть шапку снимай.

На клумбы и крышу беседки падали, растворяясь в сумерках, пятна света от окон – кухонного и Колиной комнаты: Платон, уходя, оставил лампу зажженной.

«Палишь, Платон, чужое электричество», – подумал он, ступая между клумбами.

Он зашел в беседку, посидел в ней, навалившись на бортик, дотянулся и качнул пальцем кормушку – опустевшую за день и ставшую совсем легкой.

«Хорошо», – подумал Платон и почувствовал, что ему действительно хорошо: хорошо сидеть в беседке, хорошо слушать тишину, хорошо вместе со всем остальным таять в сумерках, хорошо смотреть на щетинистый хребет рощи за лугом, растающий понемногу в небо.

Платон, стараясь шагать бесшумно, чтобы не нарушать тишину, вышел из беседки, добрался до ограды, встал у нее, глядя вдаль, вспомнил, как стоял так чуть ли не в первый день, стоял и смотрел... Когда это было? Взглянуть с одной стороны, и кажется, что страшно давно, с другой – вчера.

«Вчера был Желтков, – усмехнулся Платон. – Значит, позавчера».

Темная, поникшая и сбившаяся колтунами трава на лугу тоже была неподвижна. Платон попытался вспомнить, с каким чувством смотрел луг тогда, о чем думал – и не смог.

«По дому скучал, наверное», – остановился он на первом попавшемся варианте и стал пытаться себя: скучает ли он по дому сейчас? Москва – ладно, Москва – разговор особый, а по

дому? Он с усилием вытянул из памяти обстановку своей комнаты, кухни с окном на проспект... Все рассыпалось, таяло при малейшем ослаблении воли – картинки приходилось удерживать перед глазами. По всему выходило, что он не только не скучает – в этом он признавался не без стыда – но и вообще про дом забыл. Не про маму забыл, не про Москву – такую махину попробуй забудь – а именно что про дом.

«Ох, Платон», – пожурил он себя мысленно и услышал за спиной шаги.

– Это я, не оборачивайтесь, – услышал он следом Анин голос.

Платон замер.

– Я шучу, Платон, оборачивайтесь, конечно, если хотите, – рассмеялась Аня.

Платон обернулся и покачал головой.

– Вы все шутки шутите.

– Приходится, Платон, – вздохнула Аня и стала рядом с ним у ограды. – Приходится.

Она была одета в пальто с меховым воротником и пушистую шапку, формой напоминающую цилиндр – не шляпу-цилиндр, а просто цилиндр. Руки ее были спрятаны на груди в эту штуку, тоже пушистую... как же она называется... Платон снова напряг память, стал выворачивать ее в поисках определения. Аня поймала его взгляд, мигом поняла, что к чему, и кивнула:

– Муфта, Платон, не пугайтесь.

Платон усмехнулся.

– Знаю, что муфта.

И повернулся к роще.

Постояли молча.

– О чем думаете? – спросила Аня.

Платон пожал плечами.

– Платон, я заметила, что больше всего на свете вы любите пожимать плечами, – рассмеялась Аня.

Платон снова пожал плечами.

– Я нахожу это довольно милым, – сказала Аня.

– Мне это льстит, – подыграл Платон.

Помолчали. Издалека долетел едва различимый гудок поезда.

– Вам не грустно? – спросила Аня.

– Из-за чего?

Аня вздохнула.

– Мне всегда грустно, когда я слышу гудок поезда, – сообщила она. – Особенно такой тихий.

Платон задумался.

– Кажется, что гудок этот... – продолжила Аня мечтательно. – Что он звучит для меня одной, что мне через него что-то говорится, о чем-то напоминает... А иначе почему так щемит в груди?

«И сердце болит, и страшно, и одиноко, и хочется плакать», – подумал Платон, вспомнив Анин рассказ в кухне, и пристыдил себя – человек делится, а он насмехается.

– У вас не щемит, Платон?

– Почему же, щемит немного.

Боковым зрением он увидел, как Аня улыбнулась и опустила голову.

– Как поживают ваши влюбленные? – спросила она, пошевелив ногой траву, которая пучками лезла сквозь ограду.

– Влюбленные?

– Платон, как не стыдно! Ирина с Сергеевым!

– А, – Платон усмехнулся и рассказал, что Сергеев сегодня – прямо сейчас, возможно, в этот самый миг – ведет Ирину в театр на Кафку.

Аня выслушала с задумчивым видом и поежилась с улыбкой, как человек, который в мороз вспомнил о камине и пледе.

– Театр, – вздохнула она. – Зимой давали Онегина, мы с мамой ходили... Я проплакала весь спектакль.

«Сейчас спросит, читал ли я Онегина», – приготовился Платон.

– Я хочу, чтобы у этой Ирины и... вашего Сергеева все было хорошо, – сказала Аня вместо вопроса об Онегине. – Я хочу, чтобы они поженились и нарожали детишек – чем больше, тем лучше.

Платон представил себе Сергеева в окружении толпы детей – не Сергеев, а воспитатель в детском саду – и рассмеялся.

– Еще я хотела бы извиниться перед вами за... вчерашнее, за то, что вам пришлось невольно стать свидетелем...

Платон пожал плечами.

– Пустяки.

– Нет, не пустяки, Платон, вовсе не пустяки.

Она замолчала, Платон почувствовал, что порядком замерз. Подумал про письмо, на которое у него уйдет еще часа два, не меньше, и вздохнул.

Вздохнула и Аня.

Помолчали.

Очертания рожи теперь нельзя было различить, она казалась черным пятном, расплывающимся на почти таком же, но все-таки еще не совсем, черном же фоне. Темнело так стремительно, что думалось – еще пара минут, и Платон ограды перед собой не увидит.

Возможно, поэтому он высунул руки из карманов и их положил на ледяную, мелко-шершавую, точно к ограде налипли песчинки, дугу.

– И однако же, Платон, – заговорила Аня, и Платон по голосу понял, что она улыбается, – вы мне очень понравились вчера.

Платон промолчал.

– Вы были и сдержанны, и мужественны, а уж ваш финальный выпад...

«Пошел ты нахер, – пронеслось в памяти Платона, – коз-зел».

«Надо было так и сказать», – подумал он и испытал вместе с весельем прилив – пусть и незначительный, но все же – гордости.

– Знаете, я ожидала от вас чего-то в этом духе, – продолжила Аня, – и однако же была удивлена. Вы настоящий мужчина, Платон, я рада, что мы с вами познакомились.

– Спасибо, я тоже.

Аня – он видел боковым зрением – склонилась в шутливом реверансе.

– Платон?

– Да?

– А если бы Желтков меня оскорбил, вы бы могли с ним стреляться?

Платон присвистнул и хмыкнул.

– Стреляться?

– Да, именно стреляться, – подтвердила Аня. – Мне кажется, что Желтков бы с вами – смог. Драться бы он не решился, а вот стреляться... Он бы, мне кажется, даже не задумался.

– Он придурок, – скривился Платон.

Аня хихикнула в воротник.

«Драться бы он не решился, – передразнил ее Платон мысленно. – Еще бы он решился».

И он повернулся к Ане, облокотился на ограду.

– А вот скажите мне, Анна, – начал он нарочно торжественно, – вы и вправду считаете меня, – он прищурился, – почти что пещерным человеком?

Аня склонила голову набок, воротник коснулся ее щеки.

– А вам так важно это знать?

«Началось, – устало подумал Платон. – Скажу, что да – будет юлить и кокетничать; что нет – сделает вид, что оскорблена».

Он пожал плечами.

В следующий миг Аня обвила его плечи руками и прижала свои губы к его губам. Платон опешил, мысленно полетел куда-то вниз, как если бы под ним вдруг распахнулся люк, такое показывают в фильмах, но обнял ее в ответ и закрыл глаза.

Анины глаза уже были закрыты, она, казалось, их закрыла еще до поцелуя.

«Муфта на одной руке осталась», – промелькнуло у Платона в мыслях.

Еще ему в какую-то долю секунды, перед самым поцелуем, когда какой-то частью сознания он уже понял, что сейчас произойдет, подумалось что Анины губы должны быть холодные – на такой-то погоде – но холодными они, вот тебе на, не были, и даже теплыми не были, а были горячими.

Аня чуть приоткрыла рот, Платон последовал ее примеру и почувствовал своим языком кончик ее.

Пахло Аниными волосами, духами, пушистым воротником и сырой ноябрьской травой, по которой потянулся от рощи ветерок. Сердце Платона ломилось из левой части грудной клетки в правую, уши только что не заложило – и все же он услышал, как хрустнула на дорожке между клумбами ветка, или палочка, или что там еще, на что наступил до этого момента бесшумный, точно ниндзя, Коля.

Аня отпрянула от Платона, Платон остался стоять как вкопанный, Коля, с круглыми не то от изумления, не то от возмущения, не то от ужаса глазами – подумавшись, поцеловались, он же не маленький уже, должен же, кажется, понимать – попятился, развернулся и нырнул в дом, хлопнув дверью.

– Какой ужас! – Аня прижала руки к лицу, муфта действительно была надета только на одну. – Какой ужас!

Она вдруг отняла руки от лица – Платон приготовился уворачиваться от пощечины – и посмотрела глазами, полными какого-то болезненного восторга.

– Злой мальчик! – воскликнула она, и Платон на миг решил, что она тронулась умом и зовет злым мальчиком его.

«Нет, не меня, Колю, – осенило его. – Только чего же он злой?»

– Это же как в «Злом мальчике», Платон! – воскликнула Аня. – Помните, у Чехова?

Если «Злой мальчик» и был в том сборнике, который Аня подарила Платону, Платон до него еще не добрался.

– Не помню, – пробормотал он.

Аня вытаращила на него глаза.

– Если Коля попросит у вас что-нибудь... за свое молчание... часы или деньги, или... не знаю, встретить какого-нибудь бородача в Праге и сказать ему, что все отменяется... прошу вас, Платон, выполните его требования! Пожалейте мою маму, Платон, пожалейте меня!

Вид у нее был совершенно горячечный, Платон даже испугался.

– Прошу вас, Платон! Прошу!..

Аня осеклась и несколько мгновений смотрела на Платона так, словно хотела сказать еще что-то, а может быть, не сказать, а дать понять, чтобы говорить не пришлось, чтобы он, возможно, понял все сам и сам даже сказал – а затем закрыла лицо рукавом и бросилась к дому.

Дверь хлопнула еще раз, и Платон остался во дворе один. Губам было холодно, он вытер их тыльной стороной ладони.

Темень стояла такая, будто они за поцелуем не заметили, как опустилась ночь – и поцелуй, получается, длился не несколько секунд, а гораздо, гораздо дольше.

***

Но ни денег, ни часов Коля у Платона не попросил – не говоря уже о том, чтобы что-то кому-то где-то передать. За ужином он ни разу не посмотрел на Платона – Аня спускаться отказалась, сославшись на самочувствие – ел молча и из-за стола вышел первый, оставив Платона и тетю Лизу в гостинной. Тетя Лиза, напротив, была веселее обычного, шутила и расспрашивала Платона об успехах в учебе.

– Да... – бормотал Платон. – Какие там успехи...

– Не скромничай, Платоша, – махала на него рукой тетя Лиза. – Ты большой молодец, я это знаю.

«Да уж молодец, – думал Платон. – Всем молодцам молодец».

Он доел и вызвался помочь с мытьем посуды – тетя Лиза кокетливо согласилась, и он долго мылил тарелки в кухне, думая, что ему теперь делать и как быть.

«Вот взять Колю, – думал Платон, подтягивая повыше рукава, чтобы не намочить. – Он ведь не маленький все-таки... А с другой стороны представь себя на его месте».

Платон представлял себя мальчишкой, в доме которого – в комнате которого! – осел на всю осень какой-то кент и мало того, что осел, а еще и зажал в углу двора – вряд ли Коля видел ситуацию иначе – сестру. Сестер у Платона не было, был только двоюродный брат – а на деле седьмая вода на киселе – в Белоруси, но ему казалось, что он запросто может представить себе Колины чувства.

«И не забывай, – говорил сам себе Платон, глядя, как руки его становятся розовыми в горячей, почти кипяток, воде, – что отца-то дома нет, Коля, считай, здесь за мужика, глава семьи».

Он не понаслышке знал, что в доме без отца мальчик против воли взваливает на себя ответственность – в мыслях, конечно – за всю семью, сам таким был. Ответственность эта зачастую надуманная, иллюзорная, но только не для взвалившего – который внутренне сгибается под ее тяжестью, и чем больше сгибается, тем больше на себя берет.

Выходило, что Коля ошарашен вполне резонно – и запросто может если не на дуэль Платона вызвать, то рассказать обо всем тете Лизе, а то и отцу.

Платон нервно сглатывал и начинал издали готовить оправдательную речь.

«С другой стороны сама Аня, – думал он затем, кончиками пальцев поправляя сползающие рукава. – Что дальше?»

Получалось, что поцелуй мог знаменовать собой новый виток Аниных спектаклей – в то, что между ним и Аней могут завязаться хоть какие-то отношения, Платон не верил, да и какие тут отношения, когда туда-сюда домой?

Положа руку на сердце, Платон не мог представить, что у Ани вообще могут хоть с кем-то быть отношения – такие, как, например, у Ирины с Сергеевым или у Вали с Бертой. Красивая? Да! Интересная? Не поспоришь. Ну так огромный костер или водопад тоже и красивы, и интересны – но это же не повод подходить близко?

«Бедный ее муж, – думал Платон. – Это ж как на бочке с порохом жениться».

От мыслей о том, чтобы закрутить с Аней то, что принято называть интрижкой, мимолетное и ни к чему его, Платона, не обязывающее, Платон отказался давно при всей своей симпатии к Ане как к девушке – это было бы совсем уж плевком на гостеприимство тети Лизы и доверие со стороны всей семьи, после такого, случись оно, вполне можно было бы, наверное, однажды ждать в Москве Андрея Александровича с двуствольным ружьем.

«А вдруг она сама? – ахнул Платон. – Хочет чего-то такого? Мимолетного?»

И он тут же, за мытьем посуды, твердо решил, что хотя бы в целях собственной безопасности – кто ее знает? скажет потом, что это он ее соблазнил, и пиши пропало – ни на что мимолетное подписываться не будет.

«Что ты за человек, Платон? – пристыдил он тут же самого себя и водрузил последнюю тарелку на стойку. – Она, может, влюбилась, а ты тут надумываешь».

Но и в то, что Аня может в него влюбиться, ему не слишком-то верилось – хотя вообще-то он считал себя человеком вполне подходящим на роль объекта воздыханий.

«Буду ждать, – решил Платон и вытер руки полотенцем. – Она себя как-нибудь проявит, а там уже видно будет, что к чему».

При мыслях о самом поцелуе – хотя ну вот что тут такого? поцелуй и поцелуй, мало он что ли целовался в своей жизни? – при мыслях о случившемся поцелуе сердце его против воли начинало биться чаще. Разобравшись с посудой, Платон вспомнил о справке, которую еще писать и писать, и поднялся наверх – но и сидя перед ноутбуком, и лежа потом в кровати, в

темноте и тишине, он не мог отделаться от воспоминаний и раз за разом возвращался в сад – двор теперь почему-то не получалось назвать двором – к горячим Аниным губам.

«А у меня, наверное, были холодные», – решил он, чувствуя, что все-таки наконец засыпает.

С этого вечера Коля стал избегать даже смотреть на Платона, не заговаривал с ним, а если уж был вынужден с подачи тети Лизы сказать что-нибудь, то говорил односложно и сухо – но видно было, что никому из родителей он не пожаловался. Аня же – вопреки домыслам и предположениям Платона – и вовсе исчезла: обедала и ужинала у себя, ссылаясь на недомогание, и ненадолго выходила из своей комнаты только в те моменты, когда Платон сидел в Колиной за учебой и закрытой дверью. Платон пару раз думал перехватить ее, выйти в коридор, заслышав ее шаги – но тут же признавал порыв недостойным.

«На выходных-то все равно пересечемся», – думал он.

Но на выходных Аня с самого утра – он узнал об этом за завтраком от тети Лизы, причем тетя Лиза заговорила сама, Платон, конечно, ни о чем не спрашивал – собралась и уехала в Прагу к подруге.

– С ночевкой, вернется только завтра вечером, – добавляла тетя Лиза и делилась: – Я, признаться, даже рада, что Анюта общается с подружками. Слишком уж она последнее время... замкнутая.

Коля на этих словах – Платон заметил – нахмурился и отвел взгляд. Платон почувствовал себя подонком и подлецом и погрузился с головой в такую пучину стыда – отчасти, быть может, накрутив себя – что в ушах зашумело.

«Поговорить с ним? – думал Платон. – Объяснить, что это она меня поцеловала, а не наоборот? А как о таком говорить с мальчишкой?»

Он представлял себя на месте Коли и пропитывался отвращением к тому, кого представлял на месте себя – мало того, что воспользовался доверием домочадцев, так еще и спихивает вину, блеет что-то про то, что «она сама».

В результате неловкость разрослась до страшных размеров и вылилась в то, что Платон сам стал Колю избегать, да и вообще стараться поменьше бывать в доме – на помощь снова пришли прогулки, но теперь Платон гулял не только по городку, но и по Праге, оставаясь в ней после занятий.

«Интересная я все-таки личность, – думал он. – Столько времени в Чехии – а что я видел? О чем расскажу?»

И он «наверстывал» – ходил по музеям и галереям, записывался на автобусные экскурсии, искал в путеводителях обязательные к посещению места, селфился у памятников и даже побывал в огромном Пражском зоопарке вместе с Сергеевым и Ириной.

Вообще Сергеев и Ирина, даже Валя с Бертой, теперь частенько присоединялись к его прогулкам, а точнее он к – их. Ходили по улицам, сидели в ресторанчиках и барах, умеренно пили, пробовали новые виды пива и эля, коктейли и национальные настойки, которые в каждом баре были свои. Ощущение скорого расставания – друг с другом и с Прагой – звучало в разговорах, угадывалось во взглядах. Но никто не унывал – оказалось, что и Сергеев, и Валя могут похвастаться проработанным планом. Сергеев, например, договорился с Ириной о том, что она прилетит в Москву на новогодние праздники, а значит, разлука будет недолгой. Валя же и вовсе собирался остаться на две дополнительных недели, чтобы поучаствовать – через шахматный клуб – в турнире, ну и подольше побыть с Бертой, конечно.

– Универ ничего, – говорил он. – Универ подождет. Сорву первый приз, возьму академ – и останусь тут.

Он смотрел влюбленными глазами на Берту.

– Или путешествовать поедом, по Европе.

Берта кивала.

– Ну а у тебя как? – спрашивал Сергеев. – Плачет твоя Аннет о скорой разлуке?

Платон пожимал плечами – про поцелуй он не рассказывал.

Прежний Сергеев высмеял бы Платона по-родственному, но нынешний, остепенившийся под благотворным влиянием Ирины, только пожимал плечами в ответ.

Прогулки по Праге чередовались с прогулками по городку, и тут уж Платон чувствовал себя как рыба в воде – он подолгу сидел в кофейне, глядя, как вращаются шестерни, разговаривал с хозяйкой и ловил обрывки чужих речей, проходил городок насквозь так и сяк, выстраивал новые маршруты и повторял любимые, болтал с племянницей аптекаря, стоя в пахнущем микстурами зале, сверлил глазами статую в сквере, фотографировал фасад рыбной лавки и сливающегося с вечерним небом Бронзового. Погоду ломало, Прагу и пригород то заволакивало туманом, то продувало насквозь ветрами, а дважды или трижды сыпался с серого неба сухой и редкий, похожий на крупу, снег. Сыпался, колол щеки и шею, собирался в щелях брусчатки и тут же таял.

Изредка случались погожие дни – но темнело так рано, что Платон едва успевал полюбоваться солнцем не через окна аудиторий.

По утрам спутанные клумбы в палисаднике тети Лизы – стебли и бесцветные ребристые листочки, невесомые фонарики в прожилках – а также столбики и вензеля ограды, серебрились инеем и выглядели засахаренными. Флюгеры водили носами неохотно – точно замерзали и делались малоподвижными.

– Вот бы вам застать снегопад, Платон, – искренне желала хозяйка кофейни. – Настоящий снегопад, не это вот.

Она показывала на отскакивающую от стекол крупу.

– Прага в снегопад... – хозяйка жмурилась от восторга. – Да и у нас в снегопад очень хорошо.

Платон кивал – здорово было бы застать, да.

Раз в кофейне оказался Радек Шипка – увидел Платона и тут же пригласил его за свой столик, долго тряс руку, выражал радость от встречи. На нем был щегольский пиджак с цветком в петлице, шею закрывал пестрый платок.

– Как Андрей Александрович? – поинтересовался он, закончив с приветствиями. – Не соизволили приехать?

Платон покачал головой, Радек вздохнул.

– Чего и следовало ожидать, – и он улыбнулся. – А я, представьте себе, был в Китае.

Платон вспомнил, что Радек предупреждал о своем отъезде – говоря, что в любом случае разминется с Андреем Александровичем, – но пункт назначения не называл.

– Ого, – удивился Платон.

– Да-да, молодой человек, именно что «ого», – рассмеялся Радек и платок на его шее заездил вверх-вниз. – Удивительная страна, удивительная культура.

Платон кивнул.

– Все эти иероглифы, шелка... – продолжил Радек. – Манера одеваться... вообще – манеры!

Хозяйка принесла кофе.

– Сейчас... – пробормотал Радек, когда она ушла, и полез во внутренний карман пиджака, вытянул из него крошечную книжечку в золоченом переплете. – Смотрите!

Платон сперва решил, что ему нужно сосредоточиться на книжечке, но нет, Радек раскрыл ее на середине и снял со страницы тоненькую вышитую закладку.

– Смотрите, какая работа!

На закладке были вышиты вперемешку с иероглифами цветы.

– Очень красиво, – согласился Платон.

Радек расплылся в улыбке.

– Возьмите, – и он протянул закладку Платону.

Платон смутился.

– Что вы, зачем?

– Возьмите-возьмите, в память о нашем городе, о нас всех. Вы ведь скоро уезжаете?

– Да, совсем скоро.

– Ну вот, – кивнул довольно Радек. – А у меня есть еще одна, я как знал, что нужно купить две.

Платон, бормоча слова благодарности, принял закладку, рассмотрел ее с нарочитым вниманием – чтобы Радеку было приятно – и спрятал в карман.

– Как Лиза, дети? Вы передали мой привет?

– Конечно, – соврал Платон. – Все хорошо, спасибо.

Радек удовлетворенно кивнул.

– Коля больше не рассказывает истории об отравленных женах? – рассмеялся он.

Платон почувствовал себя неуютно – теперь Коля вообще никаких историй ему не рассказывал, даже если они и были.

– Нет.

Радек долго смеялся, а когда закончил, коснулся век кончиками пальцев.

– Я, простите меня, пересказал эту презанятную легенду самому Бедричу, – Радек сделал серьезное лицо и тут же рассмеялся снова. – Это очаровательно, очаровательно! Старик Бедрич был в восторге!

– Да, – кивнул Платон, – я говорил с его племянницей...

Вот о чем Платон жалел всерьез, так это о том, что он не заговорил с племянницей аптекаря раньше – и о том, возможно, что она старше самого Платона на семь лет, а не на пять, например. Она оказалась очень милой, спокойной и приветливой – и в коротких разговорах с ней в стенах аптеки Платон ловил себя на том, что ему чудится в ее взглядах и улыбке, в самом тоне, с которым она спрашивала Платона о впечатлениях от Праги, симпатия. Платон не знал, есть ли у нее кто-то, но кольцо на безымянном пальце отсутствовало, и он думал, что начнись их общение не в конце его пребывания в Чехии, а в начале или хотя бы в середине, между ними могло бы возникнуть какое-нибудь чувство. Впрочем – что ему делать с этим чувством потом, когда придется уезжать? И намного ли аптекарь с его ядами лучше Андрея Александровича с ружьем?

«Как все запутанно в жизни, – думал Платон, слушая Радека, который от Колиных легенд вернулся к Китаю и теперь с восторгом рассказывал. – Я вот вернусь и буду так же... ну, не совсем так же, конечно... буду пересказывать свою».

– Восток! – восклицал Радек и кивал подсевшей за соседний столик хозяйке. – Иная культура, иные люди! Все иное! Если почувствуете усталость, – советовал он Платону, – от насиженных мест, от привычного круга жизни... О, обязательно отправляйтесь в Китай! Вы увидите, какое там все иное! И через это по-иному посмотрите на свое.

– Хорошо, – обещал Платон. – Спасибо за совет.

Представить и всерьез почувствовать, что где-то существует еще и Китай – а вместе с ним Япония, Корея и далее по списку – он даже не пытался. Сил едва хватало на то, чтобы удерживать вниманием Прагу и Москву – какой уж тут Китай?

***

Так, в прогулках и учебе проводил Платон дни – и все ближе был декабрь, а вместе с ним и отъезд домой.

Учеба «мерцала» – понятно было, что ни на что серьезное времени не хватит, да и вообще можно уже расслабиться, как тем, кто учится, так и тем, кто учит. С другой стороны именно из-за того, что времени оставалось мало иные преподаватели разгонялись и усиливали напор с тем, чтобы успеть как можно больше. Но Платон учился уже по инерции, не отдаваясь занятиям целиком и все чаще старался сесть у окна, чтобы считать пражских ворон и смотреть на то, как шпильки режут серые облака. В перерывах они с Сергеевым – если Сергеев не кудахтав вокруг Ирины – блуждали по лабиринту коридоров, собирали дань с вендинговых аппаратов или вообще спускались на первый этаж и выходили на крыльцо – с тем, чтобы с важным видом стоять на ступенях и обозревать хорошо знакомую улицу.

Выйдя так в очередной раз, Платон увидел, что напротив института прохаживается туда-сюда под голыми каштановыми ветвями Желтков – в желтом, как нарочно, пуховике до колен и

желтой же шапке. Если бы не такой яркий наряд, Платон бы и внимания на него не обратил. А тут обратил и пихнул в бок Сергеева.

– Вон придурок тот, – пояснил он, – про которого я тебе рассказывал.

Желтков ходил туда-сюда, сунув руки в карманы. Заметив Платона, он остановился и покачался на месте как неваляшка.

– А-а-а-а, – расплылся в улыбке Сергеев. – Выслеживает тебя, вендетту вынашивает.

Платон хмыкнул и посмотрел на Желткова с высоты крыльца. Тот качнулся еще раз туда-обратно и зашагал прочь.

Городок же, казалось Платону во время прогулок, то не хотел отпускать его, то, напротив, прощался – Платон раз за разом встречал знакомых, которым сам примелькался за это время, как-то по-особенному смотрел на полюбившиеся улочки и раз даже добрел через луг, на этот раз по прямой, а не в обход, до роши, которая теперь была гола, сера и продувалась насквозь несущимся с полей ветром. Платон побродил по ней, вороша ботинками листву, обернулся на дом тети Лизы, задрал голову и посмотрел на плывущие нескончаемым потоком облака сквозь путаницу ветвей, вышел с другой стороны роши и остановился, прислонившись к дереву – возможно, тому самому, к которому он прислонялся в ночь несостоявшегося свидания с Аней.

В лицо ему дул ветер, за спиной, в роще, поскрипывали выдавшими виды стволами деревья, со всех сторон стоял несмолкаемый и непрекращающийся шорох – похожий на шум далекого прибоя или шелест песка в пустыне.

В пустыне Платон никогда не был, но звук подгоняемого ветром песка представлял именно так.

Поле, перекатываясь холмами, уходило к горизонту, поблескивало чешуйкой пруда и проволокой речки и там, где нельзя уже было разглядеть отдельных холмов или перелесков, все сливалось в ровную желто-серую полосу, смыкалось с облаками. Платон вспомнил, как стоял здесь лунной ночью, и снова почувствовал тоску – только теперь она была не такая сильная и не такая непонятная, теперь в ней много было от осознания скорого отъезда, вообще скоротечности времени – только приехал, а уже уезжать – и вообще всего, что предвещает прощание с местом, к которому успел привыкнуть.

А и к городку, не говоря уже о доме тети Лизы, Платон, как ни крути, привык – в большей степени, конечно же, чем к Праге. Привык до мысли о том, что всему, чему можно было удивиться, он уже удивился, и на все, на что можно было засмотреться, он уже засмотрелся. Оставалась статуя в сквере, не застать которую на привычном месте Платон бессознательно – против логичных доводов и в силу, вероятно, какого-то чисто мальчишеского, передавшегося от Коли, желания – рассчитывал всякий раз, когда сквер показывался в поле зрения, а в остальном городок был ему хотя и мил, но понятен и, иначе не сказать, не интересен, как мил и понятен – а интерес тут вообще не при чем – старый друг, доверчиво раскрывший все свои тайны до единой.

Но не тут-то было.

– Может, все-таки в общагу? – спросил Сергеев, пожимая Платонову руку на крыльце бара. – Время-то позднее.

Возле бара толклась молодежь, кто-то играл на губной гармошке. Сергеев свободной рукой обнимал Ирину, та, улыбаясь лучезарно, разговаривала с Бертой. Валя, когда уже вышли, вспомнил про уборную и попросил его подождать.

– Не, – мотнул головой Платон, чувствуя, как на свежем воздухе проясняются мысли. – Поеду.

Старый Сергеев стал бы его уговаривать, а новый только пожал плечами и кивнул – поедешь так поедешь.

Платон дождался Валю, попрощался с ним и девушками, стукнул своим кулаком по кулаку Сергеева и зашагал к метро. А уже через полчаса влезал в вагон электрички и раздумывал, сможет ли в таком состоянии – мысли прояснились не до конца – понять что-нибудь из Чехова.

Перед самым отправлением в электричку с трудом влез старичок в шляпе, раскачивающийся под весом огромной коробки, которую он обхватывал обеими руками и то и дело подпирал коленом. Старичок, что-то бормоча в косматую седую бороду, прошел по вагону и осторожно пристроил коробку на сиденье через проход от Платона. Подвигал ее так и эдак, проверяя устойчивость, а потом сел рядом с ней, накрыл рукой. Затем снял шляпу и пристроил ее на коленях вверх ногами. Снял очки и положил в шляпу. Размотал безразмерный, не желающий заканчиваться шарф и накрыл им шляпу с очками.

«Сейчас уберет шарф и достанет из шляпы кролика, – подумал с пьяной веселостью Платон. – Или платок».

И старичок и впрямь достал платок – только не из шляпы, а из внутреннего кармана куртки, в который сунул руку. Достал и обтер им лицо. Затем вернул платок в карман и достал расческу – и, глядя в окно, за которым проплывали огни Пражских окраин, кое-как причесал торчащие в разные стороны вихрами седые волосы. Платон решил, что следом старичок будет причесывать бороду, которая выглядела не менее растрепано, а потом того и гляди возьмется за косматые седые брови, нависающие над глазами как два облака, но нет – приведя в более-менее сносный вид вихры, старичок вернул в карман расческу, выудил из-под шарфа очки и водрузил на переносицу. Затем достал из очередного кармана пухлую записную книжку на пружине, щелкнул ручкой и принялся что-то мелко записывать, прижимая коробку локтем.

Платон решил не отставать и достал-таки из рюкзака Чехова – переместил подаренную Радеком закладку с нужного разворота в начало книги и стал читать. Но очень скоро понял, что от такого чтения пользы не будет – вот тебе и темное пиво – вернул закладку на место, закрыл сборник, а следом закрыл и глаза, привалившись к окну.

И открыл за несколько минут до прибытия.

Мимо вагона тянулись серебристые поля, над ними скользила, точно пыталась перегнать электричку, крупная и яркая, почти полная, луна – и странно было, что она скользит, а не катится как колесо. В вагоне никого, кроме Платона и старичка, не было. Старичок то ли все это время писал в записную книжку – как мелко надо писать, чтобы книжки не заканчивались за поездку-другую – то ли прерывался и начал снова незадолго до того, как Платон проснулся.

«Во я наловчился, – подумал Платон, шаря по карманам в поисках мятных леденцов, – просыпаюсь ровно к станции».

Когда за окнами показались знакомые крыши, а за ними выросла приветственно башня ратуши, старичок спохватился и спрятал записную книжку в карман, стал, не убирая локтя с коробки, заматываться в шарф.

«Со мной выходит? – подумал Платон. – А почему я его раньше не видел?»

Платон убрал в рюкзак Чехова, не дожидаясь, пока замедляющаяся электричка остановится, прошел по вагону и оказался в тамбуре. Спрыгнул на перрон, едва двери с шипением раскрылись – но не успел пройти и нескольких шагов, как хлопнул себя по лбу и вернулся.

Старичок как раз шарил ногой по верхней ступени – безуспешно пытаясь выглянуть из-за коробки.

– I can help you, – сказал снизу Платон и, не дожидаясь ответа, протянул руки, поддержал коробку за угол.

Старичок забормотал благодарности и, распределив вес коробки между своими руками и руками Платона, осторожно сошел на перрон.

– Спасибо, друг мой, вы очень добры, – заговорил он на перроне по-английски, с сильным восточно-европейским акцентом.

Платон махнул рукой – пустяки – и предложил донести коробку до вокзала.

Старичок подумал и согласился.

Коробка была тяжелая, в ней что-то еле слышно позвякивало.

– Аккуратнее, пожалуйста, – просил, семеня рядом, старичок. – Давайте вместе.

Вместе они внесли коробку в здание вокзала, затем Платон заверил, что будет осторожен, и пронес ее через вокзал. Старичок, прижимая шляпу к макушке, засеменял вперед, открыл и придержал двери, пропуская Платона с коробкой на крыльцо.

– Спасибо вам огромное.

Платон посмотрел на теряющуюся в темноте улицу, на зеленую вывеску аптеки, на черное, в точках звезд небо.

– Как же вы ее дальше потащите? – спросил он старичка. – Вас никто не встретит?

– Пустяки, – старичок махнул рукой и потянулся к коробке, забрал ее у Платона, подпер коленом и закачался, стоя на одной ноге. – Спасибо вам, я справлюсь.

Он водрузил коробку на перила, освободил одну руку и поправил на вихрах шляпу. Затем помахал Платону благодарно, обхватил коробку и стал осторожно спускаться с крыльца.

– Нет, так не пойдет, – сказал себе Платон, в каждую секунду ожидая, что коробка выскользнет из рук и обрушится на тротуар.

Он догнал старичка и придержал коробку за угол.

– Давайте я вам вызову такси!

Старичок замотал головой, и шляпа на вихрах закачалась, угрожая слететь.

– Все в порядке, мой друг, мне недалеко!

Платон задумался, перевел взгляд с коробки на ряд фонарей, потом снова посмотрел на коробку.

– Ну давайте я хотя бы вам помогу ее нести.

Тут уже задумался старичок.

– Если вас это не сильно затруднит.

Платон заверил, что не затруднит, и принял коробку – к видимому облегчению ее хозяина.

– В какую же вам сторону? – спросил старичок. – Вдруг не в ту, в которую мне?

– Я не спешу. Если вам действительно недалеко, мне это никаких неудобств не доставит.

«А что? – подумал он, перехватывая коробку поудобнее и шагая по тротуару с такой скоростью, чтобы старичок не решил, будто Платон имеет на коробку виды и только и ждет момента, чтобы перейти на бег. – Ключи у меня, время не слишком позднее. Если приду, когда все будут спать, так и того лучше, все равно живу там как привидение».

Аня по-прежнему не показывалась Платону на глаза и даже не ответила, когда он в один из вечеров не выдержал и постучался в ее комнату – чтобы поговорить. Вот она напевала что-то, а вот замолчала и не реагирует ни на стук, ни на слова.

– Анна, я знаю, что вы в комнате, – тихо сказал Платон. – Давайте поговорим.

О чем именно он хотел поговорить, он не знал – его угнетала сложившаяся в доме обстановка, при которой две трети коренного населения его всячески избегают.

Коля избегал не так радикально, как Аня, но от этого Платон испытывал еще большую неловкость: одно дело – видеть пустующим Анино место за столом, другое – видеть Колю, который на тебя не смотрит и с тобой не разговаривает.

Как ничего не заподозрила тетя Лиза, Платон понять не мог – она, напротив, была веселее обычного, с охотой обсуждала все на свете и только сетовала на капризы Ани, отказывающейся спускаться к ужину.

– Это, в конце концов, невежливо, – всплескивала она руками, но ничего поделать не могла.

Платон, не дождавшись ответа на свой стук, раскаялся в минутной слабости и оставил Аню в покое – не хочет показываться, пусть не показывается, хотя бы сцен не закатывает.

Старичок меж тем вел Платона переулками, сворачивал на перекрестках, норовил поддержать коробку, когда переходили через мостик, под которым плескалась мерно вода, и заверял, что еще совсем немного, еще каких-нибудь пара минут, и они будут на месте. Платон шагал, чувствуя, как коробка с каждым шагом становится все тяжелее и тяжелее. Виски и спина его взмокли от пота, с потом вышел последний хмель, и Платон временами принимался

мысленно ругать то себя самого – вот ведь добряк нашелся – то старичка, который отказался от такси и у которого, как оказалось, свои представления о «недалеко».

«Что же для него далеко? – думал Платон, раздувая ноздри и плечом утирая с щеки пот. – И как он собирался справляться сам?» Он представлял старичка проделывающим весь этот путь в одиночку – с коробкой, которую нужно подпирать коленом – и отмечал, что да, от людей в старости можно ждать каких угодно чудачеств.

«Сам таким буду», – думал Платон. Представлял себя стариком – таким же вот, седым и косматым, повыше разве что – и отвлекался, веселел.

Скоро они забрались в ту часть городка, которую даже Платон, исходивший его вдоль и поперек, знал не слишком хорошо – но все-таки, кажется, знал. По обеим сторонам улиц стояли похожие друг на друга четырехэтажные дома – аккуратные, с покатыми черепичными крышами, кое-где между ними чернели ведущие во дворы арки.

В арках уныло гудел ветер, ветви редких деревьев сонно колыхались, царапая стены домов.

– Вы не устали? – спрашивал старичок, точно издевался. – Может быть, давайте вместе?

– Нет, не устал, – скрипел зубами Платон. – Все в порядке.

– Спасибо вам, мы почти пришли.

Когда Платон был готов остановиться и, поддержав коробку коленом, вызвать такси, старичок показал на один из домов – ничем не отличающийся от своих соседей.

– Пришли.

Платон дотопил коробку до крыльца с высокими ступенями и поднялся по ним, стал под свисающей у двери лампой.

В свете лампы на уровне Платоновых глаз поблескивали привинченные к стене таблички с именами жильцов и номерами квартир.

– Спасибо, мой друг! – рассыпался в благодарностях старичок. – Не знаю, что бы я без вас делал!

«Да вот уж точно», – подумал Платон и спросил:

– А какой у вас этаж?

– Мансардный, – улыбнулся старичок.

Платон решил, что это точно один из тех поступков, узнав о которых, мама сможет сказать, прижав руки к груди:

– Я воспитала хорошего сына!

– Давайте я подниму, – вздохнул Платон.

– Что вы, что вы, – замахал руками старичок. – Вы и так мне очень помогли, давайте.

И он потянул коробку на себя. В коробке что-то звякнуло.

– Мне правда не сложно, – возразил Платон. – Глупо было бы проделать такой путь, а самую... непростую часть оставить вам.

Старичок замялся.

– Что ж... – пробормотал он. – Это очень любезно с вашей стороны.

Он потянул на себя дверь и придержал ее, позволяя Платону войти. Платон шагнул через порог и оказался на площадке тесного и сумрачного подъезда, стиснутой с обеих сторон дверями квартир.

Пахло пылью и старыми досками. Вверх уходила узкая лестница с округлыми перилами.

– Давайте все-таки вместе... – пробормотал старичок и, заломив шляпу на затылок, поднялся на несколько ступенек, взялся за край коробки.

– Давайте, – согласился Платон, представив, как обидно будет сперва показать себя героем и богатырем, а потом, споткнувшись, уронить коробку и перебить все, что в ней спрятано, а то еще и самому покатиться по ступеням.

Вдвоем, перехватывая коробку так, чтобы она входила в поворот там, где выгибалась лестница, они со старичком кое-как втащили ее на самый верх, к мансардным дверям. Шляпа старичка дважды за время подъема падала с затылка на ступени и дважды он ее кое-как, извернувшись, поднимал и возвращал на голову.

– Секунду... секунду... – забормотал старичок у нужной двери и вытащил из кармана связку ключей. – Я открою...

Придерживая второй рукой коробку, звеня ключами, он открыл дверь и, дотянувшись, щелкнул выключателем – Платон увидел, как за дверью осветилась неярко тесная прихожая.

– Входите... – позвал старичок и потянул свою сторону коробки. – Я помогу...

Они осторожно, стараясь не зацепиться за косяк, внесли коробку в прихожую. Старичок толкнул плечом еще одну дверь.

– Не разувайтесь... Давайте занесем ее сразу сюда...

Он первый скрылся в проеме и щелкнул еще одним выключателем. Платон, поднатужившись и чувствуя, что ноги у него уже слегка вибрируют от напряжения, помог внести коробку в комнату.

– Осторожно, осторожно... – руководил старичок. – Вот, здесь, ставьте сюда...

Наконец, коробка, от которой Платону казалось, он не избавится больше никогда, очутилась на полу. Платон, чувствуя, как ноют спина и руки, разогнулся и стянул с себя мокрую шапку. Огляделся и ахнул.

Мансарда – вытянутая и, как и все мансарды, сужающаяся на манер приоткрытой книги, но все-таки довольно просторная, если бы не обилие мебели – представляла из себя нечто вроде обсерватории. На длинных металлических ногах толпились перед двумя покатыми окнами несколько телескопов один другого внушительнее. По стенам – там, где они не были закрыты книжными шкапами и полками – висели карты звездного неба, чертежи и схемы, гравюры в рамках – с изображениями созвездий в виде животных и человеческих фигур. На заваленном тетрадами и блокнотами столе так же, как на Колином, возвышался глобус – только являл он собой не Землю, а Луну, испещренную кратерами.

С полок смотрели бюсты ученых – Платон узнал Коперника – между ними серебрились измерительные приборы, точно сошедшие со страниц энциклопедий, которые Платон любил изучать в детстве. Под стеклянными колпаками мерцали на жердочках модели планет.

– Вау... – выдохнул Платон.

И добавил по-русски:

– Охренеть можно.

Старичок, уже изучавший содержимое коробки – какие-то линзы и футляры, металлические соединения и рычажки – отвлекся и с улыбкой посмотрел на Платона.

– Не ожидали?

– Нет, – честно признался Платон.

За время пути он перебрал тысячу вариантов того, чем занимается старичок и что позвякивает в коробке, но ничего из области астрономии ему на ум не пришло.

– Посидите немного, если хотите, – старичок показал на кресло. – Отдохните.

– Нет-нет, – замахал руками Платон. – Я пойду, уже поздно.

Но сдвинуться с места он не мог – стоял как вкопанный и разглядывал удивительную комнату.

Старичок рассмеялся и повесил шляпу на крюк у двери.

– Хотите посмотреть? – показал он на телескоп. – Небо ясное.

– А можно? – задохнулся от восторга Платон.

Старичок снова засмеялся.

– Конечно, можно. Проходите.

– Прямо так, в ботинках?

– Ну я же в ботинках, – фыркнул старичок. – Ничего, проходите, я завтра буду убираться.

Платон осторожно прошагал по комнате к темному проему окна.

– Так, этих мы во-от сюда... – старичок осторожно отодвинул лишние телескопы, оставив рядом с Платоном только один. – А в этот... секунду...

Он склонился над окуляром, зажмурив один глаз, и стал крутить какие-то колесики, осторожно поворачивать телескоп так, чтобы тот смотрел ровно на окно.

– И вот так сделаем... – довольно сообщил старичок. – Для эффекта.

Он шагнул к окну и распахнул его. В мансарду хлынул холодный воздух, листки на столе за Платоновой спиной зашевелились с шуршанием.

– Смотрите, – разрешил старичок. – Фокус вот тут, – он показал на колесико у основания окуляра.

Платон осторожно подошел поближе, закрыл один глаз, а вторым прикинул к отливающему сиреневым стеклышку.

– Видите что-нибудь? – услышал он голос старичка.

– Пока нет... Темнота.

– Чу-уть чуть подвиньте... вот так.

Платон сдвинул трубу телескопа в сторону, тронул колесико, и в темноту всплыла, раскинув крестом тонкие лучи, звезда – она была не намного крупнее чем, если бы Платон просто смотрел на нее через окно, но даже такое незначительное увеличение дарило удивительный эффект.

– Двигайте, двигайте, не бойтесь.

Рядом с первой звездой появилась еще одна, между ними – Платон тронул колесико еще раз – засеребрились точками более далекие, но – у Платона дух перехватило – как много их было! Чем пристальнее он всматривался, тем, ему казалось, все больше и больше звезд проступает в темной глубине. Он допускал, что накручивает себя, что на самом деле, может быть, видит не намного больше, чем видел любой ясной ночью, но – что если нет? Да и почему бы не накрутить себя, не нафантазировать даже, если результат мало того, что безвреден, но еще и так прекрасен?

– До луны вы сейчас не дотянитесь, – услышал Платон голос старичка, – она уже за крышей. А жаль.

Платон представил себе луну – так близко, что разглядишь в окуляр пики на огибающих кратеры хребтах. Луноход видно будет, если он, конечно, там, цепочку следов – Армстронга...

– Завтра мне нужно уехать, – сказал старичок, когда Платон, снова как будто запьяневший, отклеился от телескопа. – А через две недели приходите, милости прошу. Посмотрите на луну, выпьем чаю.

– Через две недели уже уеду я, – улыбнулся и развел руками Платон.

Старичок покачал головой.

– Вы у нас проездом?

– Да как сказать, – усмехнулся Платон. – С сентября живу у...

Он назвал фамилию тети Лизы.

– О! – вскинул облака-брови старичок. – Андрей Александрович!

– Вы знакомы?

Старичок закивал.

– Еще бы! Прекрасный человек, прекрасный! Вот эти красавцы, – он показал на телескопы у соседнего окна, – куплены на его деньги...

И он восхищенно забормотал что-то в бороду.

Платон уже ничему не удивлялся. Он попросил разрешения еще раз посмотреть в телескоп, поплавал фокусом от звезды к звезде, поплавал и сам мысленно среди них, а затем поблагодарил старичка и долго тряс сухую крепкую руку, прощаясь.

Старичок бормотал что-то, польщенный.

– Простите, – обернулся Платон на пороге. – Я не спросил, как вас зовут.

– Велько, – улыбнулся старичок. – Велько Шаранович.

– Велько Шаранович, – повторил Платон.

– Сербское имя, – кивнул старичок. – И фамилия тоже.

И Платон вдруг понял, что в те минуты, когда старичок бормотал не по-английски и не по-чешски, он, видимо, бормотал по-сербски. И снова перед ним замелькали побег и погоня, лицо красавицы и богатыря, он почти услышал стук копыт.

– Спасибо вам, – горячо поблагодарил Платон. – Я и ожидать такого не мог!

Он от порога показал на комнату с телескопами.

Старичок рассмеялся.

– Передавайте привет Андрею Александровичу, – попросил он.

Платон не стал объяснять, что с Андреем Александровичем уже не увидится – не в эту поездку, по крайней мере – и кивнул. А затем вышел в подъезд, еще раз кивнул, еще раз поблагодарил старичка и, дождавшись, когда дверь закроется, зашагал по узкой лестнице вниз.

До дома тети Лизы он добирался пешком – дышал воздухом, смотрел на ясное небо в точках звезд, на выглядывающую из-за крыш и скрывающуюся за ними, точно в прятки играющую, луну. На площади посидел минуту на скамейке перед Бронзовым, заглянул в темную витрину кофейни и различил зубцы неподвижного механизма.

Ноги ныли, спина и руки – тоже. Но на душе у Платона было весело и приятно.

– Велько Шаранович, астроном... – повторял он, шагая к дому. – Велько Шаранович, звездочет...

Слово «звездочет», впервые за долгие годы всплывшее в его памяти, очень ему понравилось.

В доме все спали, горела как обычно лампа в коридоре второго этажа – и ее свет ломался прямыми углами на лестнице. Платон проверил, надежно ли закрыта дверь, оставил верхнюю одежду и ботинки в прихожей и бесшумно поднялся к себе. Не зажигая света, добрался до кровати и улегся в нее как был – в джинсах и джемпере.

И тут же уснул.

***

В некотором роде Платон свыкся с мыслью о том, что Аню до отъезда, до которого оставалось всего ничего, он уже не увидит – и с Колей общение, конечно, не наладится.

«Не наладится так не наладится, – думал он. – Что теперь? Подрастет и сам все поймет».

Анина способность не показываться ему на глаза – сперва обескураживающая, а затем раздражающая – теперь начала забавлять. «Вот уж кто настоящий ниндзя», – усмехался Платон.

И ему думалось, что он спокойно, в привычном уже режиме доучится-догуляет эти несколько дней – билеты были взяты с нахлестом, он как прибывал раньше положенного, так и отбывал на два-три дня позже – и также спокойно и тихо улетит, помахав Праге и пригороду ручкой, поблагодарив тетю Лизу и ее детей – возможно, заочно – за гостеприимство, не застав больше ни сцен, ни драм, ни выяснений отношений.

Но у тети Лизы были иные планы – и это Платон тоже какой-то частью сознания понимал: ни одна хозяйка не отпустит гостя, три месяца ошивавшегося в ее доме, без застолья. А уж от застолья Ане, наверное, не отвертеться – и если Коля сможет держаться выбранной тактики и есть-пить, глядя мимо Платона, то Ане придется оставить свой затвор и как минимум предстать перед публикой.

– Нет-нет-нет, – махала руками тетя Лиза в ответ на робкие возражения Платона относительно празднества. – Я уже покупаю продукты!

Чтобы не перегружать самые последние дни, решено было – тетей Лизой – закатывать пир чуть загодя, за день до завершения институтской программы, с тем, чтобы затем Платон спокойно распрощался с институтом и провел два дня в неторопливых сборах.

Но и у друзей Платона были иные планы – хотя о каких-то планах, конечно, в сложившейся ситуации говорить не приходилось, разве что их вынашивала Берта, от которой никто до последнего подвоха не ждал.

Никто до последнего не ждал от Берты подвоха – считая, что по степени обожания в ее жизни с Валею может состязаться лишь древняя игра на тридцать две фигуры. И расспроси кто Сергеева или Ирину, или Валею, или даже Платона, узнавшего о произошедшем на следующий день, никто бы не мог предположить, что случится то, что случится. Ни Сергеев с Ириной, ни Валя, ни тем более Платон не могли предположить, что во время очередного похода в бар вчетвером – парами – в тот момент, когда Валя отлучится в уборную, а Ирина выйдет на крыльцо поговорить по телефону с соседкой по квартире, Берта – маленькая, молчаливая Берта

в огромных ботинках – вдруг перевесится через стол, опрокинув пустой пивной бокал, и буквально вопьется самым вульгарным поцелуем в губы ничего не подозревавшего и смотревшего в телефон Сергеева, обхватив шею последнего для верности обеими руками с неожиданной для такого маленького тела силой.

– Я люблю тебя, – бормотала Берта по-русски вырывающемуся Сергееву и пыталась снова накрыть его рот своим. – Давно люблю тебя...

Как и полагается в подобных ситуациях, в этот самый миг в зал вернулись – с разных сторон – Ирина и Валя. Вернулись и замерли – в разных концах зала – при виде открывшейся им картины.

– Валя! – крикнул Сергеев, заметив краем глаза ошарашенного товарища. – Убери ее от меня!

Валя, точно очнувшись ото сна, метнулся к столику, но схватил в охапку не Берту, а свои вещи – и в следующий миг уже пролетал мимо еще не очнувшейся ото сна Ирины.

– Иди ты в жопу! – взревел наконец Сергеев и, спасаясь от ослабившей, впрочем, напор Берты, сполз под стол – тут же вынырнув с другой его стороны. – Какого хрена?

– Я уж думал, все, – рассказывал Сергеев Платону на следующий день в коридоре института. – Ирен моя сейчас налетит на нее, как коршун – и начнется.

Он морщился.

– А я этого страсть как не люблю – когда тетки дерутся... Я вообще тебе честно скажу, брат Платон, – Сергеев понижал голос. – Если б Ирен в нее вцепилась, я бы – веришь, нет? – в ней разочаровался.

И он счастливо выдыхал – потому что Ирина повода разочароваться в ней не дала. Она молча и неподвижно стояла у выхода из бара – в то время как Берта с отстраненно-оскорбленным и даже несколько высокомерным видом собралась и прошествовала к этому самому выходу, не удостоив Ирину и взглядом.

– Лучшая женщина на свете! – бил себя в грудь кулаком Сергеев, рассказывая дальше. – За что мне такое счастье?!

Ирина, с его слов, спокойно – хотя и бледная как мел – выслушала его и даже не пошла к бармену с просьбой проверить записи видеокамер – а просто и честно поверила сказанному, подтвердив, что в любой столице любой страны пруд пруди чудаков, и хорошо, что Берта кинулась на Сергеева с поцелуем, а не с ножом, например.

– В шахматы переиграла, – предполагал Сергеев. – Вот мозги и закипели.

Далее события разворачивались стремительно – проводив Ирину домой и вернувшись в общежитие, Сергеев не обнаружил в комнате никаких подтверждений тому, что у него вообще когда-то был сосед. Валя забрал все свои вещи, включая самые незначительные, которые обычно в общежитиях забывают, и исчез. Сергеев попытался дозвониться ему, написал несколько ободряющих сообщений, попытался дозвониться снова – Валин телефон, по видимому, был выключен – а затем плюнул – взрослый человек, не пропадет – и лег спать, предварительно подперев стулом дверь.

– А ну как завалится ночью и приложит чем-нибудь, – цыкал Сергеев. – Отелло очкастый.

Ночью он, однако же, проснулся и долго ворочался с боку на бок, представляя Валю то лежащем на дне Влтавы, то болтающимся где-нибудь в петле

– И так натурально, знаешь, брат Платон, представлялся – жуть. Висит, язык набок, а сам на меня смотрит – типа как же ты, Сергеев, мог? А что я мог? Если б меня хоть предупредили – я бы блок выставил или еще там чего.

В результате Сергеев вылез из кровати, оделся и спустился к комендантше, от которой узнал, что Валя не то чтобы совсем съехал, а всего лишь переехал – в ту самую пустую комнату, в которую могли поселить Платона.

– Поругались? – спросила комендантша.

Сергеев, у которого гора рухнула с плеч, взял, да и пересказал ей на эмоциях все, чему стал невольным участником. Комендантша слушала с круглыми от изумления глазами и охала, качала головой, прижимала ладони к щекам – а затем, когда Сергеев замолчал, вздохнула:

– Грустно. Только что же вы удивляетесь? Вы юноша видный, статный... вполне можно ожидать чего-то такого.

– Брат Платон, – прижимал Сергеев ладонь к груди, – я уж решил, что она тоже на меня сейчас кинется, как Берта, – Сергеев смеялся. – Что, думаю, за вечер такой? Может, это одеколон новый виноват?

Но кидаться на Сергеева комендантша не решилась – а посоветовала на время оставить Валу в покое и дать ему возможность осмыслить происходящее. В советах такого рода Сергеев, впрочем, не нуждался – так как кроме удостоверения в том, что Валя жив и здоров, не нуждался вообще ни в чем. Он, конечно, поднялся на нужный этаж и подошел на цыпочках к двери пустовавшей прежде комнаты, но ни стучаться, ни даже прикладывать к ней ухо, чтобы услышать Валин храп – храп, впрочем, был бы слышен и без дополнительных усилий – не стал, а вернулся к себе, написал Ирине что-то нежное и уснул сном праведника.

– Такая, брат Платон, история, – подводил итог Сергеев.

– И вы с ним еще не виделись?

– А как с ним увидишься? – обводил Сергеев рукой коридор.

Валя на занятия не пришел.

– Позвонить ему? – спрашивал Платон.

Сергеев махал рукой.

– Зачем? Шляется сейчас по городу, надирается где-нибудь. Взрослый мальчик, справится.

Но Платон все-таки на лекции написал Вале и спросил, все ли у того в порядке. Валя ответил коротким «да» – и Платон почувствовал себя человеком, который сделал то, что от него требовалось, а дальше – будь что будет.

– Я тебе сразу говорил, что Берта эта пришибленная какая-то, – шептал Сергеев, записывая за лектором. – По ней видно же.

Платон соглашался – ему Берта тоже особого доверия не внушала.

– Сидит, глазами хлопает, – продолжал Сергеев. – Молчит все время, – он придвинулся к Платону, говорил совсем тихо: – Ну, они на самом деле прямо нашли друг друга – что он с дуринкой, что она. Странно, что ей я понадобился.

– Это ты еще в шахматы не играешь, – шутил Платон. – А то бы так легко не отделался.

– Типун тебе на язык, я к шахматам больше вообще не притронусь.

И теперь, считая ворон, глядя из окон аудитории на заливаемую дождем, или продуваемую ветром, или скупно посыпаемую снежной крупой Прагу, Платон не мог отделаться от встающей в воображении картины – узкие гнутые улочки, брусчатка тротуаров и нарочито грубый камень фасадов, черепичные скаты и иглы-шпили, и по улочкам этим бредет, закутавшись в пальто, Валя, и ветер норовит повалить его, хлещет прямо в лицо, а Валя знай себе идет, пьяный и отрешенный, и только наклоняется, чтобы не потерять равновесие. Утро, вечер, время занятий или время отдыха, ночь, день – а Валя все идет и идет, блуждает по Праге как призрак. Как бы ни сочувствовал Платон товарищу, картина казалась ему комичной – хотя он себя за это и пристыжал раз за разом.

На занятиях Валя больше не появлялся.

– Слушай, – шептал Сергееву Платон, – а может, он в Москве уже?

– Не, – качал головой Сергеев. – Я у комендантши каждый день спрашиваю – не выселялся.

– А Берта что?

– А что она?

– С ней ты не пересекался?

Сергеев делал глаза полные ужаса.

– Еще один типун тебе на язык!

– А может, он ее того? – и Платон скручивал с невидимой бутылки пробку.

Сергеев смотрел с укором.

– Наслушался сказок в своей провинции, да?

– Шучу, шучу.

Платон и вправду шутил – и вообще в какой-то момент поймал себя на том, что не может воспринимать сложившуюся между Валея, Бертой и Сергеевым с Ириной ситуацию всерьез. Фарс, клоунада какая-то – только шутить и остается. И он гадал, какое впечатление произвела бы эта история на Аню, с каким лицом она слушала бы ее, не делай она вид, что Платона не существует – или что ее самой не существует, если судить с его стороны. Вот кто оценил бы накал страстей! Вот кто бледнел бы и замирал вместе с Ириной. Он представлял себе Аню на месте Ирины и прикидывал, как бы поступила она? Вцепилась бы Берте в волосы или сама не посмотрела бы даже на нее, считая это чем-то ниже своего достоинства? А смогла бы поверить вот так, как Ирина – Сергееву? Еще он думал, что Коле было бы интересно услышать историю пропавшего студента – и узнать, что друг Платона Валя заселился, возможно, в *ту самую* комнату и теперь спит в ней ночами как ни в чем не бывало. Знать о причине такого заселения ребенку, может, и не стоит – а вот сам факт точно произвел бы впечатление.

Из этих размышлений Платон выводил, что все-таки в глубине души, быть может, тяготится из-за испорченных отношений с Аней и ее братом – и тут же на память ему приходили идиллические картины совместных ужинов с лото и игрой на пианино, вспоминалась гроза и воодушевление, с которым все семейство ожидало приезда Андрея Александровича.

«А все-таки я, получается, виноват, – заключал он. – Надо было как-то по-другому все, по-умному...»

Платон давно заметил, что если начинал всерьез о чем-то задумываться, то в семи случаях из десяти приходил к тому, что сам во всем виноват – что бы ни происходило.

***

В назначенный день Платон вернулся из Праги пораньше, чтобы помочь тете Лизе с сервировкой стола. Забежал по ее просьбе в супермаркет и купил к вину еще сыра, выпил на бегу чашку кофе. День стоял зябкий, неуютный, накрапывал то иссякая, то возобновляясь, дождик – редкий и мелкий, но холодный, совсем ледяной, и будь на то воля Платона, он бы заказал в кофейне не кофе, а глинтвейн, да погорячее, да с таким количеством пряностей, что пусть хоть рот вяжет.

В кофейне глинтвейн не наливали.

«Может, намекнуть как-то тете Лизе? – думал Платон, слушая, как о капюшон куртки бьются тихонько капли. – Вино вином, а глинтвейн ведь – дело хорошее».

Но оказавшись дома, он быстро согрелся – дышала жаром кухня, светилась огнями теплая гостиная, впервые за время его пребывания мерцал оранжево из угла искусственный камин, до этого загораживаемый огромным цветочным горшком, из которого тянулось тоненькое деревце.

– Коля с Матиасом его починили, представляешь, Платоша? – восторгалась тетя Лиза камином, вручая Платону стопку тарелок. – Я думала, там что-то серьезное, не хотела даже разрешать, а они сняли заднюю крышку, поковырялись отвертками и все заработало!

Коли дома не было – починив камин и сходяв с тетей Лизой в супермаркет, они с Матиасом убежали по какому-то срочному делу. Аня была наверху, но в приготовлениях участия не принимала.

– Анюта хандрит, – подмигивала тетя Лиза, понижая тон. – Я в ее возрасте была точно такая же.

Она смотрела на Платона весело, точно хотела прибавить, что Аня как пить дать хандрит из-за его, Платона, скорого отъезда – влюбилась, наверное, дело-то молодое – но не прибавляла.

– Жаль, что ты так рано уезжаешь, Платоша, – говорила тетя Лиза. – Мы через неделю будем елку наряжать, дом украшать...

Платон уже видел кое-где первые гирлянды – в окнах, в магазинах. Скоро и Прага, и пригород заморгают разноцветными огнями – и в доме тети Лизы, наверное, будет страшно уютно, главное – чтобы никто не ругался друг с другом, не бойкотировал друг друга и не заперся в своей комнате как узник в темнице.

Тетя Лиза смотрела за окно и вздыхала.

– Хотя в такую погоду не до украшений, да. Скорей бы снег.

Снег Платону казался почти невозможным – какой снег, если вот, моросит же из серых туч по серым улицам дождь, гудит в трубах ветер, и так, наверное, будет теперь всегда, до окончания века.

Когда приготовления были завершены и тете Лизе оставалось только допечь что-то, домешать и доперчить, чтобы подавать на стол, Платон откланялся и ушел наверх – и по привычке даже сперва сел за тетради, но потом переместился на кровать и просто лежал, закинув руки за голову. Завтра последний день – какая уже учеба? Две лекции стоят в расписании – кому они понадобятся? – а потом будут подводить итоги, концерт, наверное, устроят.

За темнеющим окном стучали по карнизу капли, под потолком висели неподвижно Колины самолеты. Слышно было, как в кухне напевает, колдуя у плиты, тетя Лиза.

Вот хлопнула внизу дверь – послышался голос Коли.

Вот раздался какой-то шум в Аниной комнате – как будто книга упала с полки – затем заиграла негромко музыка, что-то из классики.

Платон был уже готов задремать – а, возможно, и задремал ненадолго и музыка в Аниной комнате ему пригрезилась, – как тетя Лиза позвала снизу, от лестницы, как всегда звала тех, кто засиживался наверху и не шел в гостиную:

– Все готово, дети, спускайтесь!

«Дети, – усмехнулся Платон. – Довольно мило».

И он подумал, что тетя Лиза и впрямь, вероятно, привязалась к нему за это время – может быть, даже больше, чем кто бы то ни было из всех, с кем он познакомился здесь, больше даже, чем Аня или Коля – в добойкотные времена – и теперь и впрямь воспринимает его почти что своим сыном.

«Эдак она, может быть, еще и скучать будет», – предположил Платон, и ему стало неловко.

Он переоделся в праздничное, раскатал до запястий и скатал обратно к локтям – чтобы не выглядеть неопрятно с мятыми – рукава рубашки, подумал даже о галстукке, но посмеялся сам себе, причесался и пшикнулся одеколоном. Спустился в гостиную, в которой уже сидели за столом тетя Лиза – счастливая, сияющая – и Коля – хотя и без улыбки, но все же повернувшийся к Платону и посмотревший на него.

«Уже что-то», – отметил Платон и неловко улыбнулся Коле, но тот уже, подперев щеку кулаком, смотрел на камин.

– Аня сейчас спустится, – пообещала тетя Лиза. – Садись, Платоша, накладывай себе.

Стол был так густо заставлен блюдами и графинами, что казалось – коснись неаккуратно своей же тарелки, и с противоположного края обязательно что-нибудь да соскользнет.

– Что Матиас? – спросила тетя Лиза Колю, пока Платон со скрипом ввинчивал в винную пробку штопор. – Я думала, он тоже заглянет.

Коля поморщился.

– Мы с Матиасом больше не общаемся.

Тетя Лиза ахнула.

– Вот тебе новость! Отчего же?

Коля еще раз поморщился.

– Оттого, что он дурак.

– Коля, – с укоризной посмотрела на него тетя Лиза. – Разве можно?

– Можно, – кивнул Коля.

– Вот так бывает, – рассмеялась невесело тетя Лиза, глядя на Платона. – Еще днем вместе камин чинили, плечо к плечу, а вечером уже – дурак.

– Он не чинил, мама, – с нажимом сказал Коля, – чинил я. А он только мешал.

– Ну все, все, – замахала руками тетя Лиза, и перстни на ее пальцах засверкали. – Не хочу это слушать. Я распереживаюсь, а вы завтра помиритесь.

– Не помирися, – уверенно сказал Коля.

– А я... – начал Платон, почувствовав вдруг, что момент самый подходящий. – Я тут на днях встретил одного человека...

Тетя Лиза – благодарная Платону за смену темы – повернулась к нему заинтересованно. Коля смотрел на камин, но видно было, что он слушает внимательно.

В камине тлели искусственным жаром искусственные угли, над ними перекачивались сполохи искусственного пламени.

– Астронома, – продолжил Платон. – У него тут... мансарда в другой части города, с телескопами, картами... Я помогал ему нести коробку, – при воспоминании о коробке Платон вздрогнул, – от поезда. И он даже разрешил мне посмотреть через телескоп на звезды... Я, признаться, совсем не ожидал чего-то такого – ну старичок и старичок...

Тетя Лиза слушала изумленно, Коля перестал подпирать щеку кулаком.

– Как в другой мир попал, – искренне, с жаром восторгался Платон. – Все шли, шли – улицы, подъезд... А потом бац – карты, глобусы – лунные! – телескопы эти...

Коля чуть повернулся к Платону – и теперь Платон видел его профиль.

– И самое поразительное! – вспомнил Платон. – Этот астроном... Велько Ша... Ша... забыл. Этот астроном не только знает Андрея Александровича, но и... как объяснить... он сказал, что какие-то из его телескопов ему Андрей Александрович и купил – или деньги на них дал, я уже точно не скажу.

Тетя Лиза всплеснула руками и рассмеялась.

– Это очень в духе Андрея Александровича, Платоша! Я впервые слышу о каком-то астрономе... как ты сказал? Велько?.. Интересное имя... Впервые о нем слышу, но совершенно не удивлена – Андрей Александрович подчас находит своим деньгам очень оригинальное применение!

В выражении Колиного лица Платон прочел недоверие.

«Решит сейчас, – подумалось ему, – что я все выдумал, чтобы к нему подлизаться».

– Он меня пригласил через две недели снова к нему зайти, – сказал Платон как можно непринужденнее. – Он сейчас уехал, а через две недели вернется. Зайти, посидеть, посмотреть...

В это время по лестнице простучали шаги, и в гостиную вошла Аня – в пышном голубом платье с открытыми плечами, с заколотыми в высокую прическу волосами, с тяжелыми сверкающими серьгами, которые Платону уже были знакомы. Незнакомо было переливающееся и точно огнем горящее ожерелье, обхватывающее тонкую Анину шею и лежащее на ключицы. Тем же огнем горели придерживающий прическу гребешок и браслеты на запястьях обеих рук.

– Анюта, – выдохнула восторженно тетя Лиза. – Какая ты красавица.

– Благодарю, мама, – Аня сделала реверанс, придержав платье за юбку. – Здравствуйте, Платон.

– Здравствуйте, – просипел ошеломленный Аниным выходом Платон и откашлялся. – Здравствуйте.

– Привет, Коля.

– Угу.

Аня прошествовала к своему месту, со скрежетом отодвинула стул и уселась на него, придвинула с тем же скрежетом.

– Ах, мама, я так голодна, – улыбнулась она. – Что ты мне посоветуешь?

Тетя Лиза засуетилась и наполнила Анину тарелку закусками.

– Анюта, мы пьем вино. Ты будешь?

– С удовольствием, мама. Я целую вечность не пила вина.

Платон перетянулся бутылкой через стол, и в Анин бокал с бульканьем хлынуло вино.

– Благодарю, Платон.

Анины браслеты, серьги и ожерелье – а также гребешок и тоненькое кольцо с камнем на указательном пальце правой руки – при свете лампы сияли и переливались, цеплялись друг за друга лучами.

– Анюта, ты восхитительна, – повторила тетя Лиза. – Скажи, пожалуйста, тост.

Аня кивнула, опустив ресницы, и подняла за ножку рубиновый бокал. Платон вспомнил о поцелуе, нашел взглядом Анины губы и внутри у него все заклокотало – даже дышать стало трудно.

«Свалюсь сейчас с сердечным приступом, – подумал он, мысленно приводя себя в чувство. – Вот будет прикол».

– Я поднимаю этот бокал, – громко объявила Аня и выдержала паузу, в которую Платон услышал, как мимо дома проехал, тарахтя двигателем, автомобиль, – за нашу прекрасную родину. За далекую и таинственную, могучую и непостижимую Россию!

Аня протянула бокал к центру стола.

«Опять она за свое», – подумал Платон не без улыбки и отметил, что рад.

– Хороший тост, Анюта, – кивнула тетя Лиза совершенно серьезно. – Очень хороший.

Бокалы зазвенели, соприкасаясь.

– Ах, как бы я хотела быть полезной своей родине, – продолжила говорить Аня, когда все выпили. – Как бы я хотела послужить ей, остаться в ее памяти, сделать что-то великое, что-то... что-то такое...

Тетя Лиза улыбнулась.

Анин взгляд, прежде мечтательно проходящий сквозь объекты материального мира, сфокусировался на Платоне.

– Вот вы, Платон.

– Я.

– Есть ли у вас желание совершить что-нибудь великое?

Платон улыбнулся – не вопросу, а скорее тому, что снова началась игра, по которой он все же как будто успел немного соскучиться.

– Не знаю, – сказал он. – Наверное, всем хочется так или иначе совершить что-то великое.

– Нет, – покачала головой Аня и сделала глоток вина. – Я не о тщеславии, которое требует от каждого прыща стать Наполеоном или Александром Македонским. Прыщ – это, конечно, не о вас, Платон, не подумайте.

Платон, успевший подумать и обидеться – и отречься от того, что соскучился по Ане и ее игре – изобразил воодушевление.

– Я не о жажде человека доказать всему миру, что он вообще-то существует и заслуживает золотых гор, – продолжила Аня. – Я об искреннем и горячем желании быть полезным, послужить другим, прославить не себя, а отчизну... Понимаете?

– Понимаю, – кивнул Платон.

– И что же, есть в вас такое желание?

– Не знаю, – честно ответил Платон. – Я не думал об этом.

Аня помолчала, глядя Платону в глаза – из сверкания своих драгоценностей.

– Вы честны, это подкупает, – сказала она наконец и губ ее коснулась улыбка. – Во всяком случае, вы, кажется, не хотите стать ни Наполеоном, ни Александром Македонским, а это уже очень дорого стоит по сегодняшним меркам. Ведь не хотите?

– Не хочу, – честно ответил Платон.

Аня кивнула удовлетворенно.

– Анюта, дай Платону покушать.

– Да, мама, извини меня, – Аня опустила глаза. – Кушайте, Платон, не буду вас тревожить, – и прежде, чем Платон успел возразить, воскликнула, обращаясь к тете Лизе: – Мама, стол великолепен! Ты превзошла сама себя!

Тетя Лиза смущенно потупилась.

– Ну скажешь тоже, Анюта... Спасибо, конечно...

Коля во время всего разговора между Аней и Платоном нет-нет а поглядывал то на нее, то на него.

– Платон рассказал, – поделилась тетя Лиза, закрыв глаза, чтобы сменить тему, – о встрече с... астрономом, правильно, Платон?

Платон кивнул.

– Астрономом? – удивилась Аня. – Как интересно. И где же вы встретили астронома?

– Не поверишь, Анюта, – рассмеялась тетя Лиза. – В электричке!

– Что ты говоришь, мама? Астроном – и едит в электричке? – Аня встряхнула волосами, и Платон не мог понять, искреннее она удивляется или валяет дурака.

– Почему же астрономам не ездить в электричках? – снова засмеялась тетя Лиза, прикрыв рот кончиками пальцев.

– Я вовсе не говорила, что им не стоит этого делать, мама, – склонила голову набок Аня. – За неимением других средств передвижения астроному приходится прибегать к чему-то столь... обыденному, я это понимаю. И что же астроном, куда он ехал?

– В наш город, Анюта, ты представляешь?

Аня снова встряхнула волосами.

– В наш город? А зачем ему в наш город, мама?

– Он здесь живет, Анюта!

– Живет! В нашем городе живет астроном!

Коля, потягивая газировку, переводил взгляд с Ани на тетю Лизу.

– Представь себе, Анюта, – залилась смехом тетя Лиза. – Астроном живет в нашем городе, совершенно верно!

– Поразительно! – хлопнула Аня ладонью по столу. – Вы ведь не наврали, Платон? Не выдумали этого астронома?

Платон чуть не подавился куском ветчины.

– Нет, – прохрипел он. – Зачем мне выдумывать?

– Не знаю, Платон, вы ведь такой выдумщик! – Аня прищурилась и посмотрела на него по-лисьи. – Вы, конечно, и в выдумках своих искренни, но ведь они от этого не перестают быть выдумками...

Платон растерялся – и поймал себя на том, что впервые растерялся всерьез с того момента, как Аня заперлась от него в своей комнате.

– Я... – начал он.

– Ах, не берите в голову, – рассмеялась Аня. – У меня сегодня просто настроение такое, я во всем чую выдумку! Это и весело, и грустно в одно и то же время, представляете? Налейте мне, пожалуйста, еще вина, если вас не затруднит.

Платон наполнил бокалы ей и тете Лизе, затем долил и себе.

– Если астроном и впрямь не выдуман Платоном, давайте за него и выпьем! – воскликнула Аня. – И за него, и за астрономию вообще, и вообще за любую науку, которая тянет нас к звездам, а не закапывает в землю.

Все – включая Платона – тост поддержали.

– И что же астроном? – спросила Аня и бросила в рот оливку. – Расскажите, мне очень интересно!

Тетя Лиза, сверяясь в деталях с Платоном, пересказала услышанное полчаса назад. Аня мотала удивленно головой, вскидывала брови и поглядывала на Платона с нарочитым, картинным недоверием. Платон же смотрел на нее и пытался угадать, о чем она думает и что чувствует на самом деле. Не то чтобы он сомневался в ее искренности, а только во всех ее реакциях на самые порой незначительные детали ему в этот вечер чудилась не только

обыкновенная ее экзальтация, но и какое-то потаенное, не то сдерживаемое, не то растравляемое напряжение – было что-то в ее жестах, в мимике, в том, с каким жаром она подхватывала предложенную тему, что-то тревожное, указывающее, насколько Платон успел узнать Аню, на то, что в любой момент в ее поведении может произойти самая радикальная перемена – когда ей надоест или не под силу будет и дальше держаться выбранной колеи.

– Что ты говоришь, мама... Платон, как это прекрасно, вам очень повезло!

«Сейчас ей что-нибудь не понравится, – почти предчувствовал Платон. – Зуб даю, не понравится».

И ему думалось, что такое предчувствие, бывает, висит в воздухе перед непогодой – вроде бы все как обычно, не к чему придаться, солнце даже может светить, а чувствуешь, что грозы не миновать.

«Синоптик, блин, – усмехался он мысленно над собой. – Сиди себе и ешь, вино пей».

Он ел и пил вино, уже была открыта вторая бутылка, из которой он доливал в свой бокал и бокалы Ани и тети Лизы, и вспоминал первый вечер в этом доме, такое же вот почти застолье, только по случаю его приезда, а не отъезда – и вспоминал себя и свои мысли и то, как смотрел на сидящих за столом, как никого из всех троих совершенно не знал, только по именам, как не понимал Аниного поведения и места себе из-за него не находил. А еще за окном был конец августа, а не ноября, как сейчас – и в доме еще не топили, и за окнами было значительно светлее, не говоря уже о дожде...

...Анино настроение испортилось – но Платону казалось, что оно не испортилось, а просто обнаружилось, будучи именно таким с самого начала. Астронома больше не вспоминали и какое-то время ели и пили молча, причем Аня ощутимо налегала на вино. Потом заговорили о чем-то постороннем – с подачи тети Лизы – перешли на тему института и учебы, итогов и результатов, того, пригодится Платону полученный опыт или нет.

– Да тут же не угадаешь, – говорил Платон. – Что где может пригодиться.

– Верно, Платоша, – кивала тетя Лиза. – Поэтому и надо обязательно использовать все возможности – вдруг где-нибудь да и... – она задумалась, подбирая слово.

Аня в разговоре не участвовала, а слушала отрешенно или хмурилась и кусала губу. Время от времени она приподнимала пальцами край ожерелья, подносила к лицу и вглядывалась в мерцание камней, а затем снова роняла их на ключицы.

Коля скучал.

– Нет-нет, я... – говорил Платон тете Лизе. – Я очень рад, что все так сложилось... Опыт, действительно, прекрасный.

Он сам как-то незаметно для себя захмелел – и вспомнил, что примерно также чувствовал себя и в первый вечер, только тогда... и август, а не ноябрь... и он еще ничего и никого не знал... Мысли его двинулись по кругу – точно хоровод водили.

– И Прага, конечно... – говорил он тете Лизе. – Прага – это... – и качал головой.

Раз он как-то неудачно устроил вилку на краю тарелки – потянувшись за вином – и вилка кувыркнулась со стола ему под ноги. Платон сконфузился и тут же согнулся, поднял ее и вернул на стол – и поймал на себе Анин взгляд, полный не то укора, не то усталости, как если бы он ронял вилку не первый раз за вечер, а сто первый.

– Ничего, Платоша, я принесу новую... – засуетилась тетя Лиза и вышла из-за стола.

И все время, пока она отсутствовала, Аня поглядывала на Платона все тем же взглядом и вздыхала.

«Расстреляйте меня», – хотел сказать Платон ей, но не решился – при Коле.

Когда тетя Лиза подала сладкое, а Коля водрузил в центр стола фарфоровый чайник – по бокам чайника плясали нарисованные дети в старинных одеждах – на подставке, Аня сообщила, что не хочет сладкого, что она чувствует, что растолстеет, когда станет совсем взрослой, что она уже видит себя толстой и скучной теткой, работающей в какой-нибудь скучной конторе, или толстой и скучной женой толстого и скучного мужа, который посадит ее дома, а сам будет пропадать все в той же конторе и вечерами возвращаться уставший и раздраженный и

требовать от нее супа и отбивных и вареников со сметаной, и чтобы обязательно с рюмкой водки – «мушкой», как называла ее Аня – между переменами блюд.

– И я буду чувствовать себя запертой в клетке, – говорила она. – В клетке дома, в клетке своего толстого тела, в клетке суеты и скуки...

И пока ели торт – удивительно вкусный, заказанный, кажется, у того же кондитера, пражского – Аня все жаловалась и рисовала сценарии своего будущего после того, как растолстеет – один другого мрачнее. При этом она безостановочно сворачивала и разворачивала салфетку, пытаясь сложить из нее что-то.

– Платон, – отвлеклась она от безрадостных фантазий, дойдя до насмешек над ней со стороны более стройных соседок, которые, конечно, нашептывают ее мужу, что он заслуживает кого-то покрасивее, а эту неряху можно и выгнать. – Платон, вы умеете делать из салфеток розочки?

– Нет.

Аня вздохнула разочарованно.

– Ничего-то вы не умеете...

Платон подумал, не ответить ли ему что-нибудь, но Аня его опередила.

– И у вас, между прочим, пятно на воротнике.

– Анюта, – с укором посмотрела на нее тетя Лиза.

– Молчу-молчу.

Платон вспомнил ее слова о том, что соберись она его разыграть, она скажет, что у него на воротнике пятно – она произносила их дважды: когда он усомнился в том, что на портрете в комнате изображена не она, а ее прабабка, и в том, что у нее и впрямь есть сестра – вспомнил и улыбнулся.

– А наш Платон опять улыбается, – протянула Аня, комкая многострадальную салфетку. – Ему все как с гуся вода.

– Анюта, – снова воззвала к ее благоразумию тетя Лиза. – Может быть, ты лучше сыграешь нам? Раз уж ты ничего не ешь.

И она подмигнула Платону – и тему перевела, и Ане занятие придумала, ловко, правда?

– Сыграть?.. – протянула Аня. – Что же, сыграть можно, наверное.

Она со скрежетом отъехала от стола и поднялась, прошествовала, сверкая украшениями, к пианино. Села на табурет, выпрямила спину так, что лопатки почти сомкнулись, медленно подняла крышку и потрогала кончиками пальцев клавиши – не нажимая.

– Нет, – сказала она, наконец. – Не буду я играть.

Она со стуком опустила крышку и обернулась к столу, серьги ее заколыхались.

– А вот скажите, Платон, – и она пристально посмотрела на него, – хотели бы вы, чтобы я вообще больше никогда не играла?

Платон почувствовал, как вытягивается его лицо.

– Нет, конечно.

– Анюта... – пробормотала тетя Лиза.

– Мамочка, подожди, пожалуйста. Нет, Платон, вы только представьте – я такая смотрю на вас и говорю: хотите, Платон, никогда больше не буду играть? Можете вы это себе представить? Вы говорили, помнится, что я играю очень хорошо.

– Не хочу я себе это представлять, – усмехнулся растерянно Платон. – Вы замечательно играете, и я даже и подумать не могу, чтобы...

Аня вскинула подбородок.

– А знаете, Платон, – она сверкнула на него глазами из-под полуопущенных век. – Вы сейчас тут усмехаетесь, бормочете что-то... А ведь мне совершенно не важно, чего вы хотите, – тетя Лиза кашлянула испуганно. – И если бы я, Платон, и впрямь вам сказала: «хотите, никогда больше не притронусь к клавишам», а вы, Платон, чтобы позлить меня сказали бы, что хотите, что да, дескать, не притрагивайтесь... Знаете, что бы я ответила вам, Платон? – она снова сверкнула глазами и поднялась с табуретки. – Я бы расхохоталась вам в лицо, Платон! Я бы

сказала, что чихать я хотела на то, чего вы хотите, а чего нет! И что не вам решать, кому играть, а кому не играть!

– Да я же и не...

– Анюта! – воскликнула тетя Лиза. – Что ты такое говоришь? Зачем?

– Зачем, мама? А зачем вообще все это? Зачем мы сидим за этим столом, едим эту еду, миндальничаем и кокетничаем, строим из себя непонятно кого?.. Вот Коля, например...

«Сейчас расскажет, – похолодел Платон. – Сейчас все выложит».

– Ах, что Коля! – махнула рукой Аня. – Коля ребенок, ему можно! Но взять хотя бы Платона...

– Анюта...

Аня, щеки которой горели тем же румянцем, каким горели во время сцены с Желтковым, посмотрела на мать и опустила на табуретку, закрыла лицо ладонями.

– Анюта... – повторила она, собираясь не то рассмеяться, не то заплакать, а затем отняла ладони от лица и посмотрела на всех блестящими глазами. – Не называй меня так, мамочка, – она зажмурилась, – никакая не Анюта, – Платону в один миг вспомнилось, как Желтков оказался не Желтковым, – я – Анька! – она замотала головой, серьги и ожерелье зазвенели. – Противная, злая, глупая Анька! Никому я не нужна и всем я все только порчу, и если бы меня не было, всем было бы только лучше!

Она снова закрыла лицо ладонями и зарыдала – а затем вскочила и выбежала из гостиной. Схватила с вешалки куртку, захлебываясь и всхлиывая, сунула ноги в сапоги, простучала каблуками мимо гостиной, толкнула заднюю дверь и выбежала во двор.

В гостиной повисла тишина. Коля и тетя Лиза сидели испуганные, Коля смотрел на Платона так, словно спрашивал у него, что теперь делать. Платон поймал его взгляд и выпрыгнул из-за стола, чуть не перевернув тарелку.

– Я ее догоню! – воскликнул он и бросился к вешалкам, но не стал тратить время на куртку и только натянул ботинки. – Не волнуйтесь, я ее верну!

Через миг он уже бежал по двору, жмурясь от бьющего в лицо ледяного ветра. В беседке пусто, у ограды никого – но калитка приоткрыта и поскрипывает на ветру, покачиваясь туда-сюда, точно зовет Платона. Платон перестал жмуриться, вытянул шею и увидел темную Анину фигурку, удаляющуюся от ограды через луг.

– Аня! – крикнул он. – Пойдите!

Над лугом лежала на боку, стиснутая широкими ребристыми облаками, круглая луна. Казалось, что это не луна, а огромная жемчужина покоится в огромной раковине.

– Аня!

Аня остановилась и обернулась. Платон вывалился из двора, зацепив калитку локтем, побежал по мокрой, чавкающей, траве.

«Хорошо, дождя нет», – успел отметить он.

За Аниной спиной выгибалась роцца, лунный свет серебрил верхушки деревьев.

– Что такое, Платон? – крикнула ему Аня. – Зачем вы преследуете меня?

Платон, запыхавшись, остановился – их разделяли несколько метров.

– Идите домой, вы устраиваете родных!

Было совсем тихо, мокрая трава не поддавалась ветру – но от роцци, кажется, доносился едва различимый гул.

– Расстраиваю, – улыбнулась невесело Аня. – Видите, Платон, я только и делаю, что расстраиваю других.

Платон сделал шаг ей навстречу.

– Перестаньте вы, пожалуйста, – с горечью сказал он. – Вы же сами все это устраиваете, а потом сами первая переживаете.

Аня не ответила. Она стояла, прижав белые руки к груди, волосы ее трепетали на ветру – прощай, прическа.

– Идите домой, – повторил Платон. – Вам разве не холодно?

Сам он чувствовал, что первое возбуждение прошло и он начинает замерзать.

«Простужусь сейчас, перед обратной дорогой, – подумал он с раздражением. – Этого только не хватало».

– Мне не холодно, Платон, представьте себе, – рассмеялась Аня и откинула волосы с лица. – А вы даже в такую минуту не можете забыть о комфорте, не стыдно вам?

Платон растер ладонью холодные щеки.

– Вы говорите – домой, – сказала Аня серьезно. – Но чувствую ли я, что это мой дом? Чувствую ли я себя дома по-настоящему?

Платон начал раздражаться.

– Чувствуете, не чувствуете, – пробормотал он, – на досуге разберетесь. А сейчас пойдемте, я пообещал вас вернуть.

Анины глаза округлились, губы изогнулись в улыбке – какая появляется на лице человека, которому сделали неожиданный подарок.

– Пообещали? – переспросила она. – Вернуть?

По лугу прокатился порыв ветра – засвистел в ушах, обвил Платона ледяными кольцами, поднял дыбом волосы.

– Идемте же! – крикнул Платон, перекрикивая ветер.

Аня, закрывшись от ветра рукавом, сделала шаг навстречу, а когда ветер утих, посмотрела на Платона умоляюще.

– Увезите меня, Платон, увезите меня! Вы же видите, что я задыхаюсь, что я чахну... Увезите меня, я соберу вещи, мама поймет... Мама поймет, Платон, прошу вас. Давайте уедем вместе, – она сделала еще один шаг навстречу Платону и прижала руки к груди. – Сядем на поезд и уедем, а затем сядем на самолет и улетим...

Платон видел, как блестят в лунном свете ее слезы, как блестят камни в серьгах и на ожерелье. Гребень сбился набок и тоже блестел.

– Поймите же меня, Платон, прошу вас, поймите меня. Я не стану вам обузой, я научусь жить самостоятельно! Я и сейчас умею, поверьте... – она нащупала рукой гребень, – у меня достаточно вещей, дорогих вещей, которые можно продать, это ожерелье стоит страшных денег! – она сжала ожерелье в кулаке, точно хотела сорвать с шеи. – Да и что же я о деньгах? Разве в деньгах дело, Платон? Конечно же, не в них! Но поймите меня, я не могу больше, я точно оказалась вдруг в западне, в тупике...

Платон всматривался в ее лицо и пытался понять, говорит она всерьез или снова разыгрывает спектакль. Но даже если и всерьез – чего она хочет от него? ведь не думает же, что он и в самом деле может взять ее с собой? Что вообще происходит? Какая самостоятельная жизнь? Где она собирается жить? Еще он думал, что будь она хоть на самую малость не так красива, он бы не раздражался, а возненавидел ее и плюнул, ушел бы один, а она пусть себе торчит посреди луга – и о том, что никакая красота, тем не менее, не стоит того, чтобы мириться с подобным характером.

– Я... – начал он. – Я вообще вас не понимаю. И не уверен, что хочу понять.

Аня помолчала, не сводя с него глаз, затем взгляд ее потеплел, она улыбнулась уголком губ.

– Пойдемте в дом, – сказала она. – Я замерзла и промочила ноги.

Она со скрипом повозила сапогом по траве.

– Убегать из дома в ноябре – дурацкая затея, – она посмотрела на Платона и улыбнулась примирительно.

Прошагала по смятой траве мимо него и направилась к калитке.

– Идемте, что же вы стоите? – она обернулась и обнаружила Платона стоящим на месте.

И помахала ему рукой.

– Дурдом, – выдохнул Платон и зашагал следом.

В гостиной их двоих долго отпаивали горячим чаем, тетя Лиза нагрела в кастрюле и разлила по бокалам оставшееся вино. Аня просила у всех прощения, смеялась и говорила, что перенервничала неизвестно почему, что не хотела никого пугать и расстраивать, что забыла, что на дворе ноябрь – холод и темно – а то бы и носу наружу не показала, что она за несколько

дней чувствовала, что нервы ее не в порядке, а тут еще эти сны... Признавалась в любви маме и Коле, обещала беречь их и благодарила Платона, который как настоящий рыцарь бросился за ней вслед и, не взирая на холодный ветер и мокрую траву, взывал к ее благоразумию, успокаивал ее и волновался за оставшихся в доме. По реакции тети Лизы и Коли – тетя Лиза оттаяла совсем быстро, а Коля потеплел и даже сказал ему спасибо – Платон понял, что они не впервые наблюдают подобные сцены. Сам он сидел в сухих носках – пришлось сходить наверх и переодеться – пил чай и вино, смотрел настороженно на Аню и жалел о том, что камин в гостиной – искусственный; ничего на свете ему не хотелось сейчас также сильно, как сесть у настоящего – пышущего жаром – и слушать не то, как тараторит и смеется, заговаривая свою истерику, Аня, а то, как трещат, осыпаясь, поленья и урчит стиснутый стенками дымохода огонь. И еще ему впервые, кажется, за все время поездки всерьез и по-настоящему захотелось домой.

Готовясь ко сну и развешивая на спинке кресла одежду, Платон обнаружил на вороте своей рубашки пятнышко от соуса.

***

На следующий день Валя явился в институт – но сел отдельно от остальных, ни с кем не здоровался и ни на кого не смотрел. В перерыве между последними, никому уже не нужными, поставленными для отчетности двумя лекциями маячил где-то в конце коридора и – подозревал Платон – при приближении кого-нибудь из знакомых был готов затеряться в толпе.

– Да и хрен с ним, – ворчал Сергеев. – Ломает комедию.

И ни он, ни Платон, ни кто-либо еще к Вале не подходил – хотя Платон и поздоровался с ним в аудитории, увидев издали.

Валя сделал вид, что кивка не заметил.

После второй лекции – на которой даже самые ортодоксальные отличники витали в облаках или смотрели в телефоны – всех проводили в конферен-зал. И как были похожи – должны были быть похожи – застолье по случаю приезда Платона и застолье по случаю его скорого отъезда у тети Лизы, так были похожи друг на друга – и Анина истерика не могла бы этому помешать – программы по случаю старта учебного процесса и его завершения. Разве что вернувшийся – или не улетавший с сентября – московский чиновник выражал воодушевление не по поводу надежд, а по поводу их оправдания, да чех-декан забросал зал новой порцией острот. В остальном все было так же, как и три месяца назад – говорили о важности русско-чешского сотрудничества, о близости и родстве культур, о перспективах и вызовах, встающих перед подрастающим поколением специалистов – и так далее и тому подобное.

За организационную часть отвечала инициативная группа во главе с Ириной, и Платон видел, как они с Сергеевым переглядывались влюбленно через весь зал – вслед за влюбленным взглядом в сторону Сергеева летела ослепительная улыбка, и каждый, кто попадался ей навстречу, сам волей-неволей улыбался.

Даже Платон.

Единственным человеком, который не улыбнулся ни разу за всю церемонию, был Валя – он сидел мрачнее тучи в самом углу последнего ряда и смотрел не на декана, не на чиновника и не на Ирину, а перед собой, словно глубоко о чем-то задумавшись.

– Страдает, – шептал Сергеев Платону. – Ну и пускай, раз нравится.

После выступления ансамбля – в точности повторившего программу трехмесячной давности – декан пригласил всех на неофициальную часть в виде фуршета в соседней аудитории, которую инициативная группа уже подготовила к принятию гостей. Довольные – и успевшие проголодаться – студенты приняли приглашение с воодушевлением, все, кроме Вали, который, покинув конференц-зал со всеми, направился не в аудиторию, а восвояси.

– Пусть идет, – махнул рукой Сергеев. – Маленький он, что ли? Хватило, что я его в общаге караулил.

Платон думал, что после фуршета – или вечером, попозже – можно будет сесть в какой-нибудь бар и пошуметь, как в старые добрые времена, продолжить неофициальную программу

еще более неофициальной, но Сергеев извинился и, запинаясь от неловкости, дал понять, что последний вечер в Праге хотел бы провести с Ириной наедине.

Сергеев улетал на следующее утро – еще до полудня.

– Только без обид, брат Платон, – виновато похлопал он Платона по плечу. – Сам понимаешь, дело такое.

– Понимаю, конечно, – кивнул Платон и выбрал с подноса брускетту поаппетитнее.

– Но как вернешься в Мск, – заверил Сергеев, – сразу с тобой гульнем, как следует. Ты когда прилетаешь?

– Через три дня.

– Ну вот и славненько, – Сергеев снова похлопал Платона по плечу и увидел входящую в аудиторию Ирину. – Сорри, мне пора.

И он ушел к ней – шептаться, пить шампанское из высоких бокалов, приобнимать так, чтобы никто не видел, за талию.

Еще фуршет не закончился, а они двое попрощались с Платоном – Ирина обняла его, коснулась Платоновой щеки своей, Сергеев тоже обнял, приподнял над полом и встряхнул на эмоциях, а потом стиснул руку так, что у Платона в глазах потемнело – попрощались и ушли. Платон же уходить не хотел и, меняя пустые бокалы на полные, переходил от одной компании к другой, перекинулся даже парой слов с деканом, поблагодарил его за гостеприимство и выразил свое восхищение Прагой. Потом, когда фуршет подошел к концу и в аудитории нечего уже было пить и есть, он откликнулся на внезапное приглашение и вместе с одной из компаний – в которой почти никого не знал – отправился в бар неподалеку, и вместе с этой же компанией фотографировался на ступенях институтского крыльца, а потом у входа в бар, а потом в самом баре за широким столом, потому что вместе с Платоном в компанию пригласили фотографа из инициативной группы, чему тот оказался страшно рад.

Сперва сидеть в баре было весело, Платон был со всеми на одной волне и чувствовал, как грудь его сжимает сладкая тоска, вроде той, которую он испытывал на выпускном, покидая школу, и, вероятно, той, которую будет испытывать, покидая университет. Но затем общие темы кончились, тоска потеряла свою сладость и стала просто тоской – и он, не зная, что еще предпринять, позвонил Вале с тем, чтобы и его позвать за широкий стол или сесть где-нибудь еще или просто узнать, как у Вали дела, но Валя, конечно, не ответил.

– На нет и суда нет, – проворчал Платон и второй раз звонить не стал.

Когда компания перемещалась из первого бара во второй – а за ним намечались и третий, и четвертый, смотря кто как себя покажет – Платон поблагодарил всех за приглашение, извинился, обменялся контактами в социальных сетях, еще раз показал большой палец объективу фотоаппарата и пошел куда глаза глядят.

И через час уже был на вокзале, а еще через полчаса уже спал, прислонившись виском к вагонному окну. А еще через час, трезвея, пил кофе и смотрел, как вращаются на фоне брусчатки и подсвеченной фонарем стены деревянные шестерни. Еще через один час он сидел за стол в гостиной, накрытый для ужина.

Аня к ужину не спустилась, и сидя за столом, рассказывая тете Лизе о том, как прошел последний день в институте, Платон снова почувствовал неловкость – ту самую, которую чувствовал, став свидетелем реакции на отмененный приезд Андрея Александровича. О произошедшем накануне никто не заговаривал, но лучше бы, думалось Платону, заговаривал – было бы не так неудобно. Как это водится, нарочно избегаемая тема точно в воздухе висела и норовила заполнить собой каждую паузу в разговоре, тем самым постоянно о себе напоминая.

– А что же, Платоша, это ежегодная программа? – спрашивала тетя Лиза.

– Да, – торопился Платон сократить паузу между репликами, – но вряд ли они будут брать тех, кто уже участвовал.

Тетя Лиза кивала.

Главным – и единственным, вероятно – плюсом случившегося Платон видел налаживающиеся отношения с Колей. Коля теперь хоть и выглядел несколько подавленным –

ему, вероятно, тоже было неловко – но вел себя с Платоном почти совсем как прежде: смотрел в глаза, слушая, спрашивал что-то сам.

– Ну а как у вас с Матиасом? – спросил Платон, чтобы разрядить обстановку. – Помирились?

Коля против воли улыбнулся.

– Помирились.

– Дети, – вздыхала тетя Лиза, – утром поссорились, вечером помирились.

Платон не выдержал и рассказал про Валю, про то, что тот разругался с Сергеевым – о причине Платон умолчал – и заселился в комнату, которую прежде, вполне возможно, занимал пропавший студент.

Коля слушал, распахнув глаза.

«Завтра перескажет Матиасу, – думал Платон. – И пойдет из рук в руки еще одна легенда, будет обрастать подробностями».

– А смелый малый этот ваш Валя! – воскликнул Коля, когда Платон закончил. – Не побоялся...

Платон рассмеялся.

– Да он, наверное, не верит во все это, вот и не боится.

– И ты, Коля, не верь, – подытожила тетя Лиза, закрыв глаза. – И будь добр, позови еще раз Анюту, вдруг она все-таки спустится.

Коля сбегал наверх и вернулся ни с чем.

– Заперлась и сидит.

– Ну заперлась и заперлась, – махнула рукой тетя Лиза добродушно. – Стыдно, наверное, за вчерашнее-то.

Платон сомневался.

Спустившись наутро к завтраку, он узнал, что Аня встала раньше всех и приготовила себе сама. Поела – и вернулась в свою комнату.

И до самого отъезда она ни разу не показалась Платону на глаза – ела в своей комнате, а перемещалась по дому, только если Платон сидел у себя или отсутствовал.

Платон эти три дня много отсутствовал – как и во времена первого Аниного бойкота. С утра – просыпаясь, впрочем, к полудню – до вечера он гулял по городку, заходил во все места, в которые мог зайти, и по второму кругу прощался с тем, к чему – и с теми, к кому – успел привыкнуть.

«А ведь и ко мне тут все успели привыкнуть, – думал Платон, поглубже прячась в воротник. – Я вот уеду – и городок этот по мне, возможно, будет скучать».

И ему думалось, что и он за эти три месяца стал чем-то вроде достопримечательности и примелькался, а теперь вот раз – и исчезнет. Будут ли о нем вспоминать? Тетя Лиза, Коля – понятно. А Радек, хозяйка кофейни, племянница аптекаря, сам аптекарь, в конце концов? Астроном? Или они начисто забудут его, как только он уедет?

Пройдет много лет, и Радек, совсем седой, вернувшийся из очередного путешествия – в Монголию или Японию, или Индию – сядет с чашкой кофе за свой столик у окна, посмотрит на проливной дождь, а потом окликнет хозяйку и спросит по-чешски:

– А помнишь, Варвара, того паренька, из Москвы? Который гостил когда-то здесь в доме Андрея Александровича?

И постаревшая хозяйка наморщит задумчиво лоб, а затем вскинет указательный палец вверх:

– Верно, был такой, всю осень у меня просидел! Что-то с ним сейчас?

И он для них будет как бы привидением, далеким-далеким сном.

Платону нравилось так фантазировать – и куда бы он ни заходил, он представлял, как его, помелькавшего и исчезнувшего, здесь вдруг вспоминают много лет спустя.

В одну из прогулок компанию ему составил Коля – Платон обещал показать дом астронома. Общение с Колей совсем наладилось, Коля засыпал его новыми историями и незнакомыми Платону деталями старых.

– Матиас рассказал, что видел, как статуя шагает по скверу, мы из-за этого с ним и поругались.

– Ты ему не поверил?

– Конечно, не поверил!

– Но ты же сам рассказывал, что статуя... ну, что она умеет что-то такое.

Коля кивал утвердительно.

– Правильно. Но чтобы ее увидел Матиас – в это я не поверю.

Статуя стояла на своем месте и покидать его, кажется, не собиралась. Городок заволакивало сухим, пробирающим до костей холодом, улицы были серы, тихи и неподвижны – и в воздухе висело ожидание настоящей зимы, напряжение, предшествующее обычно обильному снегопаду.

Прагу, напротив, продувало насквозь ветрами – но гирлянд в ее окнах и витринах появлялось все больше, кое-где уже стояли елки, на площадях играла музыка, и ветер воспринимался не самой приятной, но необходимой для общей картины деталью, призванной оттенять остальные и служить чем-то вроде фона.

– Ну где же? – спрашивал Коля.

Платон привел его в район, по которому тащил, надрываясь, коробку и теперь вел вдоль одинаковых домов.

– Не знаю, Коля, дома одинаковые, не могу понять, какой именно.

Решили читать таблички у дверей – Платон двинулся с конца улицы, Коля с начала, посередине встретились, но таблички с именем Велько Шарановича никто не обнаружил.

– Может, улица другая... – предположил Платон.

Перебрались на соседнюю – тоже заставленную одинаковыми четырехэтажными коробками – потом еще на одну, потом такие улицы кончились, и Платон развел руками:

– Не знаю, Коля, темно было.

Он стал определять нужный дом по каким-то деталям – отсюда фонарь светил, отсюда луну видно было – но скоро сдался.

– Придумали, – рассмеялся беззлобно Коля, и Платон понял, что скажи он сейчас, что да, он придумал Велько Шарановича и его мансарду, Коля не обидится, а может быть, даже и обрадуется.

– Нет, Коля, не придумал, – покачал головой Платон. – Надо его в интернете поискать.

Коля махнул рукой.

– В интернете такое не найти.

Платон не стал спорить.

– Пойдемте домой, мама запеканку готовит.

И пока шли домой, Платон все поглядывал на Колю и думал: «может, сказать ему все-таки, что она сама меня поцеловала?» И приходил к выводу, что не стоит – забыли и забыли.

За день до отъезда, когда Платон собрался с силами и приступил-таки к сборам, которые оттягивал до последнего, объявился Валя – и не просто объявился, а стал умолять Платона о встрече.

– Не могу я уже один, – жаловался Валя в трубку, – крыша едет. Давай встретимся, а? На час-полтора?

Платон прикинул, сколько времени ему потребуется на сборы, и согласился. Вспомнил расписание электричек и назвал время, в которое сможет быть в Праге.

– Только я туда и обратно, Валя, мне вещи собирать.

– Ты что, зачем тебе-то? – возмутился вдруг Валя. – Только время тратить! Давай я сам приеду, а ты собирайся спокойно. Хоть посмотрю на твою провинцию.

Платон удивился, но возражать не стал. Объяснил Вале, куда ехать, какой электричкой. Пообещал встретить. И через два с половиной часа, в продолжение которых вместо того, чтобы собираться, валялся на кровати, встретил осунувшегося и всклокоченного Валу на перроне.

– Сонная такая дорога, – улыбнулся Валя, пожимая Платону руку. – Боялся станцию проспять.

– Сонная, – согласился Платон.

– Ну что, – Валя оглядел перрон заинтересованно, – как ты тут живешь?

– Я ж не на перроне живу, – рассмеялся Платон.

Он провел Валу через вокзал, мимо аптеки и по мостику, вывел к площади с Бронзовым.

– А я знаю, кто это, – сказал Валя, глядя на Бронзового.

Он назвал имя и фамилию, титул даже, но Платон их тут же забыл.

– Пошли в кофейню, – предложил он.

Он хотел было привести Валу в дом тети Лизы – познакомить и представить, товарищ все-таки, но потом передумал: о таком тетю Лизу стоило бы предупредить заранее, да и не настолько Валя ему все-таки близок, чай не Сергеев.

– Пошли, – пожал плечами Валя.

И пока шагали в сторону кофейни, он все смотрел по сторонам и кивал удовлетворительно – и даже что-то бормотал сам себе под нос. Платон подумал, что Валя за эти дни порядком одичал.

– Валя, а ты когда в Москву?

– Как когда? В середине месяца.

Платон опешил.

– А почему?

Валя хмыкнул и дернул головой, отбрасывая волосы со лба – очки чуть не слетели с переносицы.

– А что же мне, бежать, поджав хвост? – он посмотрел на Платона. – Не-е-ет, мне еще турнир выигрывать.

Платон вспомнил про шахматный турнир.

– Вот выиграю... – заговорил тише Валя, точно обращался уже не к Платону. – Они тогда все у меня будут знать... – он посмотрел на Платона. – Знаешь, сколько за первое место дают?

– Сколько?

– А тыщу евро!

– Круто.

– Я выиграю, – Валя посмотрел на Платона ошалелыми глазами, и Платон порадовался, что не стал звать его к тете Лизе, – и всю эту тыщу ей отдам!

– Кому?

Валя сжался, отвел взгляд.

– Ну... Берте, кому же...

Платон промолчал – как раз заходили в кофейню.

***

– Садись, Валя.

Столик у окна был свободен.

Валя сел и заинтересованно уставился на вращающийся механизм – тот отразился в его очках. Платон повесил куртки и пошел к стойке – поздоровался с хозяйкой, сделал заказ. Вернулся и увидел, что Валя по-прежнему замороженно смотрит на шестерни.

– Круто, правда? – спросил Платон, усаживаясь напротив.

– Что? – Валя заморгал, точно проснулся. – А, это... Да, симпатично.

Он оглядел кофейню.

– Да и в целом довольно сносно...

Помолчали, Валя снова залип на механизм.

– Валя, а где же ты жить будешь? В общеаге?

Валя мотнул головой.

– В хостеле. Мне в общеаге не нравится. Сплю плохо.

Он хмыкнул и поерзал на стуле, посмотрел на Платона.

– Дичь всякая снится, представляешь? По десять раз за ночь просыпаюсь и лежу, в потолок смотрю.

Платон пожалел, что не взял с собой Колю.

– А если в... вашу старую комнату вернуться?

Валя нахмурился и покачал головой.

– Да ее и займут, наверное, – добавил он. – Старые хозяева ж прилетят.

Платон подумал про меломана, обклеившего ту половину, которую занимал Сергеев, постерами.

Хозяйка принесла кофе и улыбнулась Вале, Валя посмотрел на нее недоверчиво.

За окном застыл неподвижный серый день – как будто с целью нарушить его неподвижность, на его фоне вращались неумолимо и безостановочно, не ускоряясь и не замедляясь, с тихим поскрипыванием, шестерни.

– Зря ты на Сергеева злишься, – сказал Платон прямо, подумав.

Валя сделал вид, что не услышал, сидел, глядя в окно.

– Хороший кофе, – выдавил он, наконец.

– Ты же не попробовал еще.

– По запаху ясно, что хороший.

Он взял кружку обеими руками, отпил немного, причмокнул и кивнул.

– Как и я говорил.

Потом он вздохнул и посмотрел на Платона.

– Да я же... – начал он и сбился, пошуршал ладонью по небритым щекам. – Злюсь... – задумчиво повторил он слова Платона. – Тут ты прав, я на него злюсь, – он усмехнулся. – Но только я же понимаю, что он ни в чем не виноват.

Платон посмотрел удивленно.

– Конечно, понимаю, – кивнул Валя. – Не совсем же я дурак.

Он отпил кофе.

– Понимаю, что это все... Берта, что это ее вина, – он поежился и шмыгнул носом. – Понимаю, что Сергеев, если судить отстраненно, вообще-то хороший малый, – он покивал, точно убеждая Платона. – Он вообще-то меня много раз выручал, если хочешь знать.

Платон пожал плечами – похоже на Сергеева.

– И он в этой ситуации, конечно, чист, – подытожил Валя. – У него вон Ирка есть, что ему до моей Берты? – на слове «моей» голос у Вали дрогнул. – Но только знаешь, что? – он снова посмотрел на Платона диким взглядом, таким, с которым говорил о победе в турнире. – Я на Сергеева из-за этого еще только сильнее злюсь!

Платон присвистнул.

– Я тебе даже больше скажу... – Валя понизил голос. – Я его за это, за то, что виноват не он, а... она... я его за это почти что ненавижу!

– Валя, – вздохнул Платон.

– Ва-а-а-аля, – протянул, издеваясь, Валя. – А вот тебе и Валя. Вы все думали, что Валя белый и пушистый, а Валя вот какой гнидой оказался.

Он замолчал и сосредоточился на кофе.

– И из-за этого мне, наверное, и хреннее всего, – пробормотал он, глядя в опустевшую наполовину чашку. – Берта ладно, Берта... – он махнул рукой. – А вот что я человека... друга! Друга ненавижу из-за того, что он как раз и не виновен!.. – Валя согнул палец и подковырнул им невидимый рычажок. – Вот из-за этого мне тошно. Из-за этого и снится, наверное, всякое...

Платон вздохнул и дотянулся своей чашкой до Валиной, стукнул негромко.

– Не хандри, – посоветовал он. – В Москву вернешься, все забудется.

Валя пожал плечами.

– Забудется... Может, и забудется... – он вдруг вскинул на Платона красные глаза. – Платон, ну вот ты мне скажи – ты же в этих делах опытнее меня – ну скажи мне, как она могла, а?

Платон, вместе с жалостью к Вале ощутивший против воли прилив гордости, скривился.

– Да забей, Валя, – сказал он весело. – Если так случилось, то не твое.

Валя повесил голову на грудь и застонал.

– Ну как не мое, если я уже и кольцо почти купил и со всей родней ее познакомил...

Платон стиснул зубы, чтобы не засмеяться.

– Как ты ее познакомил?

– По видеосвязи...

И Валя приподнял очки, по-детски вытер глаза тыльной стороной ладони.

– Валя, Валя, – шикнул на него Платон, увидев, что хозяйка заинтересованно наблюдает за ними из-за стойки. – Ты чего расклеился?

Валя забормотал что-то неразборчиво, потом еще раз вытер глаза, шмыгнул носом раз-другой и заплакал.

– Где тут сортир? – всхлипывая и пряча лицо от Платона, спросил он.

Платон показал на дверь в углу, и Валя, цепляясь за спинки стульев, удалился.

Тут же подросла хозяйка.

– Все в порядке? У вашего друга что-то случилось?

Платон цыкнул.

– Неразделенная любовь.

– Бедненький! – воскликнула хозяйка, прижав руки к груди. – Как мне его жалко! Он же совсем как воробушек!

Вода в туалете перестала шуметь. Хозяйка прижала палец к губам и быстрым шагом вернулась за стойку, а когда Валя – с красным носом и прилипшими ко лбу волосами – шмыгая и всхлипывая, сел на свое место, принесла и водрузила на столик две порции шоколадного десерта.

– За счет заведения, – решительно сказала она, подмигнула Платону и, не дождавшись ответа, ушла.

Валя удивленно посмотрел на десерт, потом на Платона.

– Спасибо, – пробормотал он.

Коснулся десерта ложкой, попробовал с опаской и округлил глаза.

– Вкусно.

– Вкусно, – согласился Платон.

Через минуту Валя, всхлипывая, уплетал десерт за обе щеки. Хозяйкино лицо светилось из-за стойки.

– Спасибо тебе, – говорил с набитым ртом Валя и шмыгал. – Что согласился встретиться.

– Да пустяки, Валя.

Валя качал головой.

– Для тебя пустяки. А мне еще две недели тут блуждать... – он нависал над столиком и ставил десерт на паузу. – Ты не поверишь, я же в четырех стенах сидеть не могу... В четырех стенах совсем швах! – он пучил глаза. – Так и хожу по Праге, хожу, хожу... На меня люди уже оборачиваются, как в участок не забрали, не понимаю!

Платон понял, что картина, которую он себе представлял, не слишком расходилась с истинной.

– Тут посижу, там посижу... – продолжил Валя. – Партиечку разыграю, выпью чего-нибудь, – он коснулся пальцем шеи, – и иду дальше. Всю Прагу исходил вдоль и поперек! Вернусь в комнату, а ноги не гнутся от усталости!

– Ну так уезжай, Валь. Что ты себя мучаешь?

– А турнир! – каркнул Валя и встряхнул волосами. – Турнир, понимаешь?

Глаза его – запавшие, в красной вязи капилляров, горели огнем, в котором можно было бы заподозрить помешательство. Платон вздохнул и сосредоточился на десерте, Валя последовал его примеру.

– А она? – спросил Платон тихо. – С ней виделся?

Валя вытер измазанный шоколадом рот и посмотрел на Платона с болью.

– Виделся.

– И?

Платон подумал, что зря заговорил про Берту, что Валя сейчас чего доброго опять разрыдается. По Валиному лицу и впрямь прошла судорога, но он сумел сохранить самообладание и скривил губы в обратную сторону – в улыбке.

– Смеется надо мной.

– Смеется?

Валя пожал плечами.

– Такой уж характер.

И взгляд его на миг потеплел. Платон покачал головой.

– Не говори ничего, – попросил Валя. – Ты сейчас скажешь что-нибудь плохое про нее, и я с тобой больше общаться не смогу.

– Да не собираюсь я ничего говорить, – скривился Платон. – Чего мне в чужие дела лезть?

Валя посмотрел благодарно и вернулся к десерту. Когда обе тарелки опустели, Платон кивнул хозяйке и попрощался с ней. А затем посмотрел на часы.

– До электрички времени еще порядочно, – сказал он Вале. – Можем пройтись.

Валя затряс довольно головой.

И Платон почти час водил его по городку, показывал и рассказывал, даже перед домом тети Лизы постояли, глядя на освещенные окна гостиной, а потом пошли искать дом астронома и снова не нашли.

– Может, тебе приснилось? – спросил Валя серьезно. – У меня последнее время частенько такая штука – что поди еще отличи сон от яви.

– Не, – твердо ответил Платон. – Все остальное могло присниться, а это – было.

К нужному времени – когда городок уже кутался в сумерки, и фонари горели загадочно и оранжево – Платон вернул Валу на перрон и посадил на электричку. Валя рассыпался в благодарностях и до последнего не уходил в вагон, а балансировал на краю верхней ступеньки и клялся Платону в вечной дружбе.

– Спасибо тебе, спасибо, – говорил он, прижимая тонкую ладонь к сердцу. – Ты не представляешь, как ты мне помог! Ты меня почти спас, Платон, говорю тебе, почти спас! Никогда я этого не забуду!

– Да перестань, – махал рукой Платон. – Ерунда.

– Не ерунда, не ерунда! – спорил Валя. – Ты мне руку протянул, когда я... когда я, можно сказать... – голос его опять дрожал. – А давай я тебя завтра в аэропорт провожу! – Валя оживился, глаза его заблестели.

Платон пожал плечами – давай – и назвал время.

– Забились, – обрадовался Валя. – Я тебя на вокзале буду ждать.

И только когда двери закрылись и электричка тронулась с места, покатила по рельсам в темноту, Валя прошел в вагон – совершенно пустой – и сел на одно из мест, но и тогда продолжил смотреть благодарно на Платона и кивать ему.

Когда электричка пропала из виду, Платон почти бегом побежал к тете Лизе – нужно было складывать вещи.

А потом были сборы, а потом был тихий и немного грустный ужин, а потом снова были сборы – и все это время Аня сидела в своей комнате, и даже от ужина отказалась, передав тете Лизе, что не голодна после плотного обеда.

Где она и насколько плотно обедала, Платон понятия не имел, потому что в это время успокаивал Валу в кофейне.

Посреди ночи он проснулся – как просыпался первое время после приезда – и долго лежал, прислушиваясь. Щелкали часы, поскрипывали сонно половицы то в одной части дома, то в другой, лаяла издали собака.

«Надо было хоть посмотреть на нее», – подумал Платон и пожалел, что за три месяца не озаботился поисками забора, из-за которого раздается ставший ему совсем родным лай, и за который можно было бы попробовать заглянуть.

«Встать что ли, подойти к окну... – подумал он, вспомнив первую ночь. – Посмотреть, как там сейчас...»

Но вставать и подходить к окну ему не хотелось – под одеялом было тепло, лежал он удобно, не хотелось и шевелиться, не то что вставать. А к тому же навстречу ему спешил ранний подъем, от которого он успел отвыкнуть за последние, полные безделья и беспечности, дни.

Из Аниной комнаты не доносилось ни звука. Платон подумал про Валу, который спит сейчас в жуткой комнате общежития, про Сергеева, который спит на втором этаже огромной Московской квартиры, про тетю Лизу и Колю, про маму. И снова на душе у него стало весело-тревожно, как было в то утро, в которое он опоздал на электричку и остался бродить по городку вместо того, чтобы сидеть на занятиях.

«Ну проводить-то она меня выйдет», – внезапно подумал Платон. А затем спросил себя: «А мне это надо?» Получалось, что как будто и не надо – но ведь правила приличия, законы гостеприимства... «Правила приличия», – фыркнул он, вспомнив, как Аня окатила Желткова шампанским. И все-таки ему думалось, что она спустится – чтобы попрощаться.

Но Аня не спустилась. За завтраком Платон, зевая поминутно в кулак, выслушал от тети Лизы наставления по тому, как лучше добраться от Пражского вокзала до аэропорта и пообещал вручить маме гостинцы, которых набрался целый пакет.

– Торт я не передаю, – смеялась тетя Лиза, накладывая в Колину тарелку яичницу. – Чтобы тебе не пришлось ехать в институт на кафедре.

Коля – сонный и тихий – потягивал чай, обхватив кружку ладонями. По случаю отъезда Платона тетя Лиза разрешила ему опоздать в школу.

– Это очень хорошо, Платоша, что тебя встретит и проводит тот мальчик, – говорила тетя Лиза о Вале. – Он тебе и с вещами поможет, если нужно будет – да и просто, вместе же веселее.

Она прислушивалась к тишине за пределами кухни.

– А Анюта все спит...

И вздыхала.

Позавтракав, Платон вернулся в комнату и перепроверил чемодан с рюкзаком – все ли взял? Обнаружил, что не взял наушники и всю комнату обшарил – пока не нашел их в ящике стола.

В назначенное время напротив дома остановилось такси. Платон, нарочно не стараясь быть тихим, спустил вещи на первый этаж – Коля помог с рюкзаком – обулся и завернулся в куртку. Окинул прощальным взглядом прихожую и гостиную, лестницу и дверь во двор, вешалку и картины на стене. Обнялся с всхлипывающей тетей Лизой, пожал протянутую Колей – совсем по-взрослому – руку, вышел на крыльцо и, перед тем как шагнуть за калитку, осыпал прощальными взглядами палисадник в инее, голую и от этого точно застывшую от стыда яблоню, укрытые утеплителем – в складках уже собралась труха – клумбы.

Коля с тетей Лизой – без курток, в домашних тапочках – вышли на крыльцо и смотрели, как Платон грузит чемодан в багажник, как садится на переднее сиденье и машет им, кивает благодарно.

– На вокзал? – спросил таксист.

– На вокзал, – ответил Платон.

И пока не свернули на перекрестке, Платон видел – сперва скосив глаза и обернувшись, а потом в зеркало – что тетя Лиза и Коля все стоят на крыльце.

Платону стало грустно. В салоне играла негромко веселая музыка, пахло чем-то цитрусовым, на панели моргала огоньками крошечная елочка на липучке. Мимо плыл городок – и Платон, одаривая все, что попадалось на глаза, прощальными взглядами, отмечал, что вот он уезжает, но ничего не меняется, все живет своей жизнью, просыпается, готовится к трудовому дню, что редкие прохожие – даже те, чьи лица Платону знакомы – не оборачиваются на такси и не смотрят ему вслед, как тетя Лиза и Коля, а спешат по своим делам или заняты своими мыслями.

Прощальным взглядом Платон смотрел и на аптеку – обернувшись с вокзального крыльца – и на вокзал, и на перрон. На уплывающую за окно электрички башенку ратуши, на крыши и фонари, кроны и флюгеры. На серые холмы и поля, далекую щетину леса. Затем Платон – повинувшись выработанному за осень рефлексу и в силу раннего подъема – уснул и во сне, возможно, тоже на что-нибудь смотрел прощальным взглядом, но этого не запомнил. Проснулся он аккуратно к Праге, подумал, что зря согласился на Валино предложение, что в такое утро хорошо побыть одному, одному проделать путь до аэропорта, думая о своем и не скупясь на прощальные взгляды. Подумал даже, что Валя, может быть, проспал или просто не явился, что это было бы очень кстати – подумал и сам себя пристыдил.

Валя – нахохлившийся и взъерошенный, действительно похожий на воробья – перетаптывался на перроне.

– Минут двадцать уже стою, – то ли упрекнул он Платона, то ли похвастался.

Он предложил Платону взять рюкзак, тот отмахнулся, они вышли из вокзала и двинулись в сторону метро. Прага шумела обычным утренним шумом, носились туда-сюда автомобили, спешили люди – и никого также не занимал Платон со своим чемоданом, всем было безразлично, что он уезжает.

«Так вот умру я когда-нибудь, – подумал он, и от мысли этой ему внезапно стало не по себе. – И всем... ну, кроме близких... всем будет пофиг. Ничего не изменится. И Прага будет стоять, как стояла. И Москва с Китаем».

Валя рассказывал что-то – про турнир, про общежитие и хостел, преимущества того и другого – но Платон слушал вполуха, хотя и отвечал, когда нужно, делал удивленное лицо или качал головой.

– Я теперь Прагу на зубок знаю, – говорил Валя в вагоне метро, обернув руку вокруг поручня и сунув ее в карман. – Столько повидал, ни одна экскурсия не сравнится.

Он показывал на станцию за закрывающимися дверями.

– Здесь ночью уличный музыкант выступал – двойник Элвиса Пресли.

В холле аэропорта, перед рамками металлоискателей долго прощались – Валя расчувствовался и тряс руку Платона так, словно пытался ее сломать.

– Напиши как приземлишься, – говорил он. – Обязательно напиши!

– Хорошо, – обещал Платон.

– Я тебе ссылку на турнир пришлю, там трансляция вроде как должна быть.

– Хорошо, Валя.

– Ты сам, кстати, тогда неплохо играл, – вспомнил Валя ночевку Платона в общежитии.

– Задумайся, вдруг посерьезнее возьмешься?

– Хорошо.

Перед тем, как отправиться в путешествие по лабиринту рамок и стоек, окон и наклеенных на пол указателей, Платон призвал Валию не хандрить и в случае победы на турнире деньги оставить себе.

– Ни в коем случае! – ужаснулся Валя. – Иначе это все будет бессмысленно!

Платон вздохнул.

– И не говори про нее ничего плохого! – снова взмолился Валя. – И не думай даже, пожалуйста! Постарайся!

– Ладно.

Они попрощались еще раз, и Платон покати́л чемодан к стойкам. С эскалатора он обернулся, оглядел холл с высоты и Валию взглядом не нашел.

Когда все кордоны были пройдены, и Платон, избавившись от чемодана, оказался в зале ожидания, он сперва заскучал – столько времени еще сидеть – но потом двинулся от магазина к магазину, попил кофе в симпатично убранном закутке, побродил туда-сюда и понял, что глазом моргнуть не успеет, как объявят посадку. А если еще найти кресло поудобнее...

Он нашел кресло поудобнее, сел, вытянув ноги так, чтобы они не мешали проходившим мимо, распутал наушники и стал слушать музыку, глядя за широкие окна, за которыми клубилось над серым городом серое небо, и по серым взлетным полосам катались, набираясь

скорость, серые самолетики, похожие отсюда на модели в Колиной комнате. От воспоминаний о Колиной комнате он перешел к мыслям о том, что Аня не вышла даже попрощаться, и отметил, что ему, в общем-то на это наплевать, что он от нее чего-то такого и ждал – спасибо, что просто не вышла, а не устроила напоследок какой-нибудь скандал.

«Я уезжаю, а Желтков остается, – усмехнулся он. – Вот кому будет несладко».

Он вспомнил, что Желтков на самом деле – не Желтков, и подумал, что не хочет знать его настоящей фамилии, что пусть уж он остается в его памяти Желтковым.

«А все-таки могла бы и спуститься», – подумал Платон, оставив Желткова в покое и вернувшись мысленно к Ане. Он подумал, что вообще-то с ее стороны то, что она не вышла попрощаться с ним, – не только и не столько невежливо, но еще и, быть может, непохоже на нее, ведь она могла использовать прощание для какого-то заключительного жеста, в ее стиле – поцеловать, например, Платона в щеку при тете Лизе или всучить ему ежа с требованием переправить в Московский зоопарк... Да хотя бы и просто сказала бы что-то, посмотрела бы как-то – по-своему – может быть, так, будто ничего и не было, ни истерик, ни сцен, ни бойкота, как ни в чем не бывало; вышла бы и такая: ой, вы уже уезжаете, Платон, хорошей вам дороги, будьте здоровы. С ее стороны это было бы ожидаемо, хотя и молчание, конечно, тоже в каком-то смысле – жест.

За мыслями, воспоминаниями и как нарочно спокойной музыкой, всплывающей в случайном порядке из плейлиста, Платон задремал. А когда открыл глаза – из-за того, что спокойная музыка сменилась беспокойной – то увидел, что за окном валит сплошной белой стеной снегопад. Платон подтянулся в кресле, с которого за время сна почти совсем сполз, утер мокрый уголок губ и какое-то время восхищенно смотрел на снегопад, сквозь который лоскутками показывалось то темное уже небо, то огни города, то самолетики на взлетной полосе. Снегопаду были рады, казалось, все – многие подходили к окну с телефонами, делали фото или снимали видео. Взрослые и дети, мужчины и женщины, компаниями или по одиночке... Платон вдруг решил, что спит – в числе остальных у окна стояла к нему спиной Аня, но, конечно, не фотографировала и не снимала видео, а просто стояла и смотрела. Одетая она была в свое пальто с меховым воротником, на голове красовалась пушистая шапка – похожая формой на цилиндр. Платон не видел ее рук, но был уверен, что они спрятаны на груди в муфту.

«Вот это вполне в ее духе, – подумал он, вставая и не зная, что ему делать. – Но как ее сюда пустили? Сюда ведь только пассажиров...»

Сердце у него провалилось куда-то в живот – Аня, по-видимому, улетала в Москву вместе с ним. Она, наверное, взяла билет... сколько же он стоит?.. взяла и примчалась сюда, договорившись с тетей Лизой... Платон похолодел. *Не договорившись* с тетей Лизой, никому ничего не сказав, сбежав из дома с каким-нибудь крошечным чемоданчиком, в котором кроме книг и пары платьев – драгоценности, ожерелья и серьги, которые можно продать...

Платон запаниковал и дернулся, чтобы бежать к ней, потом передумал и потянул из кармана телефон – срочно звонить тете Лизе, говорить, что Аня тут, с ней все в порядке, пусть не сбиваются с ног и не пугаются слишком сильно... ему представилось, как тетя Лиза и Коля почти бегут по улицам городка, сквозь снегопад... там ведь тоже снегопад?.. Бегут и зовут: «Аня! Аня!» А Аня – Анька, блин, дура, чем она вообще думает?! – греет тут руки в своей муфте и смотрит на взлетную полосу и ждет, пока объявят посадку, чтобы лететь в Москву, а там...

У Платона пол под ногами закачался. Оставляя один шанс из тысячи на то, что он все еще спит, он почти вслепую, не отрывая взгляда от Аниной спины, нашел номер тети Лизы и занес палец над зеленой трубкой – и тут же погасил экран, потому что Аня, устав, видимо, стоять у окна, обернулась и зашагала к креслам, и оказалось, что это не Аня, а какая-то другая девушка, смуглая и скуластая, совсем на Аню не похожая.

Руки ее держали планшет и ни в какую муфту спрятаны не были.

Но пальто! Но шапка!

«Пальто, шапка... – выдохнул Платон, усаживаясь в кресло и вытирая пот со лба. – Бывает и не такое».

Он почувствовал, что сердце у него в груди колотится как боксерская груша, и рассмеялся. Зажмурился, потер переносицу, вспомнил, как однажды уже перепутал кого-то с Аней – рыжеволосую девушку на вокзале, после марафона по барам. Открыл глаза и посмотрел на часы – вот-вот объявят посадку, можно занимать очередь.

Музыка в наушниках вновь стала спокойной.

Платон поднялся, подхватил рюкзак и зашагал к нужному выходу.